

ОТЧУЖЬ ДОМ

Литературно-художественный и культурно-просветительский
альманах для семейного чтения

№ 7, 2017 год

20 ЛЕТ ЛИТЕРАТУРНОМУ ОБЪЕДИНЕНИЮ

«ЗДРАВСТВУЙ, МИЛЫЙ «ОТЧИЙ ДОМ!..»

Так пелось в одной известной песне... Отчий дом! Это словосочетание наполняет душу теплом, уютом, надёжностью. И не суть важно, где находится отчий дом — в столичном городе или в глубинке. Небольшой город Новокуйбышевск в России, казалось бы, мог затеряться на литературной карте России на фоне литературных столиц и мегаполисов. Но в этом городе работает «Отчий Дом» — едва ли не единственное в России литературное объединение, в 2009 году защитившееся на звание «Народный коллектив», и уже несколько раз это звание с блеском подтверждавшее. В 2017 году литобъединение «Отчий Дом» отметит своё официальное 20-летие. Хотя по факту городское литобъединение в Новокуйбышевске существует ещё с 1953 года. И жив ещё писатель, поэт-фронтовик и член Союза писателей России Илья Семёнович Павлов, когда-то его организовавший как филиал Куйбышевского отделения Союза писателей РСФСР.

В марте 1953 года Илья Семёнович обратился в Куйбышевское отделение Союза писателей СССР с просьбой помочь в организации профессиональной работы с литераторами. Надо сказать, не сразу нашёл он понимание со стороны тогдашних властей Новокуйбышевска. Вопрос решился лишь на уровне первого лица города — Алексея Максимовича Токарева. Токарев был настолько прозорливым и дельным руководителем, что вскоре возглавил Куйбышевский обком партии, а потом стал Министром тяжёлой промышленности СССР. Этот талантливый руководитель и помог литераторам Новокуйбышевска наладить системную литературную работу с авторами.

Так в марте 1953 года в Новокуйбышевске появилось городское литобъединение, куратором которого

стал Илья Семёнович Павлов. За годы существования литобъединение воспитало многие поколения поэтов и писателей. И не просто городского и областного, но всероссийского уровня. Особенно в этой связи хочется отметить выдающегося всероссийского русского современного поэта Евгения Семичева, который родился и вырос в городе Новокуйбышевске, и пришёл в литобъединение совсем юным автором. После вступления в Союз писателей России и окончания Высших литературных курсов Московского литературного института имени М. Горького в 1997 году начался всероссийский этап литературной известности Евгения Семичева. Его стихи стали востребованы ведущими изданиями России — от Москвы до самых до окраин. Вернувшись в родной город после высших литкурсов, Евгений Семичев привёз с собой жену-поэтессу Диану Кан. И они совместно продолжили работу с авторами после того, как Илья Семёнович Павлов передал им бразды правления коллективом, созданным им в далёком 1953 году. Сейчас Евгений Семичев является руководителем мастер-классов «Отчего Дома». Семейный союз двух выдающихся поэтов современности — Евгения Семичева и Дианы Кан распался. Но осталось содружество двух этих замечательных поэтов, которые являются гордостью не только города и Самарского региона, но и всей России. Сейчас Диана Кан живёт в Оренбурге, но она постоянно курирует нас, часто приезжает к нам на мероприятия, чтобы порадоваться, что созданный ею уникальный коллектив жив и не желает сдавать позиции.

В бытность руководителем «Отчего Дома» Дианы Кан коллектив не только защитился на звание народного, но и пополнился многими талантливыми авторами. Молодые поэты, члены Союза писателей России, ученики Дианы Кан и Евгения Семичева — Карина Сейдаметова и Сергей Бударин сегодня живут и активно работают на благо отечественной литературы в Москве. Карина Сейдаметова стала лауреатом ведущего литературного журнала России — «Наш современник». А Сергей Бударин вошёл в Совет молодых литераторов при Правлении Союза писателей России. И «Отчий Дом» вправе гордиться своими «выпускниками».

Сегодня бразды руководства народным литобъединением «Отчий Дом», которое стало кузницей молодых писателей, приняла на себя молодая поэтесса и прозаик Анастасия Устинова, автор двух книг, одна из которых вышла в Санкт-Петербурге в рамках программы поддержки молодых писателей России. Несмотря на молодость Анастасия — по-

Основатель литобъединения, поэт-фронтовик, член СПР Илья Павлов

стоянный автор многих уважаемых литературных изданий России, участник всероссийских семинаров-совещаний молодых писателей. С 2009 года народное литобъединение «Отчий Дом» стало издавать одноимённый альманах. Благодаря грамотной редакторско-составительской работе Дианы Кан такое издание не стыдно положить на стол первого лица государства. Альманах красив и внешне, и содержательно. Мы его называем и имиджевым изданием, и методическим пособием для литературного краеведения.

Наш коллектив, конечно, силён своим творческим активом. Хочу перечислить эти имена — члены Союза писателей России Евгений Семичев, Иван Бардин, Ольга Полухина, поэты Андрей Иванов, кандидат в члены Союза писателей России Татьяна Коковина, Лилия Егорова, Неля Христовова, Валентина Соколова, Наталья Мельникова, Вера Беляева, Виктория Иванова, Леонид Котов, Тамара Сакс, Александр Чулков, Александр Мишарин, Светлана Самарина, Пётр Злобин, Юлия Ежова и другие. Эти авторы являются лауреатами и дипломантами городских, областных и даже международных конкурсов и фестивалей. Их победы входят в копилку достижений коллектива, который является, по сути, гордостью и даже достопримечательностью нашего небольшого городка. Выходящие авторские сборники наших поэтов-отчедомовцев и последующие творческие презентации-вечера — становятся событием в культурной жизни Новокуйбышевска.

Ещё я бы хотела отметить творческую преемственность поколений в народном литобъединении «Отчий Дом». Так в своё время к нам в коллектив привела своего внука, совсем юного на тот момент поэта (ныне студента Самарского технического университета) Леонида Котова его бабушка — Вера Ивановна Беляева. Привела, да так и сама осталась в коллективе вместе с внуком! Все мы помним первое выступление Лёни, когда он робко ступил на сцену и, читая стихи, так разволновался, что немного перепутал слова. Ну а сегодня Лёня выходит на сцену уверенно, и его всегда прекрасно принимает публика. Нельзя обойти вниманием уникальную творческую семью Ивановых, где членами «Отчего Дома» являются и папа — Андрей Викторович Иванов, офицер запаса, прекрасный

Виктория Иванова выступает на празднике День литературы

гражданский поэт. И его дочь Виктория — поистине украшение нашего коллектива! Остаётся только загадкой, где он, глава большого семейства (четверо детей!) и руководитель предприятия, находит время для творчества! Но литературно-творческие вечера Ивановых — всегда событие городского звучания, ибо дети в этой семье талантливы, как на подбор — занимаются литературным, вокальным и танцевальным творчеством.

Я бы назвала наш коллектив многоотраслевым. Ведь наши творческие вечера ярко демонстрируют, что поэзия является сферой притяжения и музыки, и танцевального искусства. Пример тому — прекрасные

После собрания

авторские романсы и песни в исполнении Ольги Полухиной и Светланы Самариной. Светлана же является и автором гимна коллектива, которым по традиции завершается любое наше мероприятие.

Несмотря на отсутствие книгоиздательской программы поддержки литературы в Новокуйбышевске, «отчедомовцы» даже в такое непростое кризисное время находят возможности привлечения средств на издание своих книг. Каждая изданный членом коллектива книга красива и внешне, и внутренне благодаря тому, что наши авторы понимают значимость работы автора с редактором. Ни за одну из книг не стыдно! И это в наше-то время тотального падения художественного уровня в литературе. Врач Валентина Соколова является автором четырёх книг, Татьяна Коковина и Ольга Полухина авторами трёх книг. Неля Хриосова автор замечательной книги «Свеча», Тамара Сакс — книги «Россия, река и весна», Лилия Егорова — сборника стихов «Цветы на придорожной полосе», Вера Беляева — поэтического сборника «Берегиня» и так далее. Каждая книга и каждая презентация Андрея Иванова и Виктории Ивановых выливается в феерическое представление, где поэзия и музыка переплетаются воедино. Ввиду высокого качества книг авторов «Отчего Дома» они настолько востребованы читателями, что практически сразу после презентации становятся библиографическими раритетами!

Сейчас много говорят о государственном значении патриотического воспитания молодого поколения,

чтобы оно понимало свою нужность для будущего Родины и не поддавалось на приманки враждебной пропаганды, организующей всевозможные подростковые виртуальные «группы смерти». Наш коллектив уникален тем, что фактически занимается одновременно патриотическим, эстетическим и духовно-нравственным воспитанием молодёжи — как литературной в рамках профессиональной работы, так и читательской — на творческих вечерах и встречах. И мы хотели бы, чтобы значимость этой работы была по достоинству оценена структурами государственной власти. Потому что мы занимаемся, по сути, задачей государственной важности.

Пока в Новокуйбышевске будет народное литобъединение «Отчий Дом», Новокуйбышевск не будет неким белым пятном на литературной карте региона и России, но — полноценным городом с крепким литературным потенциалом. И, конечно, наш коллектив благодарен всем тем уважаемым изданиям, которые оказали им информационное содействие, опубликовав эту статью о юбилее нашего коллектива — «Общественная литературная газета» (Москва), журнал «Русское эхо» (Самара), всероссийский журнал «Великоросс» (Москва), всероссийский интернет-журнал «Парус» (Москва) и другим.

Надежда Забараускас,

координатор народного литобъединения
«Отчий Дом»

Коллектив готов к театрализованному мероприятию

ЗНАЙ НАШИХ

ПАМЯТНЫЙ ЗНАК АВТОРАМ «ОТЧЕГО ДОМА»

В 2016 году исполняется 75 лет с даты принятия 15 октября 1941 года постановления Государственного Комитета Обороны «Об эвакуации столицы СССР Москвы». Куйбышев, как в советское время называлась Самара, получил статус законной запасной столицы страны. И туда в срочном порядке из Москвы были эвакуированы иностранные миссии, Верховный Совет СССР, Правительство и Народный комиссариат обороны. Практически до 1943 года Куйбышев выполнял столичные функции: на его территории и поныне действуют

городское мероприятие, на котором более 50 жителям города, принимающим активное участие в патриотическом воспитании, были вручены памятные знаки. Вручали их зам. главы города по социальным вопросам Е.М. Пахомов и зам. министра образования и науки, кандидат в Самарскую Областную Думу Н.Б. Колесникова. Под громкие аплодисменты получили свои награды и члены литературного объединения «Отчий Дом» — Валентина Соколова, Татьяна Коковина, Ольга Полухина, Наталья Мельникова. Интересно, что в разработке знака приняли участие ветераны, историки-краеведы, специалисты в сфере геральдики. В знаке сочетаются элементы, отражающие трудовой подвиг куйбышевцев, а также всеми узнаваемые символы, связанные со славным военным прошлым. Сиреневый цвет колодки знака с красной каймой взят от медали «За трудовую доблесть». На лицевой стороне памятного знака «Куйбышев — запасная столица. 75 лет» отражены знаменитый штурмовик «ИЛ-2», ставший символом Великой Отечественной войны, шеренга солдат, марширующих по самой большой в Европе площади — имени Куйбышева 7 ноября 1941 года, и расположенный на ней театр оперы и балета, в котором 5 марта 1942 года состоялась премьера Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича. Георгиевская лента на колодке завершает набор военных символов. Также этого памятного знака удостоены поэты, члены Союза писателей России Иван Бардин и Евгений Семичев.

крупнейшие предприятия военно-промышленного комплекса, органы военного управления, крупнейший транспортный узел. В городах Куйбышевской области развернулось крупнейшее производство оружия и боеприпасов. Каждый девятый выстрел артиллерии на фронтах войны, весь морской боезапас был снаряжен на заводах небольшого самарского города Чапаевска. Проведенный 7 ноября 1941 года на площади имени В.В. Куйбышева военный парад был приравнен к войсковой операции, и его итогом стал отказ Японии и Турции от вторжения в СССР. В связи с этой датой Губернатором Самарской области Николаем Меркушкиным был учрежден памятный знак «Куйбышев — запасная столица. 75 лет». 19 июля в Новокуйбышевске состоялось торжественное

Наталья Мельникова

ПОЭТЫ НА «РУССКОМ ПАРНАСЕ»

Поэты Евгений Семичев и Василий Попов

Поэтический вечер «Когда зацветает подснежник...» прошёл 14 апреля 2016 года в конференц-зале Правления Союза писателей России на Комсомольском проспекте. Это был вечер поэтов нескольких поколений: выдающегося современного поэта Евгения Семичева и известного молодого поэта поколения «детей перестройки» Василия Попова. Специальным гостем вечера была Анастасия Устинова, которую можно причислить к поколению рождённых в девяностые годы. На вечере присутствовали писатели и любители поэзии, а также сотрудники Правления СПР Марина Ганичева, Сергей Котьяло, Григорий Калюжный... В конце вечера на свободном микрофоне гости обменялись теплыми пожеланиями, и творческими напутствиями.

А 16 апреля Евгений Семичев, Василий Попов и Анастасия Устинова стали зваными гостями «Русского Парнаса» — так называется Государственный музей-усадьба, связанная с именами великих русских писателей, к примеру Карамзина и Вяземского. В этом музее прошли дни исторического и культурного наследия Москвы.

Когда-то владельцами этой старинной усадьбы были в разные времена дворяне Миныны, Ляпуновы, Львовы, Бартенева, Голицыны, Апраксины, многие из которых состояли в родстве с монаршей династией и были свидетелями и участниками исторических судеб России. К примеру, Прокопий Ляпунов в 1610 году он организовал свержение Василия Шуйского, а после занятия Мо-

сквы польскими войсками возглавил формирование первого ополчения и был его командующим. Бартенева — стрелецкий род. Львовы — дьяки, близкие к царскому двору. Петр Апраксин — граф, государственный деятель, сподвижник Петра I, участник русско-шведской войны. Князь Яков Голицын — внук воспитателя Петра I Бориса Голицына...

Один из владельцев Остафьева купец Козьма Матвеев — предприниматель, фабрикант и промышленник, родом из Тульской губернии, основатель различного вида производств суконного, красочного, сургучного в Москве и других городах. После специального Указа, разрешающего купцам покупать к своим фабрикам деревни с крестьянами, Козьма Матвеевич неоднократно обращался с просьбой к императрице Елизавете Петровне, купить ту или иную деревню. Так в 1751 году Матвеев купил у князя Голицына его имение в Остафьево и открыл красильное заведение. Пётр Иванович Сухарев был гениальный изобретатель-самоучка, открывший секрет изготовления редких красителей, они не уступали по

качеству заграничным и были необходимы для расцвечивания отечественных тканей. Купец Козьма Матвеев заслужил доверие правительства, отдавшего ему на откуп таможенные сборы в Нижнем Новгороде, а также табачный сбор. На рубеже 1750-1760-х годов Козьма Матвеев капитально отстраивает Остафьево. И созданный тогда ансамбль определил главные черты всей будущей композиции усадьбы. ..Ещё один знаковый этап в развитии усадьбы связан с именитым родом князей Вяземских, при них в Остафьево был построен главный дом, разбит парк. Именно в бытность Вяземских Остафьево приобрело славу «Русского Парнаса».

В апреле 2016 года в «Русском Парнасе» прошли дни исторического и культурного наследия Москвы, была представлена обширная программа мероприятий. В том числе, Первый поэтический фестиваль детской и юношеской книги. В нём приняли участие поэты Евгений Семичев, Галина Дубинина-Яковлева, Василий Попов, Наталья Пушкарёва, Анастасия Устинова. На творческую встречу с писателями пришли ученики 3, 5 и 7 классов. Несмотря на дождливую погоду, фестиваль удался на славу! Дети унесли с собой на память книги с автографами авторов. Вели программу выпускницы Высших Литературных Курсов Московского Литературного института, ныне сотрудник музея в Остафьево Инна Макарова, и Наталья Пушкарёва, куратор сектора детской литературы.

Анастасия Устинова

ДИАНА КАН – ЛАУРЕАТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЦВЕТАЕВСКОЙ ПРЕМИИ

В Елабуге состоялись VIII Международные Цветаевские Чтения.

Имя Марины Цветаевой навек связано с Елабугой, ведь именно в Елабуге поэтесса осталась навсегда и из Елабуги шагнула в вечность. Организаторами Цветаевских Чтений уже многие годы являются Елабужский государственный музей-заповедник и Казанский федеральный университет. В этом году участниками Чтений стали 112 человек из России, Германии, Испании, Франции, США, Казахстана и Украины. Среди них 42 ученых, доцента и профессора, 10 представителей музейного сообщества, 25 крупнейших исследователей жизни и творчества Цветаевой, 32 представителя творческой элиты Алтая, Москвы, Набережных Челнов, Оренбурга, Казани и других городов и регионов — поэты, прозаики, артисты, авторы-исполнители.

Собравшихся на открытии приветствовали замглавы Елабужского района Зульфия Сунгатуллина, начальник отдела профессионального искусства и художественного образования Министерства культуры Республики Татарстан Дилия Хайрутдинова, первый секретарь правления Союза российских писателей Светлана Василенко, директор Елабужского института Елена Мерзон и, конечно же, «энерджайзер» всего масштабного Цветаевского действия — генеральный директор Елабужского государственного музея-заповедника Гульзада Руденко.

В рамках церемонии открытия Цветаевских чтений состоялось вручение VII Литературной премии им. Марины Цветаевой. Лауреатами стали цветаеведы и поэты. Публикатор и комментатор произведений и писем Цветаевой Екатерина Лубяникова (номинация «Цветаевский мемориал»), автор переводов Цветаевой на испанский язык Рейес Гарсиа Бурдеус (номинация «Поэтический перевод»). И, конечно, премии Марины Цветаевой были удостоены собратья Цветаевой по поэтическому «цеху» — председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей, поэт Николай Алешков (Татарстан) и член Союза писателей России Диана Кан (Оренбург)... Черета наградений на этом не закончилась. Главный редактор литературно-художественного журнала «Бийский Вестник», директор Алтайской краевой научной и исторической организации «Демидовский фонд» Виктор Буланичев вручил медали «Василий Шукшин» заведующему отделом прикладных исследований и проектов Управления по взаимодействию с институтами гражданского общества Департамента президента РТ по вопросам внутренней политики, журналисту Рустему Гайнетдинову, народному поэту Республики Татарстан, лауреату Государственной премии РФ Ренату Харисову (заочно) и новоиспеченному лауреату Цветаевской премии, поэтессе Диане Кан. Премией — «Белуха» имени Г. Гребенщикова была награждена генеральный директор Елабужского государственного музея-заповедника Гульзада Руденко.

Более чем насыщенная программа VIII Международных Цветаевских чтений «Душа, не знающая меры...» включила в себя множество знаковых мероприятий.

Диана Кан

Моноспектакль «Я не знаю, что мне делать с этой любовью...» по произведениям Марины Цветаевой в исполнении актрисы Московского театра «111» им. П.М. Ершова Т.Горчаковой. Открытие выставки графических работ Е. Кокоревой (г. Москва) «Время! Я тебя миную...». Выступление народной артистки РФ, профессора Российского университета театрального искусства (ГИТИС), лауреата

Литературной премии им. Марины Цветаевой Антонины Михайловны Кузнецовой. Показ и обсуждение документального фильма режиссера Ирины Рёриг (Германия) «Три героини в поисках родины». И, конечно, публичные доклады участников Цветаевских чтений. Состоялась творческая встреча с авторами литературных журналов «Паровоз» и «Аргмак», ведущими которой стали писатель, киносценарист, первый секретарь Союза российских писателей Светлана Василенко и поэт, главный редактор литературного журнала «Аргмак» Николай Алешков. Встреча логично перетекла в Круглый стол на тему проблем и перспектив развития литературных журналов. Благодаря выступлениям поэтов из разных регионов России разговор получился весьма широкоформатным. Поэты и писатели Виталий Молчанов (Оренбург), Алексей Остудин (Казань), Александр Воронин (Казань, зам. главного редактора журнала «Аргмак-Татарстан»), поэт и автор-исполнитель Виктор Пеленягрэ (Москва), Вера Хамидулина (Набережные Челны), Евгений Эрастов (Нижний Новгород) и др. присутствующие ознакомились с механизмами развития литературного и издательского, журнального процесса в применении к разным регионам России. Известный литературный критик Вячеслав Лютый, заместитель главного редактора старейшего в России литературно-художественного журнала «Подъём» говорил о проблемах журнального процесса не только в применении к Воронежу, но и ко всей России. Выступивший в ходе круглого стола заведующий отделом прикладных исследований и проектов Департамента Президента Республики Татарстан по внутренней политике Рустем Гайнетдинов рассказал о взаимодействии власти Татарстана с многонациональным и весьма многочисленным писательским сообществом Татарстана. И озвучил впечатляющие суммы государственных вливаний в литературу, что имеют место быть в Татарстане в последние годы.

...Программа Цветаевских Чтений напоминала некий научно-литературный марафон, когда одно мероприятие плавно перетекало в другое, не считая того, что многие мероприятия шли параллельно на разных площадках. Отдельного разговора заслуживает конгломерат музеев Елабуги — пожалуй, одного из самых музейных городов России. В разное время здесь жили выдающиеся и знаковые для России люди, и елабужане бережно хранят память о

них. Участники Цветаевских Чтений посетили Историко-археологический комплекс «Елабужское городище» — памятник архитектуры домонгольского периода. Совершили экскурсию в уникальный Музей уездной медицины, связанный с именем и деятельностью гениального врача Бехтерева. Прекрасен, как образец купеческого быта, дом-музей Ивана Шишкина, где вырос будущий гениальный русский художник-елабужанин, чьи пейзажи увековечили чудесную природу Елабуги и России. Также Елабуга связана с жизнью ещё одной легендарной женщины России — кавалерист-девицы Надежды Дуровой, музей-усадебка которой — одна из жемчужин Елабуги. Гости совершили экскурсию по цветаяевским местам с посещением Петропавловского кладбища, где возложили цветы на могилу поэтессы. Посещение Дома Памяти Цветаевой я бы даже не рискнула назвать экскурсией, настолько трагична и одновременно возвышенно лирична атмосфера этого музея. А вот Музей «Портомойня» воистину уникален, других таких нет в России. В старину портомойни заменяли прачечные, причём елабужская портомойня была действующей ещё в 1911 году. Этим музеем восхищался не один зарубежный музейный специалист, называя Портомойню эталоном музейного дела! В этой портомойне-прачечной Цветаева тоже бывала, ведь здесь круглые сутки можно было набрать горячей воды. Я не случайно назвала Елабугу самым музейным городом России. Даже при Елабужском институте Казанского Федерального университета имеется целый ряд интереснейших музеев — Музей археологии и истории Татарстана, музей елабужского купечества, музей истории этого старинного учебного заведения, основанного некогда знаменитыми на весь мир купцами-елабужанами Стахеевыми, как институт благородных девиц. В этом роскошном огромном здании некогда существовала домовая церковь с иконостасом итальянского мрамора, которая ныне является актовым залом с великолепной акустикой.

Завершил VIII Международные Цветаевские Чтения музыкально-поэтический вечер «От сердца к сердцу» — своеобразный творческий отчёт новых поэтов-лауреатов премии Марины Цветаевой — Дианы Кан и Николая Алешкова. Лирический отчёт, сопровождавшийся игрой музыкантов-виртуозов ансамбля народных инструментов «Наигрыш».

Александр Шишкин

«АХ, ЭТОТ ВЬЮГОЙ ВЯЗАННЫЙ ПЛАТОК...»

В Оренбуржье состоялось вручение литературной премии им. Петра Ивановича Рычкова — выдающегося деятеля русской культуры, просветителя, первого историка Южного Урала, Среднего и Нижнего Поволжья, Казахстана. Эта премия вручается уже не один год и стала престижным литературным «брэндом» Оренбургской области. Интрига сохраняется до последнего, и имена лауреатов до последнего остаются тайной, оглашаются лишь после вскрытия специального конверта. Однако на церемонию награждения приглашаются все номинанты, и ни один не уходит без ценного подарка... Идея создания премии принадлежит одному из ведущих деятелей оренбургского бизнеса Александру Зеленцову... Приятно, что в 2016 году единогласным решением тайного

голосования ведущих деятелей культуры Оренбургской области лауреатом Оренбургской региональной литературной премии им. Петра Ивановича Рычкова в номинации «Поэтический сборник» стала поэтесса Диана Кан за книгу стихотворений «Звезды окликаю», вышедшую в 2015 году в Самаре. Церемония награждения состоялась в Оренбургском музее изобразительных искусств. Вице-спикер Законодательного Собрания Оренбургской области Олег Димов (на фото) вручил Диане Кан оформленный в ценный металл и красное дерево лауреатский диплом, подарок, лауреатскую медаль и денежное вознаграждение. Впервые в истории присуждения этой премии церемония награждения была построена, как спектакль. Ведущими были «Петр Иванович Рычков и его супруга»

— актеры, одетые в исторические костюмы. Говорят, супруга влиятельного чиновника Рычкова была не только модницей, но и рукодельницей, вязальщицей. И много сделала, чтобы оренбургский пуховый платок стал популярен не только среди оренбургских дворянок, но и в Петербурге. Также на церемонии состоялся показ моделей от оренбургских модельеров — бальные одеяния прошлого на темы вариаций оренбургского знаменитого пухового платка. И одновременно литературные образы — Наташа Ростова, Анна Каренина, Хозяйка Медной Горы... Должен сказать, что в творчестве Дианы Кан немало стихотворений про оренбургский пуховый платок. Жаль, что они не вошли в её новый премируемый сборник, состоящий только из новых стихов: «Ах, этот выюгой вязанный платок, // Который в праздник надевают бабы!..// Он покрывает непролазь дорог, // Колдобины, и ямы, и ухабы... // Седины покрывает... Бабий век, // Увы, в России так не-

долго длится...». Или например: «Льняную выюгу, как дорогу, // Я протяну через кольцо...»

Александр Шишкин

ЭДУАРД АНАШКИН — ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «ТРАДИЦИЯ»

Сегодня известный самарский писатель, член Союза писателей России, автор многих книг прозы и эссеистики, вышедших в Самаре и Москве, Эдуард Константинович Анашкин вместе с супругой, заслуженным учителем России, Тамарой Михайловной празднуют золотую свадьбу. За плечами у этой семейной пары много испытаний и побед. Побед было, конечно, больше, поскольку в противном случае не было бы в активе этой прекрасной семейной пары двух замечательных сыновей и любимых внучат. Один из внуков заканчивает в Санкт-Петербурге престижную Скрябинку (ветеринарную академию), будет лечить и селекционировать лошадей. Внучка Татьяна, которую я помню ещё совсем малышкой, ныне студентка Самарского госуниверситета, историк и филолог. Внук Архип ещё школьник.

Я дружу с Эдуардом Константиновичем многие годы и могу сказать, что он представитель той редкой породы людей, что в наше непростое время обладают талантом к дружбе. Ибо как ни редка настоящая любовь, более похожая на привидение (ибо о ней много говорят, но мало кто видел), но, по правде сказать, настоящая дружба встречается ещё реже, чем любовь. А Эдуард Константинович обладает талантом любить и дружить, т.е. понимать самых разных людей, принимая их такими, какие они есть, без попытки переделать на свой лад... Наверное, поэтому судьба одарила Эдуарда Константиновича знакомством и дружбой со многими выдающимися современниками — герои соцтруда, и врачи-академики, художники и дизайнеры, не говоря уж о писателях... Даже с нашим классиком

Валентином Григорьевичем Распутиным Эдуарда Константиновича Анашкина связывали многие десятилетия дружбы... Хотя, насколько я наблюдаю Эдуарда Анашкина, он не делает разницы между людьми разного статуса и социального положения, и прекрасно ладит с сельчанами, ведь он, урождённый сибиряк, многие десятилетия живёт в старинном селе самарской глубинки...

Пользуясь случаем, поздравляю Эдуарда Константиновича с недавней наградой — Всероссийской литературной премией «Традиция», что была вручена ему на пленуме Союза писателей России, который проходил в рамках Всемирного Русского собора.

Дорогие Эдуард Константинович и Тамара Михайловна! Поздравляю вас с замечательным золотым юбилеем! Многая лета и вам, и вашей замечательной семье!

Диана Кан

ГОРНИЦА

Евгений Семичев

«КОГДА КЛУБЯТСЯ ВОЛЖСКИЕ ТУМАНЫ...»

* * *

Снег идёт на склоне дня.
Он идёт ко мне.
Снег проходит сквозь меня...
Голова в огне.

Закипает в сердце дрожь.
Голова в дыму.
«Ты куда, куда идёшь?» —
Я кричу ему.

Замерзает в горле крик:
«Ты мне другом был!»
Он в ответ: «Отстань, старик,
Я тебя забыл!»

Я в смятенье: «Как же так?
Я ещё живой».
Белый саван.
Белый флаг.
Снег над головой.

Слезы зябкие мои
Превратил в шугу.
Вроде зыбкой полыньи
Вся душа в снегу.

Но не слышит он меня.
Мне не по себе.
...Снег идёт на склоне дня
По моей судьбе.

* * *

В небе вольные птицы
Рассекают простор.
В белой Божьей рубашке
Софийский собор.

С покаянною дрожью
На молитву встаю.
Мне за пазухой Божьей
Хорошо, как в раю.

В жизни брэнной и тяжкой
До скончания лет
Всем нам служит рубашкой
Божий праведный свет.

На пиру и на плахе
Русский зла не таит,
В белой отчей рубашке
Перед Богом стоит.

И в Господней вселенной
Оселяют простор
Крест нательный нетленный
И Софийский собор.

* * *

Мир отражается в слезинке
И ощущает с небом связь.
Слезам вымою ботинки,
Чтоб не тащить на небо грязь.

Как старики сентиментальны:
Чуть что, и слёзы на глазах.
Какие постигают тайны
Они в Божественных слезах?

Прощайте старикам капризы.
На вас взирает, чуть дыша,
Сквозь слёз оптические линзы
Подслеповатая душа.

* * *

Листобоем напролом
В дом вломившись спозаранку,
Осень за моим столом
Стелет скатерть самобранку.

Ломит тучный каравай
И поводит томно бровью.
Говорит: «Отец, давай
Выпьем за твоё здоровье!»

— За здоровье! — Я не прочь,
Хоть глаза твои — туманы,
Но к здоровью приторочь
Спирта полные стаканы.

Коли ты — родная мать,
Невзирая на погоду,
Гулевать так гулевать! —
Разбавлять не будем воду.

Евгений Семичев и молодые поэты

На двоих с тобой вдвоём
 Каравай судьбы разделим
 И отчаянно споём
 Колыбельную метелям.

Неспроста, не задарма
 Нынче праздник в доме нашем.
 А сварливая зима
 За окошком пусть попляшет.

* * *

Семинар поэтов молодых —
 Юных дней моих воспоминанье.
 Бьют меня товарищи под дых,
 Испытуя на излом дыханье.

Битым я не раз потом бывал.
 И, пройдя суровую закалку,
 Диафрагму натренировал,
 Укрепил характер и дышалку.

Выковал в себе бойцовский дух
 И широкий непокорный выдох.
 За меня дают сегодня двух
 Стихотворцев, в драках не добытых.

Я шагаю, млечностью пыля.
 Небеса мне — скатерть-самобранка.
 За моей спиной — вся земля
 И река разбойная — Татьяна.

Где, как тать, берёт меня в полон
 Город эН — фамильная обитель.
 И сибирякам земной поклон
 Шлёт один его исконный житель.

Предо мной — заснеженная мгла.
 Завывает вьюга ошалело...
 ... Город Омск морозом добела
 Раскалён до млечного предела.

Пролетел табун коней гнедых
 Лет моих... И вновь меня встречает
 Семинар поэтов молодых
 Жадными горящими очами.

Словьями критики поют...
 Внемля им душою нараспашку,
 Понимаю-чую: наших бьют!
 Обсуждают Тихонова Сашку.

Сашка — поэтический юнец
 Достославной песенной Сибири.
 Рядом с ним сидит его отец —
 Кулаки тяжёлые, как гири.

Отчего-то очень жутко мне,
 Если он кого-нибудь ударит.
 Хорошо, что никакой родне
 Слова не дают на семинаре!

Я шепчу: «Сашок, держись родной!
 Даже если в драке будет жарко.
 Город-Тара за твоей спиной
 И река искристая Аркарка.

И ещё — сибирская земля,
 Что природной силою питает,
 Где, небесной млечностью пыля,
 Русская поэзия ступает...».

Ослик

Марине Ганичевой...

Лихо дьявол танцует чечётку.
 Мечет искры в крошечном аду.
 Я пошлю его, рыжего, к чёрту
 И другою дорогой пойду.
 Той дорогой, что всеми забыта,
 Где надрывно в лихую грозу
 Не грохочут, а плачут копыта,
 Вышибая их камня слезу.
 И пускай обо мне скажут после,
 Что он жизнь не ценил ни черта!..
 И был глуп и упрям, словно ослик,
 На себе вывозивший Христа.

Югра

Проделав путь томительный
 неблизкий,
 Приветствую тебя, моя сестра,
 В Самарове
 (читай, в Ханте-Мансийске)
 Вогульская остяцкая Югра.

Сорвавшийся с лихого крутояра,
 Твой волжский брат, растроганный
 до слёз,
 Земной поклон от города Самара
 И жигулёвской вольницы привёз.

Готов поклясться нашей общей
 мамой,
 Что не один я нынче с толку сбит.
 Раскопанный в степи заволжской
 мамонт
 Своим югорским родичам трубит.

Когда бурлит над Волгой вешний
 ливень,
 Тараня грозовые облака.
 Над степью выгибается, как бивень,
 Гудящая Самарская Лука.

Когда клубятся волжские туманы,
 Вздываясь до небесной высоты,
 Толпятся жигулёвские курганы,
 Как первобытных мамонтов хребты.

Самарово —
 и я самарский, то бишь! —
 В любви моё признание прими.
 Ведь все мы — дети мамонтовых
 стойбищ,
 По Божьей воле ставшие людьми.

Евгений Чепурных и Евгений Семичев

Диана Кан

«Я ВЕРНУСЬ ПО ВЕСНЕ...»

* * *

Даже неважно, с кем засыпать,
А просыпаться надо с любимым...
Палец о прялку уколешь опять —
Тысячелетья проносятся мимо.
Встречи-прощания материков.
Выдох и вдох мировых океанов.
Протуберанцы кровавых эпох
И содроганья душевных вулканов.
Что это, ежели не суета?..
На сквозняках безразличной
вселенной
Гроб мой хрустальный парит,
как мечта,
Самонадеянно самозабвенно.
Где ж королевич мой свет-Елисей?
Что ж он никак не вернётся
из странствий?
Пусть поцелует меня поскорей:
«Дочка моя, Елисеевна, здравствуй!»

* * *

Пусть вы не торжество добра и света,
Как ни крути, вас не любить нельзя —
Сценичные циничные поэты.
Закрытые самарские друзья.
Ведь я была одной из вас когда-то.
Хотела б отксериться, да никак!
Разбойные запойные ребята,
Отечеством считавшие кабак.
Рассадин, Чепурных,
Олег Портнягин...
Ах да, Сиротин! Как забыла я!
Немало вы испортили бумаги...
...И Семичев — особая статья.

Немало вы кровей моих попили
Вприхлёб с самарским пивом
Жигули.
Немало, как княжну, меня топили,
Но утопить в итоге не смогли!
Не утонула, породнилась с Волгой...
Она во мне свою признала дочь.
И с той поры — увы и слава Богу! —
Ни помешать нельзя мне, ни помочь.
И разве я могла в вас не влюбиться,
Как ни крутили пальцем у виска,
Когда взлетали странницы-странницы
И строфы-катастрофы в облака?
Когда, презрев досужие приметы
И больше не желая быть, как все,
И я взлетала с ними против ветра
По этой чёрной взлётной полосе?..

* * *

Овладев античным гекзамэтром,
Я вдыхаю сумрачный простор,
Где вовсю качается под ветром
Петербургский пьяный светофор.
С ним в обнимку грустный
гастарбайтер
Провожает взглядом лимузин.
И столичным стритом лунным найтом
Рассекает хипстер, сукин сын.
Время хипануть и удивиться,
Стоило ли ехать далеко,
Чтобы в этой западной столице
Встретиться с ташкентским
земляком?..
Помнится, в Ташкенте кентовали
Обнимали пьяный светофор,
Также хипповали, шизовали,
Никого не видели в упор.
Словно неизбежная издержка
Всех житейских и душевных драм,
Еле уловимая усмешка
Прикипела намертво к губам.

Я бы и хотела улыбаться
Раною запёкшегося рта
Так, как будто мне опять семнадцать
И не смыслю в жизни ни черта.
Но глядит с ответною издевкой,
На меня глядит со всех сторон —
Петербург — от Лиговки до Ржевки —
Что похож на обморочный сон.
Презирая суетные контры,
Он летит гекзаметром в зенит!..
Он меня, конечно, пересмотрит,
Только всё же не переглядит

* * *

Здесь растут без всяких привилегий
Придорожной сорною травой
Россыпи прибудных аквилегий,
Принятых Россией на постой.
Здесь в дожде купается купена,
Предвкушая солнечный потоп.
И ромашки всходят белопенно,
Обживая фронтовой окоп.
Это всё она, моя Россия!
Это я, её родная дочь!
Кашки сами в руки попросились —
Их сорвать хотела — да невмочь!
Прикорнул к плечу татарник милый,
Даже не пытаясь уколоть...
...Эх, напрасно мама попросила
Доченьку картошку прополоть!

* * *

Эх, не ето, не пито, не куроно,
Не целовано девок взасос!..
Знать, в деревню Большое Никулино
Неспроста нас нечистый занёс.

Здесь оконца намыты-надраены —
Ни сказать, ни пером описать!
Николаевна свет Нидвораевна
За околицу вышла встречать.

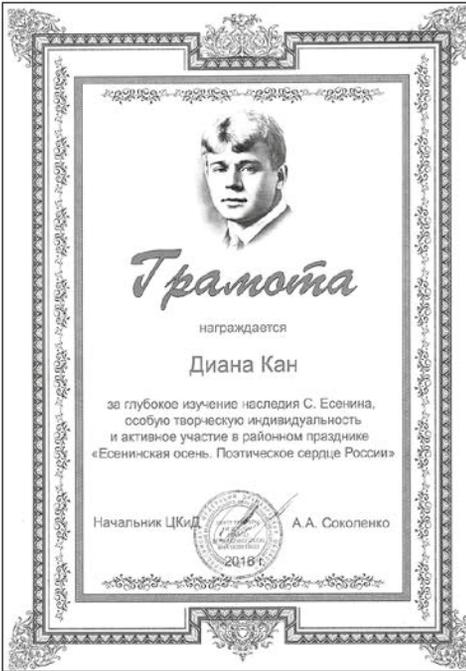
Распростёртыми встрела
проклятьями:
«Нет креста на вас, скройтесь с глаз!..
И — привычное, право, занятие! —
Приголубила матерно нас.

Мы б ушли, ведь дорога проторена,
Ветер воли пьянит, как нектар.
Для кого же ворота отворены,
Стол накрыт, и кипит самовар?

Гость незванный получше татарина!..
Для кого же, не званого в дом,
Банька топлена, липа заварена,
И расшиты кисеты крестом?

И не верится, братцы, не верится,
Ну нисколько не верится мне,
В то, что здесь не для нас красны
девицы,
Словно маковый цвет, по весне!

Николаевна свет Нидвораевна,
Пусть у нас ни кола, ни двора...
Польхает закатное зарево —
Приюти дураков до утра!

* * *

Жигулёвская вольница стонет:
 «Вернись!..».
 Новгородская вольница чаёт:
 «Приди!..»
 Это смех, это грех, это жость,
 это жисть,
 Это вольная воля в разверстой груди.
 Заплутавшая в северном синем бору,
 Целовавшая питерский гордый
 гранит,
 Эта вольная воля звенит на ветру
 И, шутя, обживает имперский зенит.
 Что ей труб водосточных крикливая
 жость,
 И слезливая жисть прошлогодних
 снегов?
 Пьяный смех, свальный грех
 и бездарная месть
 Тех, кто тщились стяжать себе
 званье врагов?
 Что ж, попытка — не пытка,
 и где наша не
 Пропадала, печалилась, пела, летала...
 Я вернусь по весне...
 Я вернусь по весне —
 Високосной весной —
 разве этого мало?

* * *

Редька-триха и редька-ломтиха,
 Редька с мёдом и редька так...
 Как бы ни было, братцы, лихо,
 Никакой нам не страшен враг!

Не впервой нам врагов увечить.
 Не единожды в том помог,

По усам утекая в вечность,
 Не попавший в роток медок.

Редька с маслом и редька с квасом,
 И с хреновиной редька — ах!
 ... Пьёт шампанское с ананасом
 Респектабельный олигарх.

Пусть погасит свою улыбку,
 Недоделанный супермен,
 Ободравший страну, как липку,
 А на нас положивший хрен.

Гадом буду — не позабуду
 Голливудский его оскал...
 Но у нас тут не голливуды!..
 Рот захлопни — я всё сказал!

* * *

Щелчком смахнула пепел с папиросы.
 Заметила: «Тебя, наверно, ждут!..»
 И разом улетели все вопросы,
 Как дым, в невозмутимый абсолют.

Прихваченные отчуждённой стужей,
 Они теперь летят за облака —
 Вопросы, что испекли душу,
 Но так и не слетели с языка.

Болтаете о чём-то несерьёзном,
 Ведь надо же о чём-то говорить.
 И ты вдрут понимаешь —
 слишком поздно
 Пытаться что-то в жизни изменить.

Да, ты любил. Но был ли ты
 любимым?..
 Ты вовремя его не произнёс
 Сегодня улетевший вместе с дымом
 Всего один-единственный вопрос.

Что ж, ты не сотворил себе кумира.
 Ты победил... Гляди издалека,
 Как, абсолютно безучастны к миру,
 Дымятся над землёю облака

* * *

Здесь ещё чужая. Там уже чужая.
 Полно!.. То потеря в жизни
 небольшая.
 Ну-ка, ногу в стремя, в руки — удила.
 Отродясь насильно милой не была.
 Покури в сторонке, разлюбезный
 враг!
 Бьёт копытом звонким звёздный
 аргамак.
 И течёт дорога аж до самых звёзд
 Вдоль реки Молога через млечный
 мост.

Пушкин

«...В конце письма поставить «Vale»...
 В конце письма поставил: «Vale...».
 Ох, Валентина! Ох, змея!
 Ведь он писал ко мне вначале,
 В его душе царила я.

Расставшись вроде с Терпсихорой,
 А также много с кем ещё,
 Дианы грудь ланитам Флоры
 Он благосклонно предпочёл.

Но как винить его за это?..
 Своей не чувствуя вины,
 Так все великие поэты
 Всегда в кого-то влюблены!

Не помышляя об измене,
 Презрев душевный неуют,
 Они влюбляются мгновенно,
 И за любовь на смерть идут.

Идут... За ними не угнаться.
 Они — заложники любви.
 Нет, обойдусь-ка без нотаций,
 Скажу с улыбкой: «Отвали!»

Вали-вали к змеище Вальке.
 In vino veritas, не трусь!
 Переживу свои печальки,
 Да и латыни подучусь.

Анастасия Устинова

«АХ ЛИСТЯ, ЛИСТЯ, ЧТО ОГНЁМ ГОРИТЕ?..»

* * *

Мне в гордом городе на Волге
Дана волшебная юдоль.
Да не гляди в глаза мне колко!
Ты для меня теперь не ноль.

Величина со знаком минус,
Ты плюсами не обростёшь.
Пусть даже три столетья минет,
Другую ты не обретёшь.

В потёртой рокерской кожанке
Я рассекаю в Запанском.
И, как заправская волжанка,
Клянусь, любя, родимый дом.

Вчера заметили на Стошке
Девчонку, схожую со мной.
И каждой подзаборной кошке
В Зубчаге стала я родной.

В моём смятенье скрыта сила,
Так виски сладковат на вкус.
И в инстаграм я загрузила
Сто фоток про любимый вуз.

А в чём же мой секрет веселья?
Живу в печали, не скорбя:
Одной ноябрьской метелью
Мне город подарил тебя.

С таким подарком небо глубже,
И выше чаек хоровод.
И в каждой непролазной луже
Я вижу солнечный восход.

Ненаписанное письмо

Во царстве моём государстве
Владычество вьюги седой.
Покуда колдую с лекарством,
Почтовый свой ящик открой.

Фейсбук, инстаграм — что угодно! —
Открой и припомни наш спор.
Так глупо и так благородно
Я первой зарюю топор.

Ты снова во власти сомнений,
И шпагу зарыть не спешишь,
Как миром непризнанный гений,
С ехидцей про мир говоришь.

Опять независимо выдашь
Одну из убийственных фраз.
И душу снедает обида,
И дурость твоя напоказ.

Панельная клавиатура
Языческих знаков семья.
Где каждая буква не дура,
И дура последняя — «Я».

Компьютера жёсткая память
Не хочет, не может понять,
Что как это просто — «Отправить»
И как это сложно — «ПРИНЯТЬ».

* * *

А вы стояли на краю обрыва,
Где каждый вспоминает о своём?..
Осенний день —
тоскливый и дождливый.
Листва вокруг, гори она огнём...

Ах листья, листья, что огнём горите?
Кто inferнальный взором вас
прожёт?

Кто, профессиональный искуситель?
И совершил змеиный свой бросок?

Кто этот демон, властный надо мною,
Плеснул в бокал кровавое вино?..
Кто соблазнил, как яблоком, мечтою?..
Плывать, что вместе быть не суждено.

Бедою мне не быть!
Вернусь с победой!..
Бесчестия не надо? Будь в чести!
Грешить боишься? Значит, исповедуй.
Моим не будешь. Значит, отпусти...

* * *

Валентину Устинову

Есть новости — от них спасенья нет...
Ты навсегда ушёл... И пепел
Всех недокурных тобою сигарет,
С небес, как снег, летит, крылат
и светел.

О чем мечтал ты в двадцать лет, отец?
О доблестях, о подвигах, о славе?
Ты теплоту остуженных сердец
Будил, я осуждать тебя не вправе

За то, что был ты от меня далёк.
За то, что ты не знал мои печали.
Что от разлуки долгой ты продрог
И счастлив был в разлуке той едва ли.

И за стихи, что ты не дописал,
И за любовь, не ставшую судьбою.
За те слова, что ты мне не сказал,
За женщин, недолюбленных тобою.

* * *

«... У Лукоморья дуб зелёный...»

Вот ты какой —
хвалёный дуб зелёный!
Хоть неказист, зато весьма удал.
Там каждый кот —
не просто кот учёный,
А прямо-таки интеллектуал.

* * *

К нашим бедам и глухо, и слепо,
И жестокосердно подчас,
Равнодушное зимнее небо
Сложит грустную сказку о нас.

Мегаполис кипит, гроыхает
И накручивает виражи.
От себя самого убегает,
Всё сильнее увязая во лжи.

И в объятых промозглой метели
Догорает лучший романс.
Что есть жизнь наша в самом-то деле?
Резонёрство? Резон? Резонанс?

Паутину тщеславных ироний
Исцеляющий эпинефрин?
Как остался ты — сам ты не понял! —
С этой жизнью один на один?

* * *

То не сердце заныло под ребрами —
Невпопад перепады давления.
Опасение вкрадчивой коброю
И пророческих снов наваждение.

То не барские, братцы, объятия.
Рубиконы, препоны, предательства
Мимоходом затёрлись в приятели,
По привычке вина обстоятельства.

То не крыльям просторы наскучили.
И не плечи, от горя поникшие.
К ядовитым усмешкам приучены
Губы, от поцелуев отвыкшие.

И не книги, что напрочь зачитаны
Пребывают в душе утешением.
А поэзии выдох молитвенный,
Не подвластный земным искушениям.

* * *

Расскажи нам, кот Баюн,
Только без утаек,
Почему ты вечно юн —
Житель сказок-баек.
Вроде сиднем не сидишь,
Ходишь влево, вправо.
Но при этом дорожишь
Русскою державой.
Русской розни не избыть
Гневом трёхэтажным...
Научи в согласье жить
Россиян-сограждан.
То направо нас ведёт,
То несёт налево.
Режут слух который год
Чуждые напевы.
Сколько им ещё дурить
Города и веси...
Не пора ли заводить
Русской славы песни?

* * *

Старательно отводит взгляд
И держится сурово.
Какой он гад и ренегат
В хорошем смысле слова!

То мёдом сладко льнёт к губам,
То недопитым ядом.

И говорит: «Не надо драм!
Вот только драм не надо!».

Я потому и посему,
Чтоб быть ещё дороже,
И больше нравится ему,
Такой же стала тоже!

Александр Малиновский

ГОЛОСА НА ОБОЧИНЕ

Главы из книги

Голоса

... Совсем седой старик. Сидит, как и в прошлый наш разговор, на разлапистом пне. У ног — широченная Волга. Мы уже несколько раз с ним говорили. Образование у него, как он сказал, ниже среднего. Мыслит всерьёз и сосредоточенно. Может, как раз благодаря отсутствию этого самого среднего образования...

— Тебе самому-то сколько? Седой уж... — встретил он меня вопросом, будто мы и не прерывали вчерашний наш разговор.

— За шестьдесят, — отвечаю.

— Вот так! Тожа, значит, маешься! Попал в тот круг, где вопросов больше, чем ответов... Говоришь, что хотел бы пройти с каким-то своим зеркалом по увечной нашей дороге?.. По которой бредём все мы... И услышать отразившиеся голоса и мысли?.. Что ж... Каждому своё... Что это за зеркало такое?.. Мне внук, когда последний раз из города приезжал, сказывал, что где-то читал, мол, человеку отпущено для жизни по норме шестьдесят лет. Так мудрецы на Памире считают! Не все. В одном месте где-то, высоко в горах.

— Что-то маловато, — засомневался я, присаживаясь рядом на массивный, вывернутый из песка корень.

— И я сказал ему, что больно уж вобрес. Я слышал другое. Он разъяснил: до шестидесяти лет человек должен успеть всё, что положено ему в жизни. Понять всё, разложить по полочкам...

— Не скучно ли тем, кто всё понял? До дна исчерпал. Интерес исчезнет!.. И сколько тех, кому за шестьдесят лет! Тут как? — вырвалось у меня.

— Как?! Всё определено, — отвечает бодро и, кажется, не лукавя. — Вот таким как мы с тобой — им отведено, кому сколько дополнительно ещё годков! Чтоб попытели ночами на подушке. Помучались, раз вовремя-то не осмыслили. Мне вот уже за восемьдесят. Как я маюсь! И не только по ночам... Думаешь, что седые волосы только от мудрости? Чуток ошибаешься...

Я намеренно молчу. Мне интересны слова старика — не мои.

Он продолжает:

— Вот ты сам — наглядный пример! Что-то понять хочешь, а всё вдогонку! Чтоб оправдаться?.. Хочешь, а не торопишься... Время тянешь? Выбираешь, с какой скоростью двигаться?.. Хитришь?! Чтоб ещё добавили?.. Знаешь про этих горцев?

Говорит так — и не взять в толк: намеренно меня морочит? Либо так простодушен? Лица не видать — одни глаза. Остальное — седые космы волос. И глаза-то! Словно растворены синью волжского водного и небесного простора. Теряешься в них... И этот его голос...

...Отойду от старика, в сторонку от скрипучего голоса по кромке влажного волжского бережка... Чтоб помолчать... подумать одному. Отдохнуть от нависших вопросов... А не получается... Звучат голоса! Из всей моей жизни. И прошлой, и настоящей... Голоса тех, кого знал. Кого обидел ненароком, кто меня не понял... Во мне ли в одном такое многоголосье? Каждому в свой час... И своё... И нет разницы: в степи ли, в горах ли ты бредёшь... Или, как я, — по берегу великой, притихшей в осеннем ознобе реки...

Грешница

Она говорит, будто причитает:

— И что же я наделала?.. Не знаю, зачем вам всё это говорю, для чего? Я в храме сколько раз уж молилась... И прощения просила. А легче не делается... И куда мне податься теперь? С такой-то моей бедой... Всё было устраивалось у моего сына. Про себя-то уж не говорю... Про себя перестала и думать... Но нет, на втором курсе медицинского училища сын заерепенился: «Не по мне это! Нищая профессия! Уйду в строительный техникум!» Ушёл. Не учился, а делал только вид. Не знал, чем заняться.

А тут пособили: сел на иглу. Колотья стал. Наркоман! Мой Владька — наркоман! Всё казалось, что эта напасть хоть и рядом, но где-то в стороне, а тут...

Ума не приложу. И так, и эдак: ни в какую... Учёбу забросил окончательно.

Когда муж спивался, а потом отравился палёной водкой — я прозевала. Винула себя... А тут! Развила деятельность!.. У меня военком знакомый. Несколько раз пивки ему ставила.

— Помогите, Юрий Петрович, — завопила безудержно, — пропадает парень! Знаю, что непутёвый! Год уж не учится, только числится студентом, и вас обманывает. В армии одно спасение!

А ему уж двадцатый год, Владиславу-то. Забрали! Год прослужил. Слава Богу, как все! Выправился.

Я настояла, чтоб оставили служить контрактником. Успокоилась! А тут: хлоп! Избил он молоденького солдата. Да так, что суд будет теперь. Инвалидность получил солдатик этот. От наркоты сына увела, а в тюрьму толкнула...

Не грешница я, а преступница... На себя по-другому взглянула. Я-то?.. Сама-то?.. От меня идёт всё!.. Я три аборта сделала, муж жив был, думала, знаю, что делаю, к чему нищету плодить... А слепой оказалась... Тяжело было в девяностых: муж совсем остался без работы. А я врач — хоть плачь! Безденежье... Но как-то надо было... Что наделала!

Как прижало, тогда только и поняла... Этого тяну из трясины, а сама три невинные души загубила по глупости своей...

Если хоть один бы из них хорошим человеком стал, мне бы оправдание было за то, что живу! Глядишь, было бы к кому прислониться. А так... кому я нужна?..

...На мне всё висит это! На одной... И не замолить мне грех свой...

Рай в отдельно взятой семье

Вылет самолёта рейсом «Москва-Самара» откладывался несколько раз. Непогода!

Уже четвёртый час маюсь в зале ожидания аэропорта «Внуково». Рядом семейная чета. Тоже самарские, точнее из области. Она — солидная, крепко поначалу видно скроенная дама. Теперь ходит с палкой, подволакивая левую ногу. Директор сельской школы. Зовут Зинаидой Васильевной.

Он — худощавый, подвижный. Как подросток, в отлучки от своей жены всё куда-то готов сорваться. Но жизненное пространство в зале ожидания ограничено. Компенсирует этот недостаток разговором. Сбивчивым, непоследовательным, но простодушно-доверительным. Жена включается в разговор вескими короткими фразами. То ли они соскучились по землякам, то ли так устроены оба.

Возвращаются из Марианских Лазней после лечения. Обоим за пятьдесят. Про болячки мы, кажется, уже наговорились. И Дмитрий как-то было даже заскучал, исчерпав тему.

Но встрепенулся, когда я спросил:

— Часто бываете в Лазнях? Недёшево.

— Часто! — удивился Дмитрий. — Первый раз!

...Жили в Казахстане. Пришла пора ехать в Россию. А куда? На голое место. Ни работы, ни жилья. Хотел к себе на родину, в Казань, но жена вот в свою рязань утянула — в Самару. Первые два года челночничал. Торговал часами, чем только не торговал... Вымотался... Желудок я тогда посадил. Мотался с часами этими...

...Уехали в район к дяде моей Зины. Нашли халупу, где жить. Кроликов разводили, потом свиней... Выращивал капусту, морковь, картошку. Морока.

Как повезло мне механиком устроиться к одному местному предпринимателю, легче стало дышать... Вся автотранспортная техника на мне теперь. А Зина стала директором школы.

— Вы же говорили, что она бухгалтер по образованию?

— Ну да. Сначала бухгалтером в школе, а потом школой командовать стала. Ну, шеф мой, он авторитет в районе, помог, конечно... А что вообще-то? В школе главное: учёт, бухгалтерию поставить как надо. А учителя своё дело знают!

— Если б не Ася, был бы ты здесь во Внуково? Механик, директор!

— Да, да, — с готовностью подхватил Дмитрий, — дочь удачно вышла замуж! Она окончила школу с отличием, потом плановый институт с красным дипломом. Но это бы ничего! Поехала когда на практику в Швейцарию, познакомилась с немцем. Поженились. Теперь она живёт в Швейцарии. Два языка знает — немецкий и английский. Это заслуга Зины вот. Немец — активный такой! Купили нам путёвки в Чехию. Такое увидеть! Заграница! — кивнул на сумку. — Она приезжала к нам туда, Ася. Привезла компьютер. Себе новый купила. Это, конечно, всё благодаря Зине. Она тянула её на золотую медаль в школе. Всё положили и для учёбы в городе... Снимали квартиру ей. Я через два дня за 150 километров ездил, возил ей еду: мать

готовила. Только учись! И вот результат! Живёт теперь в собственной квартире в Швейцарии. Это после нашей деревни! Нам повезло! Жизнь удалась, можно сказать! Взлёт! За дочерью и сын потянулся. Такая же методика. В школе мать держала в руках руль. Потом я! А кто, кроме нас самих? От армии я его отмазал. В аспирантуру заочную оформили. Выложился, конечно. Всё удачно! А что? Он и в институте отличник. Уже съездил на стажировку в Германию. Предлагают остаться работать. Они оба, и дочь, и сын, учили немецкий ещё в школе.

Заметив, очевидно, некоторую мою раздумчивость при таком его рассказе, повторил вновь с напором:

— А что? Если государство так к кадрам относится, то кто должен? Он отличник! Ему дорогу надо давать!..

— Дмитрий, а помнишь? — говорю я. — В наше время, в 60-70-х годах ещё, если в армию не брали, как бы дефектным считался. И девчонки на таких по-другому смотрели!..

— Помню, как же не помню. Сам на флот рвался безудержно! На море хотелось после наших степей. Но — не судьба!..

Он было воодушевился, начав вспоминать о службе, но... вдруг смолк. Прошёлся туда-сюда вдоль ряда кресел неровной своей походкой, видно, борясь с чем-то в себе. Произнёс, остановившись:

— Это раньше! Так было. А ещё как было? Подзабыли!.. Вот Карловы Вары... Я их, только когда служил, видел. Возили нас, солдатиков, на экскурсию. И всю жизнь потом их вспоминал, как чудо! Когда б мне такое ещё увидеть?! А тут мы с Зиной сели в Лазнях на поезд, и через тридцать минут вот они — Карловы Вары! Жизнь удалась! Натерпелись! Намыкались, но удалась! Когда бы я мог махнуть за границу?! И дети мои когда?!

В этом его «когда» было и удивление, и досада, и... сразу не скажешь, что ещё...

— Рай в отдельно взятой семье? — невольно вырвалось у меня.

Он вперился в меня жгучим взглядом. Видно было, что механизмы в голове заработали ускоренно, но жена опередила:

— А что? В отдельной семье? В каждой семье упираться надо! Тогда и толк... Кто мешает?

«Какой толк? О чём она? Если так, то надо всем упереться и... всем уехать?! — язвил во мне мой маленький язычок. — А кто останется?»

А большим языком сказал, не имея никакого желания обидеть своих собеседников, может, даже наоборот:

— Не каждый так может, как в вашей семье...

— Ну тогда какие претензии? — развёл руками Дмитрий.

Я молчал. «Претензии!» Действительно: какие претензии?..

...Радоваться бы безоглядно за них, за такую слаженную семью. Да что-то, что не сразу выразить словом, удерживает...

Мстительница

Унылое это дело — сидеть перед кабинками пенсионного фонда и ждать своей очереди. Чисто, уютно. Электронное табло высвечивает номер очередного посетителя. Всё чинно и упорядочено. Но народу...

...Рядом две старушки. Совсем пожилые. Ведут беседу. Ближняя ко мне, остроносенькая, лет за восемьдесят, божий одуванчик, рассказывает:

— Теперь, когда моих всех давно нет уже, даже внучки, взялась я изучать и восстанавливать свою родословную. Много чего интересного! Как мы умудрялись ничего не знать! Прислали на мой запрос из Перми, что прадед мой, Михаил Леонтьевич, был крупный предприниматель и купец. В революцию отобрали у него много чего. Лошадей только около сотни. Коров, овец, имущества — на двух листах перечень. А в конце, представляешь, указано, что забрали пуд золота.

— И что? — её собеседница, крупная, с мясистым носом, с трудом уместившаяся в кресле женщина, смотрит через толстые стёкла очков иронично. — Обещали пару гнедых с тарантасом вернуть? И грамм сто золота?

— Я об этом и не помышляю, — говорит «одуванчик». — Другое придумала! Я отомщу! Стыд! Сижу на такой пенсии!

Собеседница её повернулась к говорившей всем корпусом. Да так, что кресло под ней колыхнулось из стороны в сторону. Поинтересовалась:

— Как же ты отомстишь?

— А вот так! Возьму три миллиона рублей в кредит в государственном банке. И раздам студентам. Они у соседки моей живут. Насмотрелась. Без ничевошеньки маются.

— А дальше?

— Что дальше? Возьму — отдам студентам! И помру. Взятки с меня гладки!

Соседка громко удивилась:

— Голубка дряхлая моя, кто ж тебе даст-то? Три миллиона! У тебя ж поручителей нет! Это раз! Кто поручится? Второе: нужен залог! А твоя однокомнатная хрущёвка — кому нужна?

— Не дадут? — спокойно удивилась «голубка».

— Не дадут! — последовал уверенный ответ.

Наступила было значительная пауза, но «голубка» встрепенулась и пролепетала, будто прошелестела маленькими и лёгкими крылышками:

— Тогда я приму свои категорические меры! Отомщу всё равно! За всех!

— Какие такие меры?

— Буду как можно дольше жить! И пусть маются со мной — платят мне мою законную пенсию. Для меня оскорбительно маленькую, а для них — сверхнепосильную!

— Не надорвались бы, — скороговоркой отреагировала соседка и забежала суетливо взглядом по ряду свтящихся электронных табло, боясь пропустить свою очередь.

«Голубка» сидела неподвижно. Глядя остановившимся взглядом поверх голов рядом сидящих.

Что она видела? И о чём думала? Наверняка не о злосчастном пуде золота печалилась. Скорее, о том, чему нет цены, нет измерения: о загубленных в лихие годы жизни печалилась...

Сказал бедняк...

Идём с моей случайной попутчицей вдоль порядка кособоких нежилых избёнок к чудом ещё сохранившемуся магазину. Я за хлебом. Она за спичками. Она бывший преподаватель. Школу закрыли оттого, что некого учить. Продолжая наш вчерашний разговор, произносит:

— Привезли, что ли, утром спички? Слов нет. Хозяин-то вторую неделю как запил.

— Я слышал, что когда-то тут более-менее был приличный колхоз. Даже не верится теперь?.. — говорю, а сам всё смотрю на завалившиеся тёмные мазанки.

— Моя мама лет двадцать проработала в этом колхозе. То поварихой, то прицепщицей, а то дояркой. Умела она говорить коротко. Могла обронить как ненароком:

— Так, сказал бедняк, хорошо в колхозе жить! А сам и заплакал...

Давно уже нет в живых её.

Не удержался, спрашиваю:

— А что бы вы сказали сейчас о нашей жизни? В наши лихие девяностые?

— О теперешней? Как мы живём? — подняв на меня усталые глаза, спросила удивлённо и недоверчиво. — Не видите разве? Я не могу сказать так как мама... Хотя и грамотней вроде...

— Вы же учитель. И, кажется, историк?

— Нет уж, Бог миловал, я преподавала математику. Просите, чтоб я сказала о таком... Слов нужных нет, говорила уже... А слюны не хватит...

Сказала так и изменилась в лице. Сама, видимо, за свою оценку, за жизнь свою испугалась... Не до конца ещё, видать, разуверилась.

Молитва

Как живу? Молюсь! Каждый день в молитвах. Последняя надежда осталась. Выйду на берег Волги, как сейчас, а то прямо на серёдку её. Одна стою среди снегов. Надеюсь, так одну меня, в отрыве от людей, ангелы мои или Боженька быстрее услышат. Последнее время, чтоб облегчить им меня определить, так и шепчу: «Водовозова я. Мария Алексеевна, живу в России, в посёлке Гранном Самарской губернии, улица такая-то, дом такой-то. Помогите! Приберите моего муженька! Совсем невмоготу. Уже и не плачу...

...Муж Николай вконец из рук Божьих выпал. Теперь ведь ни парткомов, ни нормальных завкомов нет. Вот товарищеские суды были... Как какой заерепенится, от жены к другой сиганёт, его раз... и на место... Кто детей растить будет?.. Нищету разводить?! Правильно — неправильно, а порядку больше было.

Хотя что я плету? Какие теперь товарищеские суды? Заводы-то юлдыкнулись. И наш тожа... Который год уже стоит...

Как уволился Николай, так и начал куролесить. Спервачка он только пил...

Я вначале соседей стеснялась. Не в обычай, чтоб хуже, чем у людей было. А теперь соседи-то тоже все пьют. Некого стесняться...

Как быть? Пьёт! А на что пить? Пенсию ещё не успел заработать. И у меня нет. Вначале телевизор пропил. Потом швейную машинку «Зингер». Её отец мой из Германии привёз, военный был. Он пьёт и из дому всё тащит, а тут зять Василий, как без привычного дела остался, на наркоту сел. Дочь Нюра бессловесная. Терпела, терпела. В двух магазинах убирала, да ещё у дачников тут... Девчонок-то надо содержать! Надорвалась. Одни стропила у неё остались. Худющая. Лежит в больнице с сердцем. И войны нет, а косит смертушка. Выйдет ли из больницы? А Василия вторую неделю нигде нет. Я думаю, скорей всего, утонул: вон полынья-то на Волге какая. Его уж разок вытаскивали. Я дочери не говорю. Куда ей? Не выдержит.

А мой теперь по мелочам начал. Босоножки младшенькой внучки утащил. Вчера схватилась: куртки до-

черней нет. А ну как её выпишут из больницы. Вот и молю Бога. Прибрал бы он мужа мово к себе, по-доброму. Без меня. Ведь всё равно жилец никакой. Он уже ничего не может ни по хозяйству, нигде. Руки трясутся, одно на уме... Молитву творю! Уберёт бы меня Спаситель от греха. А то пришибу его. Чтоб спаси Настю с Леной. На дочь-то какая надежда, если и выйдет из больницы... Одна я у внучек опора... Хорошо обе учатся, самостоятельно всё. Лена — круглая отличница.

А мой трясун уже к холодильнику примеривается. Мямлит, что отвезти надо его в ремонт. Я знаю, какой у него на уме ремонт. Они с соседом, таким же как он, уже отремонтировали один. Полина теперь без холодильника, погреб у них обвалился. А у нас совсем нет. Стараюсь из дома не уходить надолго, но разве уследишь?

Молюсь... молюсь...

Устала. Приготовила молоточек. Только тюкнуть осталось по затылку...

Спокойно и отрешённо пощипывая у только что купленной в поселковом магазинчике буханки хлеба жёсткую краюшку, повторила снова: «Только тюкнуть осталось...»

И так она это сказала, ещё раз спокойно, так обыденно... А мне показалось после её слов, что небо рухнет сейчас на нас обугленным пологом... Что и эта женщина, и две её внучки, которых я никогда не видел, и я... и те, двое бедолаг мужичков, которые как бы уже и не в этой жизни, оказались в адовом кругу. И круг этот очерчен жёстко и неумолимо. Мы теперь в кругу, где едва мерцает грань между добром и злом...

Возникли в смешавшемся сознании, как истлевшие, полусгоревшие стропилы когда-то добротного дома, слова: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». И о ней ведь, Марии Алексеевне, слова эти сказаны. Как издёвка они звучат в наши дни...

— Что вы, Мария Алексеевна, — не находя нужных слов, говорю я, — даже подумать об этом... грешно...

— А что? — отзывается обречённо. — Не радость, конечно. А разве не грех — две души загубить разом, двух девочек по миру пустить. На мне всё сошлось. Мне решение принимать. Вот и молюсь: Бог дал, пусть он и возьмёт его... Без меня... Поможет мне... И пожалеет нас всех...

Она повторяет уже сказанное. И я понимаю, что слова эти из её молитвы... Она с ними сроднилась.

...Мы стоим на берегу Волги, у крохотного продовольственного магазинчика — посреди неохватного вселенского простора. И глядя на эту, совсем почти незнакомую мне женщину, я чувствую свою чудовищную неспособность что-либо существенное предпринять, чтобы помочь ей выбраться из этого адского круга. Не чувствую в себе нужных для этого сил.

И невольно молюсь. Шепчу малодушно: «Господи. Убереги и сохрани! Отведи беду... По её ли грехам ей такое?!»

Эпоха не та...

Сходи вон в тот здоровенный кирпичный дом на том порядке, к Мотькину. Наберись ума. У него у одного такой домина в нашем посёлке. Мимо не пройдёшь...

Он, кажется, понял жизнь. По-своему. Когда я в школе тутошней учителем труда работал, он у меня в учениках был. Мотькин один, как я ни бился, нормальную табуретку на уроках труда сделать не мог. Не хотел!

— И зачем, говорит, мне это? Когда за деньги всё купить можно? Так проживу!..

И верно ведь: живёт, ничего делать не умея. Кроме денег! Бабки рубить, толкует, надо в городе, а дышать приезжать сюда, в посёлок на берег Волги!

...Я с ним недавно калякал, тоже про жизнь, как с тобой...

«Жизнь, — говорит, — это эпидемия, распространяемая половым путём! Не успеешь своё взять вовремя, останешься ни с чем! На каждого сколько надо! А нас уже семь миллиардов ртов. Вот если бы до миллиарда было, тогда другое дело... А то от одного метана задохнёмся...»

...Он книжек-то не читает, я знаю. Где-то подцепил это, услышал и гнёт, как своё... Реактивный, на лету, словно блесну, хватает, когда дело касается наживы... Один он так из поселковых вознёсся. Дети в Англии учатся, жена живёт в Карловых Варах. Как? Откуда такое племя взялось?!

Хотя... его дед счетоводом ещё в колхозе был, помню. Отец — бухгалтером вот уж в наше время. Только и считали. Цифру уважали! А чтоб руками?..

...То ли мы не умеем считать? Или не так считаем, как они: «Тебе... мне-мне, ещё мне!» Цифра нас всех и съест!

Его сосед, старик Лунёв, который совсем ещё недавно жив был, тоже сокрушался:

— Эпоха не та! Ничего не поделаешь, — говорил.

А сам всё понять что-то хотел, больше, чем мог... Так и помер...

На обочине

Опять этот старик на берегу Волги. Мы с ним говорим не один уже раз.

Вернее говорил-то больше он. Моё дело — слушать.

— Зовут меня Иваном Сергеевичем, как Тургенева, — сказал он мне сегодня. — Про вас я узнал. Вы книжки пишете. Мне про то пастух коровий Володя сказал. У него есть одна ваша, тоненькая такая.

«Вот почему, — отметил я про себя, — он назвал меня впервые на «вы»».

...И сегодня в разговоре старик часто повторялся, как и прежде. Видно по всему, что постоянно думает над тем, что говорит. Пытается вырваться из плена, а всё ж не по силам.

Одному не по силам, вот опять попался ему я...

Но от меня большая ли помощь?..

А он, кажется, на меня и не надеется:

— Говорил, что тоже силишься понять жизнь? Таковую какая есть, какой она стала. И почему она такая? Определена граница, двух твоих институтов не хватит... Понял ли я, что такое жизнь, в свои восемьдесят лет? А как её успеешь понять, когда будто в одну дверь вошёл, а в другую тотчас вышел!.. — он оказывается помнил наши разговоры дословно. — Написать хочешь повесть о простом человеке? Но ведь была уже «Повесть о настоящем человеке»? По-другому хочешь сказать? Ну-ну...

Старик было смолк. Но его тут же толкнуло изнутри, он встряхнул большой белой головой:

— У нас на магистрали, на большаке сейчас кто? Скажи мне? — он перешёл, не заметив на «ты». — Молчишь! А я отвечу! Не сразу, потерпи.

Встал, чуть прошёлся, разминая ноги. Остановился около меня, заговорил нервно:

— Жизнь наша — Россия! Без России мы никто! А какой Россия стала?.. Помнишь, у Шукшина кино было? Там один мужик начитался Гоголя и придавил себя вопросом: «Если Россия — птица-тройка. И мчится, как птица, то кто на тройке? Ответь мне?» Так, по-моему, спрашивал? Михаил Ульянов, ну, который играл этого дошлого мужика. Вон когда ещё накренились мы... И домчались такими до конца двадцатого века. Перенесла Россия нанесённый удар, переживём и нынешние беды... А пока у нас на самом виду Бога не ведающие люди. Торгаши! Разворовывают, растаскивают всё, что могут. По алчности. Не моргнув глазом, считая это за доблесть. успех любой ценой! и сколько тех, кто от безысходности, от нужды переступил черту?! Копошатся... Многие на обочине оказались. Те, которые не торгуют ни ворованным, никаким... Мильёны таких!.. Трудятся как и раньше. Или доживают своё, кто стар. И ненужным оказался... Если их и видят пока, то смотрят на них, как на дефектных каких... Вот тебе и матерьял для второго тома «Мёртвых душ». Бери его прямо из жизни. Черпай по полной... Только душу не выстуди...

Андрей Иванов

«НАШУ ЧЕСТЬ И НАШУ ВОЛЮ НИКОМУ НЕ ИСТРЕБИТЬ...»

* * *

Не хочет стать былым бывшее.
Куда от прошлого уйти?..
Терзает, не даёт покоя,
И смутный сумрак впереди.
Возможно ль сумрачные думы
Усиьем разума унять?
Как может бестелесный сумрак
Тела, играючи, ломать?
Что хочет мне сказать, незримый,
Напоминая о себе?
К какой черте неумолимой
Влечёт меня в моей судьбе?
Одна надежда утешает,
Что знает истину Творец
И то, что от других скрывает,
Он мне откроет наконец...

* * *

Любовь... А, может, просто случай,
Коль мы повязаны с тобой
Судьбой настолько неминуемой,
Что стал вселенной дом родной?..
Любовь светла и многогранна,
Надеждой послана с небес.
Небесная Господня манна,
Восьмое чудо из чудес.
Нас просто небо обвенчало,
Неважно, что там впереди...
Бывает у любви начало
И нет конца её пути...

Елабуга

В излучье Камы град стоит:
Старинный и от войн усталый.
К нему судьба благоволит —
Исконно он служил заставой.
На побережье, на холме
Дозорная не дремлет башня.
Гостей незваных видно ей
Далече в бойницах отважных.
В той башне дух когда-то жил,
В веках грядущее пророча,
Чёрт в Каме камень затопил,
И подойти судам нет мочи.
Но Тамерлан промчался здесь.
И Пугачев был здесь отмечен.
И шишкинский былинный лес
Художником увековечен.
Огромный лес к реке приник,
И на стволах играет солнце.
Пантелеймона свят-родник
Таким же чистым остаётся.

* * *

В кабаке, притоне швали,
Разудалы и хмельны
Офицеры выпивали —
Белой гвардии сыны.
Позабыв про чувство меры,
Приложив наган к виску,
Заглушали офицеры
По Отчизне грусть-тоску.
За Отечество и Веру,
За российского царя
Поднимали офицеры
Тост, о чести говоря.
Свято верили — Россия
К свету вырвется из мглы.
Долго чаемый Мессия
Снимет с русских кандалы.
Ох уж эта вера в чудо,
Что питала нас всегда!
Так скажите же, откуда
Наша русская хандра?
О, Россия-мать, доколе
Эту боль мы будем пить?..
Нашу честь и нашу волю
Никому не истребить.

* * *

Есть жизнь, есть смерть, есть миг
прозренья.
Из года в год, из века в век
Не воли и не вдохновенья —

Просил покоя человек.
Погрязший в заблужденьях лживых,
Распутству тело предавал,
Сжигая чувства в клятвах мнимых,
Душой небесной рисковал.
Кружилась жизнь в беспутном танце,
Ждал вдохновенья он... И вот
В стихи прозренья не ложатся —
Возможно, не настал черёд.
Неважно, с кем пройти дорогу.
Великий миг для всех един...
Вновь, Господа зовя в подмогу,
Стремимся к чистоте вершин.
Я шёл вперёд, не обернувшись,
Слезам предпочитая смех...
Возможно, легче, чуть согнувшись,
Ползти туда, где ждёт успех?
И вновь, как встарь, грызут сомненья:
На что растрочены года?
Бог посылает в утешенье
Любовь... не всем и не всегда.

* * *

Вздыхать о прошлом, о бывшем,
Жизнь суетливую устроить,
Оставить правду на потом,
И совесть напрочь обезвопить...
Не каждому дано понять,
Что на пустое тратим годы...
Суметь бы демонов унять,
Скрепить делами древо рода.
Поступки наши и дела,
Как эхо, прозвучат во внуках.
Ну, а судьба всегда права...
Судьба, судьба... Синоним муки!

* * *

Россия только единеньем
Крепилась, становясь сильней —
Не может быть трёх разных мнений —
В единой тройке все важней.
А если было по-другому —
Бояре сразу по кустам,
Незваными являлись к дому
Немецкий кайзер или хан.
Страна сильна своим народом,
Народ силён своим царём.
Мы никогда не станем сбродом,
Пока славянами живём.
Из пепла воскресать умеем,
Несём достойно русский крест...
Вот жаль, что не всегда мы ценим
То братство, что в славянстве есть.

Девушка-очарование

В воздушном невесомом одеянии,
Укрыта лёгким светом-пеленой.
Она, как ангел, тонким обаянием
Тебя очаровала красотой
Та девушка с нездешним нежным
взглядом,
Укутанная в цвет морской волны,
Стоит совсем неподалёку, рядом,
Тебе навевая неземные сны.
И, сказаны совсем не напоказ,
Её слова, подобны нежным струнам.
В своих мечтах ты с ней танцуешь
вальс, —
Старинный танец и извечно юный.
И глаз её чудесную игру
Ты никогда ни в ком
не повстречаешь.
И мокрых листьев шелест на ветру
Малейший шорох в песню
превращает.
Небесных глаз погибель и беда,
И ничего не значащие фразы.
И ты поймёшь сегодня навсегда —
Таким счастливым не был ты ни разу
Вот ты какая, девушка-мечта!
Ответь, с тобой мы не встречались
раньше?
С тобой он остаётся навсегда.
Ему неважно, что там будет дальше.

* * *

Книга — преданный друг человека —
Книга учит нас, не поучает.
Открывает секреты успеха,
И мечтами сердца окрыляет.
Вот возьмёшь её в руки снова,
Прочитаешь от корки до корки.
И вдохнув аромат переплёта,
Сам напишешь душевные строки.
Согласишься с ней и поспоришь,
Пролистаешь родные страницы,
И опять в неземные просторы
Улетишь непокорною птицей.

* * *

Снова возьму я резную гитару,
Снова по грифу рукой проведу,
Снова, гитарные струны лаская,
От чьих то душ отведу я беду.
Быть попрличней мало охоты.
Вальсы Шопена прилежно играть.
Иль у костра после трудной работы.
Взрослые песни навзрыд напевать.
Пальцы по струнам порхают быстрее,
И перебор бесконечно красив.
Песню подхватит ласковый веер,
Станет крылатым любимый мотив.

* * *

Изумрудом поляна облита.
Зелена молодая трава,
И рососою рассветной напитан,
Ждёт цветок на поляне тепла.
Лепестки его тянутся к свету,
Раскрывается чудный бутон.
Из земли он дотянется к небу,
Это вечный природный закон.
Капля света по стеблю сбегает,
Как слезинка прошедшей тоски.
Тонкий стебель цветок распрямляет,
И короной блещут лепестки.
На поляне, что залита светом,
Не теряет надежды цветок.
Скоро соединится в букете,
Не останется он одинок.
И украсит могилу солдата,
Что когда-то на поле том пал.
Он героически погиб в сорок пятом,
Но победу Отчизне снискал.

* * *

Снежинки белые кружатся.
Старик Мороз снежинкам мил.
А за качели лист держался
Осенний, из последних сил.
Серебряные чудо-замки
И ледяные зеркала...
Зима, красотка, лихоманка,
Зима-злодеюшка пришла!
Считаю месяцы негромко:
Декабрь, январь, за ним — февраль.
По полю катится позёмка,
Озёра заковав в хрусталь.
Хрусталь звенящий обожаю —
Он белоснежный, словно лёд.
Он в небе искры зажигает,
И к новой жизни нас ведёт.
Пусть иней, вьюга и туманы
Терзают землю, так и быть...
Но всё равно нам было б странно
Злодейку-зиму не любить!

* * *

«Ты яркая и смелая», —
Звезда мне намекнула.
Жар-птицею взлетела,
Во мраке промелькнула.
Звезда, ведь ты устала
Светить в ночи сырой,
За тучками пропала
И скрылась за горой.
Красавицею томной
Казалась мне порой...
Но я тебя запомню —
Похожи мы с тобой.

* * *

Кошки по крышам не ходят без дела.
Звёзды мерцают вокруг,
Дымка тумана над городом села —
Встревожив кошачий досуг.
Пеплом искристым просыпана
крошка
Тихого сладкого сна.
Все улеглись, только чёрная кошка
Бродит по крышам одна.
Пыль пролетает над отблеском
лунным,
Месяц дрожит на воде.
И кружева из решёток чугуновых
В городе этом везде.
Облако дыма прозрачной струёю
Кутает в небе огни.
Кошка встречается нынче с луною,
Просто подруги они.

* * *

От острых стрел Амура,
От пагубной мечты
Была одна микстура —
Микстура от любви.
От боли и печали,
От острых ран в груди,
От птиц, что так кричали
О счастье впереди.
В едином экземпляре
Та смесь всегда была.
Я верила вначале,
Что вправду есть она.
Поверила напрасно,
Ведь это полный бред.
Есть разные лекарства,
Но от любви их нет.

О себе

Сверкают озёра-глаза,
И многие в них утопают,
Но волю давать им нельзя —
Ведь души они забирают.
И голос звучит, как прилив,
И фразы искрятся и тают.
И взгляд, как у кошки, игрив,
Что тайну заветную знает.
И розовых губ лепестки,
Улыбки доверчивой праздник...
Уйми в своём сердце мечты
Эй ты, хулиган-безобразник!
Тебе говорю: «Не судьба!»,
Хотя красотой искушаю.
Любить запрещаю себя.
Влюбляться в себя разрешаю.

* * *

Мягкой прохладой пропах на ветру
 Листик зелёный, что сделался жарким.
 Осень явилась к нам поутру
 И разукрасила золотом парки.
 В лиственной рыжей сплошной пелене
 Парку тепло, мне на сердце спокойно...
 Блюзы осенние, милые мне,
 В шорохе листьев я слышу сегодня.

* * *

Приехали на санках в старый дом,
 А в этом доме пахнет пирожками!
 Бабуля ожидает под окном:
 «Идём-ка в дом, покушаете с нами»
 А в доме пахнет вкусно и свежо.
 А за окном снежок, как белый бархат.
 И светит ясно солнышко в лицо.
 Храм на горе, как белоснежный замок.
 А в храме батюшка, на посох
 опершись,
 Молитвы православные читает.
 И звон колоколов летит в зенит.
 ...И Русь нас, словно бабушка,
 встречает!

* * *

Целует лужи листопад,
 Сквозняк гоняет тучи.
 Что эти звёзды мне твердят?
 Ответь луна, не мучай!
 Но лишь надменно смотришь ты,
 Как мир тобой встревожен...
 Построить лунные мосты,
 Ты явно не сможешь...
 Твой образ зеркало хранит.
 Он вечно юн и молод.
 И под твоей вуалью спит
 Усталый за день город.
 Но вот твой лучик побежал
 Дороженькой небесной.
 Во сне ребёнок ручки сжал,
 Увидев сон чудесный.
 А вот девчонка лет шести
 С печальными глазами.
 Пыталась вслух произнести
 Слова, давась слезами.
 «Привет, луна! Привет, привет!»—
 Девчонки дрогнули силуэт.
 В ответ лишь эхо зашумело.
 О чём та девчонка запела?

«Я к вам пришла, друзья мои,
 Чтоб тайну миру подарить.
 Чтоб всем поведать о любви,
 И всех понять, и всех простить...
 У всех есть мама, папа, братик,
 Есть дом, собака, добрый кот...
 Я в этом мире всем некстати,
 От грустных устаю хлопот!..»
 ...Луна приблизилась к окошку:
 «Не плачь, красавица, не плачь!
 Ты потерпи ещё немножко,
 Тебе я много дам удач!
 Но я на небе одинока.
 Хотела бы с тобой дружить.
 Но ты обязана до срока
 Ту дружбу в тайне сохранить.
 Сейчас усни, когда проснёшься,
 Ты всё получишь от меня.
 В лицо несчастьям посмеёшься,
 Секрет наш маленький храня...
 Не забывай меня, родная.
 И ночью подходи к окну,
 Когда я щедро освещаю
 И темноту, и тишину..»
 ...С тех пор с луной девчонка дружит,
 Они подруженьки с луной.
 Живёт счастливая, не тужит
 В семье счастливой и большой.
 И вдоволь им хватает света,
 Не забывают их друзья...
 Кто та девчонка? Кто же это?
 Вы верно догадались — я!

* * *

Прочитала в книжке
 Про маленького мишку.
 Он всё на свете знает,
 Во снах своих летает.
 Мечтать Мишутка любит
 И любит поиграть.
 Но надо про уроки
 Ему не забывать.
 А если не захочет
 Он вызубрить урок,
 Отец Мишутки будет
 К нему ужасно строг!
 Да и учитель строго
 Посмотрит на него...
 Страшнее педагога
 Нет в мире никого!

Анастасия Устинова и Виктория Иванова

Татьяна Коковина

«Я ЛЮБОВЬ, КАК ПЕСНЮ, ОТЫГРАЛА...»

* * *

Разрумянится лицо...
 Не взирая на погоду,
 Выйду утром на крыльцо,
 Глубоко вдохну свободу.
 Люб закат мне и рассвет,
 Любо ласковое солнце.
 Всем шальной весны привет
 Понемногу достаётся.
 Я опять влюблюсь всерьёз!
 Что мне прошлые печали?
 Ведь не зря веснушки нос
 Вздёрнутый облюбовали.

* * *

В кошельке звенит уныло медь,
 Не суля заветную покупку...
 Золота мне, видно, не иметь,
 Отнесла кольцо сегодня в скупку.
 Не впервой одной латать забор,
 Не впуская в сердце нелюбимых,
 Что нахально ломаются во двор
 И стучатся в двери в лютых зимах.
 Что им нужно от меня? Вопрос!..
 Муженька не надо мне чужого.
 Несложёнкам путь греха не прост.
 Успокойтесь, не ревнуйте, жёны!
 Я стою рябиной на ветру.
 Лишь мужей залётных не хватало!
 Я любовь, как песню, отыграла
 На холодном продувном ветру.

* * *

Ну наконец-то маковый закат
 Плывёт по речке переливом алым...
 Коммерция моя пошла на лад,
 Я день деньской на рынке торговала!
 Я на судьбу обиды не таю,
 Стараясь жить негромко и неброско.
 Съестным набила торбочку свою,
 И встретила любовь на перекрёстке.
 Бездомный пёс далече ноги нёс,
 Но вдруг признал во мне свою
 хозяйку.
 И было не сдержать невольных слёз,
 Так он глядел в глаза мне без утайки.
 И лишь сосед мой был тому не рад,
 И заявил прилюдно-громогласно:
 «Не ты мила собаке — аромат!
 Сбежал из торбы аромат колбасный!..
 Что прав сосед, уверить не берусь!
 Но я однажды твёрдо уяснила,
 С любой собакой точно подружусь,
 А с человеком — точно б погодила!

* * *

Стонал под ветрами усталый лес,
 Но корни молча росли.
 И дождь их кормил высотой небес
 И соками отчей земли.
 И пусть они пребывают впотьмах,
 Но корень всех бед людских,
 Что мы забываем о наших корнях,
 Порой предавая их.
 Когда отгорим, упадём на твердь,
 Прильнём к родовым корням.
 Так было до нас и так будет впредь —
 Это решать не нам.

В Санкт Петербурге

В неспешном снегопаде растворяюсь
 Среди людей, спешащих за мечтами,
 Снежинкою на время притворюсь,
 Родившейся недавно с облаками.
 О вечном шепоту печальный стих,
 Слетая плавно на плечо атланта.
 Жалея современников своих,
 Как гениальный Алигьери Данте.
 Над Питером усталым покружу,
 Над Мойкой, Монастыркой и Невою,
 И скорую весну наворожу,
 Хотя и рождена была зимой.
 Растаю... Ну а вам и невдомёк.
 Подумаешь, великая потеря!
 Но небосвод отныне одинок,
 Как гениальный Данте Алигьери.

В день рождения Поэта
Юрия Кузнецова

Мгла темноликая, будет иначе,
 Светлый проснётся день,
 Лучик божественный по миру скачет
 Превозмогая тень.
 В предгрозовую февральскую пору
 Пробует силы свет.
 Солнце проснулось, двинулось в гору,
 Чтобы пришёл поэт.
 Чтоб, окликающая пустыни и выси,
 Наворожил рассвет.
 Ведь от прихода поэта зависит,
 Будет ли в мире свет!

* * *

Тебе я по наивности своей
 Быть провожатым робко разрешила.
 Ты был меня немногим посмелей.
 В мальчишеской застенчивости
 милый.
 Грущу о невозвратном, о родном,
 О времени, когда мы так любили
 И «Незнакомку» Блока в голубом,
 Поход в кино и эскимо с ванилью.
 Всё это в прошлом... Из небытия
 Прощальный зов порою раздаётся.
 Ни позабыть, ни воскресить нельзя,
 Лишь благодарно помнить остаётся.
 Грущу о невозвратном, о родном!
 Любовь — бессмертна, даже если
 в прошлом.
 Хоть кажется порою сладким сном,
 Забыть который просто невозможно.

* * *

Ветер рвётся непослушным
 Псом блудливым с поводка.
 И опять терзает душу
 Леденящая тоска.
 От разлучных мрачных буден
 Откреститься не могу.
 Что предзвездье русским людям?
 Нам бы снежную пургу!
 Снег беснуется, кружится,
 И прохожих валит с ног
 Что ж тебе никак не спится,
 Шаловливый мой сыночек?
 Папа с нами жить не хочет.
 Ну и ладно, что с того?
 Баю-баю, мой сыночек...
 Ты упрямец — весь в него!

* * *

Солнце, лучиком звонким согрев,
Золотило пшеничное поле,
И струило сердечный напев,
О родимом российском раздолье.
Мрак явился с чужой стороны,
Как лукавый разлучник-мессия.
И усмешкой ущербной луны
Серебрил золотую Россию.

Серебристый обманчивый свет
Заливает семейное ложе.
И серебряных тридцать монет
Наше счастье, любимый, итожат.
Покидая уютный наш дом,
Ты исходишь стыдливою фальшью.
Ты ведь с мраком не просто знаком —
Мраку этому родич ближайший.
И печалью сквозит от окна,
Мы с луной одиноки до дрожи.
Догорает на небе она,
Освещая случайных прохожих.

* * *

Непутёвая, непутёвая,
Я забыла тебя давно.
В небе туча висит лиловая,
Но пролиться дождю не дано.
Луговые и ароматные,
Ты бросал мне цветы: «Лови!»
Ох, мечтания невозвратные
О полынной твоей любви!..
Ты в Анталии и в Италии
Не избудешь душевную стынь.
Заросло всё, о чём мечтали мы
Горькой травкой, чьё имя полынь.

* * *

Зима исходит песней колыбельной,
Терзает душу вьюжными речами...
Уставшие от белизны метельной,
Весны взыскуем длинными ночами.
Проталиной весна поманит первой,
Травинкой обнадёжит скороспелой,
Порадует пушистой вербной веткой,
Капелью звонкой запоёт несмело.
Затеплится озимым восходом хлеба,
Проклонется стихом в душе поэта,
И озарив распахнутое небо
Победно вспыхнет стойким
первоцветом.

* * *

Ветер заводит унылые речи,
Лето, цыганским взмахнув подолом,
В тихом овражке уснуло под вечер,
Ворох забот отложив на потом.
Напрочь сегодня забывший о лете,
Ветер потворствует злым сентяблям.
Он воцарился на целой планете
И колобродит по синим полям.
Снова приносит нам ливни косые,
Сеет осеннюю зябкую грусть...
Осень, Дегтярка, Татьяна, Россия,
Перезимует опять как-нибудь!

Ольга Полухина

«Я ПО ЖИЗНИ ИДУ В ПОЛНЫЙ РОСТ...»

* * *

Пусть в феврале ещё метут метели
И заполошно снег с небес летит,
Но наши души, нет, не оскудели
И каждая по-своему болит...
Кого-то манят выси голубые,
Кого-то дерзкая мечта влечёт,
Кого-то губят страсти роковые,
А кто-то просто на земле живёт.
Но в главном мы — едины,
все мы — люди,
Нам этот мир завещано беречь.
Мы в наших детях повторяться будем,
Коль сохраним родную нашу речь.

* * *

Как звучно, многолико слово
Из древних родовых глубин!
И часто повторяю снова:
Родной язык такой — один!
В нём широта души, напевность
И глубина, и чистота,
В нём многовековая древность,
Богатство смысла, красота...

Он — всеобъемлющ и бескраен,
Всей жизни — корневой росток!
Хоть был осмеян и охаян,
Но всё ж народ его сберёт!
Горжусь тобой — язык народа,
Хранимого самой судьбой!
Ты — есть, ты — наш, ты — сила Бога,
И мой народ велик тобой!

* * *

Я не люблю смотреться в зеркала,
Не верю я лукавым отраженьям.
Они ль мне лгут, иль я себе лгала?
Зачем мне эти глупые сомненья?
Ужели всё сквозь амальгаму лет
Подвержено процессу увяданья?
Свет-зеркальце, не утай ответ,
Кому ещё поведать мне страданья?
Не я, не я! Безжалостно стекло
Хохочет, насмехаясь надо мною...
Уж сколько жизней перед ним
прошло
И спрятано бездонной глубиной...

* * *

Отгуляла, шалунья, отпела
 Быстрокрылая юность моя...
 А когда-то бурлила, звенела,
 За собой в безрассудность маня...
 Шаловливая, дерзкая юность,
 Что преграды сметала с пути!
 Где отвага, где сила, где буйность,
 Где сама ты? Ау? Не найти...
 Лишь ответно позёмка взметнулась,
 И ударила больно внахлест...
 Проводив легкокрылую юность,
 Я по жизни пойду в полный рост!

* * *

Пейзаж мелькает за окошком –
 Леса, речушки, дерева...
 И, растревожена немножко,
 Я не могу найти слова -
 Зачем уехала оттуда
 И мчусь неведомо куда...
 Смешно надеяться на чудо
 В мои не юные года.
 Куда спешу, в какие дали,
 В какую чудо-сторону?..
 Я встречу с юностью едва ли,
 Чтоб отпустила мне вину
 За то, что сделано так мало,
 Когда так много мне дано,
 За то, что много растеряла
 И мало приобретено...
 Но главное я сохранила –
 Надежду, веру и любовь ...
 Пусть встреча с молодостью милой
 Мне сладко разволнует кровь.

* * *

Ещё зима косматит ели,
 Кудрявит на заборах снег...
 Но стихнут зябкие метели,
 И вновь воспрянет человек!
 Кровавые взойдут тюльпаны,
 Напоминая о войне –
 Победоносной окаянной,
 Не завершившейся вполне.
 Но в прошлое отступят беды
 Пред многоцветием земным
 В преддверье праздника Победы,
 Что свято мы в сердцах храним!

* * *

Привет, мои подружки – осень,
 Весна, мелодия, луна.
 Крыластость первозданных сосен,
 Когда земля душе тесна...
 Привет, Поэзия! Ты лучше
 Других подруг меня поймёшь...
 Как богоданный вешний лучик
 Поймёшь, где истина, где ложь.

* * *

Этой ночью печальной беззвёздной
 Полумесяц секирой блеснит...
 Филин ухает громко и грозно,
 От тревоги аж сердце щемит...
 Я закрою все окна и двери
 На огромный душевный засов...
 Никогда больше я не поверю
 В чудо-сказку про нашу любовь!

* * *

Ночь темень жгучую вбирает
 Ковшом Медведицы большой...
 Луна блистательно сияет,
 Роняя жемчуг золотой...
 И лик пресветлый на иконе,
 И лучик света золотой,
 И жемчуга на небосклоне –
 Подарок щедрый, Боже, Твой!
 И свет родных далёких окон,
 Что в сердце тайно сберегла.
 И я совсем не одинока,
 И надо мной не властна мгла.

Надежда Забараускас

«ИЗ-ПОД ПЕРА БЕЖИТ СТРОКА...»

* * *

Не ханжа я и терзать не буду
 Нравственным учением ваш слух.
 Лицемеры в наше время всюду,
 Но при этом каждый слеп и глух.
 Лицемерам честно я признаюсь,
 В идеалы вовсе не гожусь.
 Как и все, бывает, ошибаюсь,
 А порой ошибками горжусь.
 И к тому ж уверена, что каждый
 На ошибках учится своих.
 Совершаем их порою дважды.
 Мы не застрахованы от них.
 Но одно я знаю очень точно -
 Даром свыше надо дорожить.
 Только Божье Слово непорочно,
 И ему почту за честь служить.

* * *

За окошком сирень пробудилась,
 Ароматом зазывно дразня.
 Нарядилась, как будто влюбилась
 В пролетавшего мимо шмеля.
 Невозможно её не заметить,
 Шмель не смог перед ней устоять.
 Счёл сирень самой лучшей на свете,
 Хоть привык на свободе летать.
 Но когда красотой насладится
 И нектаром пресытится он,
 Поспешит поскорей удалиться,
 Он в свободу навечно влюблён.

* * *

Неистовствует нынче птичий хор.
 Цветы исходят райским ароматом.
 Но Жизнь и Смерть вновь
 продолжают спор,
 Привыкшие к рожденьям и утратам.
 Возможно, не понять нам никогда,
 К чему вопросы сотворенья мира?
 Извечная борьба и суета?
 И мы зачем среди этого «гарнира»?
 Но вновь рассвет! И мы вперёд идём!
 Навстречу обретеньям и печалям.
 И робкою надеждою живём,
 Что не бесследно в вечность исчезаем.

* * *

Куда вы так спешите, облака,
 Напоминая — время быстротечно?..
 А может чья-то Высшая Рука
 Вас заставляет странствовать
 извечно?

Возможно, точно так же суждено
 Моей нетленной сущности скитаться?
 В награду наказание дано
 За призрачной мечтою вечно
 мчаться...
 А, может быть, и некуда спешить?
 Ведь всё идёт по замкнутому кругу...
 Несуэто мгновеньем дорожить,
 Благодаря Божественную Руку.

* * *

Жизни быстрокрылые страницы.
 Наступила новая глава.
 Еду я в глубинку из столицы,
 Слушать, как звенят ручьи, растёт
 трава.

Выйду утром в поле — красотища!
 Вот она — Россия, через край!
 Городская пыль и скукотища
 Мне сулила на асфальте рай.
 Для столичных здесь в ломы гнуть
 спину,
 А по мне — отменный фитнес-клуб.
 Заведу гусей, курей, скотину,
 Заложу сосновый крепкий сруб.
 И пойдёт по кругу жизнь крутиться.
 Дом, хозяйство, дети, суета.
 Пусть и мной деревня возродится,
 Чтобы не погибнуть никогда!

* * *

Отзвенели майские свирели...
 Расстелился сумрачный туман.
 Неужели, милый, неужели
 Наши чувства — это лишь роман?
 И нездешней сказочною мукой
 Замерцала знобкая звезда...
 Неужель чужие мы друг другу,
 Связанные клятвой навсегда?..

* * *

Вновь нервы скомканы в комок,
 Перечитать бы снова «Мцыри».
 Понять, что каждый одинок
 В подлунном этом грешном мире.
 А мы, влюбляясь в миражи,
 Коверкаем-калечим душу.
 А главное-то для души -
 Понять, что ты кому-то нужен.

* * *

Невыносимая тоска
 Стекает с небеси...
 Из-под пера бежит строка,
 Поэзия, спаси!
 Мечты меня уносят вдаль
 Реальности назло.
 И что прошло, того не жаль,
 То ветром унесло.

Леонид Котов

«СНИТСЯ ВОЛЖСКАЯ ВОДА...»

* * *

Не жалеите его, не жалеите —
 Не тревожьте зажившие раны.
 Хоть разлука печальнее смерти,
 Исцеляться душе слишком рано.
 Отчего он спокоен?.. Наверно
 Стал сильнее разлук и страданий.
 И, вчера ещё рыцарски верный,
 Нынче вдруг говорит: «До свидания».
 Улыбаясь печально сквозь слёзы,
 Он уходит, нельзя тут иначе.
 И плевал он на ваши угрозы,
 Повзрослевший в страданиях
 мальчик.

* * *

Арифметика жизни простая —
 Доверять не уму, а сердцу.
 Не тащиться за волчьей стаей,
 В одиночку стихами греться.
 Опыт предков — горькая пытка.
 Волчьим рыком сменился ропот...
 Человек на своих ошибках
 Получает бесценный опыт.

* * *

Растерялись в мире краски
 И утратили контраст.
 Вновь, с себя срывая маски,
 Жизнь урок нам преподаст.
 Сердце с разумом сегодня
 Заключили свой контракт.
 Значит, небу так угодно,
 Да и я тому был рад.

На душе легко и сладко,
 Наполняют силы грудь...
 Раскрывай стихов тетрадку
 И про ненависть забудь.

* * *

Над Самарой дождь лучится,
 Значит, горе — не беда!..
 Золотое солнце снится,
 Снится волжская вода...
 Край родной, эх, край мой ясный,
 Разметавшийся в тиши!
 Я с тобой во всём согласный
 По велению души.
 Мой Самарский край любимый,
 Ты повенчан с тишиной...
 От невзгод тобой хранимый,
 Разве я не рыцарь твой?..

* * *

Затишают раскаты овалей,
 Не сумевшие душу согреть.
 Страшно вновь одному оставаться
 И душой потускневшей болеть.
 Отчего так темно и так страшно?
 Отчего же так сердце щемит?
 Отчего мы становимся старше,
 Оставаясь, по сути, детьми?
 На волне уходящего детства
 Я тобой заболел, очень жаль...
 Отчего твоё пылкое сердце
 Превратилось в холодную сталь?..

* * *

Анастасии Устиновой

Твои лирические строки —
 Пронзают сердце, как стрела...
 Неизлечимую морозом
 Всегда поэзия была.
 Туманным флёром
 укрывает,
 Трепещет пламенем
 свечи.
 Чудесно душу
 исцеляет
 Когда душа болит
 в ночи.

Сияет, словно
 солнце летом,
 Преграды рушит
 на пути!
 ...Не поэтессой,
 но поэтом
 Тебе назначено
 идти.

* * *

Порой мы в жизни выбираем
 Тех, кто уничтожает нас.
 Пустые души заполняем
 Обрывками банальных фраз.
 Любви наивно ожидаем
 От тех, кому на нас плевать...
 Безмолвно в тишине страдаем —
 Не всё ж нам в небесах витать!..

* * *

Закат вечерний, друг мой,
 здравствуй!

Давно не виделись с тобой.
 Ты нынче грустный и ненастный,
 Не избалован тишиной.
 С тобой мы родственные души,
 Ведь ты, наверное, поэт...
 Ты мне принёс сегодня, друже,
 Небес лирический куплет.
 За вдохновение спасибо!..
 Ну кто бы мне ещё помог?
 Украшен лунным светлым нимбом,
 И к ночи молча изнемог.

* * *

Ведите к сокровенной цели,
 Преграды руша на пути.
 Мои песчаные метели,
 Мои метельные дожди.
 Во сне рукою прикоснулся
 Я к ослепительным лучам...
 И — снова в серый мир вернулся,
 Не дав насытиться очам.
 Пусть лунный свет на землю льётся,
 Склоняя сущее ко сну...
 Глаза открыв, увижу солнце,
 Россию, утро и весну.

Наталья Мельникова

РАССКАЗЫ

Агафьян колокол

Агафья, тяжело ступая, вышла на крыльцо. Вслед за ней шёл хозяин дома Степан и сурово приговаривал:

— Ступай, ступай с Богом. Не брали мы ничего, почто зазря, наговариваешь на нас?

Ступив на крыльцо и, нахмурив брови, уже мягче продолжил:

— Не боюсь, где-то в другом месте оставила, да и забыла?»

Агафья спустилась с крыль-

ца, руками бережно придерживая большой живот, пристально посмотрела вдаль и, повернувшись лицом к хозяевам, нараспев произнесла:

— Бог вам судья, но если виноваты, расплату ждите через своих детей, — и, не оглядываясь, медленно пошла по дороге.

Степан настолько сильно расстроился, что стоял неподвижно, пока Агафья не скрылась из глаз.

Потом обратился к жене: «Нюра! Да что ж это такое, за что она нас так? Вот и делай добро людям!»

...Вчера вечером в ворота к ним постучала незнакомая беременная женщина и попросилась на ночь на постой. Напив чаем, уложили спать на большом сундуке. Нюра рано утром пошла в хлев доить корову, да любопытства ради, проверила котомку незнакомки. Среди всякого барахла углядела небольшую шкатулку, а открыв её — ахнула. Она была полна золотых монет, блестящих таинственным, притягательным светом. Враз помутилось в голове у Нюры, сама не помнит, как схватила шкатулку, завернула в подвернувшуюся тряпку, и закопала в хлеву. Сейчас же перед мужем настороженно молчала, даже взглядом, нечаянным вздохом боясь себя выдать.

«Всё забудется, забудется» — успокаивала она себя.

Прошло время и за тяжёлым изматывающим крестьянским трудом это событие действительно как-то подзабылось. Лишь изредка позволяла Нюра себе такую радость: достанет шкатулку и любитесь монетами, перебирая их мозолистыми руками.

Их дом в эту зиму посетила радость. Почувствовала Нюра, что стала тяжёлой, понесла. Четыре девки в семье, и муж только вздыхал, глядя на соседских мальчишек. Все месяцы беременности, они даже друг другу боялись гово-

рить о своём желании. Вечерами, когда все дела были переделаны, садился Степан на скамейку, сворачивал сигарку и мечтал, глядя на звёзды в синеем, морозном небе, как с сыном будет ходить на рыбалку, как свалит ему тёплые валенки и сошьёт маленький полушубок.

Роды у Нюры были тяжёлые. Два дня она металась на кровати, криком пугая своих девчонок. Разрешилась лишь к вечеру третьего дня.

— Сын! У меня родился сын! — радостно распевал Степан.

Вновь потекли дни, наполненные всё тем же тяжким крестьянским трудом. Ванюша рос, доставляя сёстрам и родителям ласковую радость. Одно крепко настораживало, что не мог он твёрдо стоять на ножках. Уж и в бане Ванюшу парили, и мазь знаменитой травницы Фёклы втирали — ничего не помогало. Решили везти в райцентр к доктору. Пожилой врач в старомодном пенсне долго осматривал Ванюшу, и всё более мрачнел.

— Увы! Медицина здесь бессильна, — таков был вынесенный врачом вердикт.

Уложив сына в телегу, Степан погнал домой, зло нахлёстывая кнутом лошадь и остановился лишь услышав отчаянный крик жены:

— Это я, я виновата в болезни сына. Помнишь беременную женщину, которую мы приютили. Я, я украла у неё шкатулку с золотыми монетами и спрятала. Разум потеряла. Мой грех, Степан!

Степан словно окаменел и только слёзы беззвучно текли по впалым щекам.

Годы, как вода, стирают многое. Опустела деревня. Старики умерли, а кто помоложе — подались в город. Мало-помалу разрушились дома, и воцарились, всё заполнив собой, крапива да чертополох.

...Однажды тишину нарушил рёв трактора, прочищавшего дорогу к роднику. Юлия с мужем по-хозяйски осматривали окрестность, решая, где поставят дом. Решили переехать жить к родным истокам, здесь на свежем воздухе, на родниковой воде, они надеялись излечить сына, который с детства не мог ходить. Работы было невпроворот. Наняли бригаду строителей, пригнали технику, и дело закипело... Однажды Михаил, расчищая завал, наткнулся на сверток, завернутый в истлевшую ткань, развернул и ахнул — перед ним была шкатулка, до краёв наполненная золотыми царскими монетами. Весь вечер просидели с женой за столом, глядя на это богатство, и Юлия вдруг вспомнила грустное семейное предание, услышанное ею когда-то от бабушки.

— Неужели та самая шкатулка, я ведь думала, что это страшная выдумка, которой нас просто пугали...

Жалобно взглянула на Михаила:

— Что делать-то теперь будем?

Муж, опустив глаза, неуверенно произнес:

— Может, на стройку пустим? Деньги-то нам сейчас, ох, как нужны!

Долго, до полуночи, горел свет в их временной хибарке. На следующий день райцентр, расположенный в нескольких километрах от деревни, гудел. Событие, всколыхнувшее село, выглядело, как детективная история. Храм в селе стоял старинный, красивый. Недавно отреставрировали его, и стал он гордостью односельчан. Одно плохо — не было колокола. А тут утром батюшка пришёл церковь открывать, а на пороге свёрток, а в нём

шкатулка с золотыми царскими монетами и короткая записка «на колокол». Вот и зашумел народ, выдвигая самые различные догадки. Старожилы вспомнили легенду о шкатулке. А когда через месяц привезли колокол и повесили, в народе его сразу прозвали «агафьин». Теперь каждое воскресенье над окрестными сёлами, полями да лесами разносится праздничный благовест, и слышится чуткому уху в этом звоне радость всепрощения.

Прости меня, Вадим!

Нина плавно нажала на тормоза и остановила машину у газетного киоска, где привычно покупала по пятницам свежие газеты. Беседуя с киоскершей, скользнула взглядом по мужчине — довольно неопрятному, больше похожему на бомжа. Он с угрюмым видом одиноко сидел на скамейке, беспокойно теребя в руке выдавшую виды кепочку. Поморщившись, она уже почти отвела взгляд, но что-то неуловимо знакомое в облике мужчины остановило её. Подойдя к машине, оглянулась ещё раз и... вспомнила.

...Первого сентября в их восьмой класс пришёл Вадим — второгодник и хулиган. Благополучный в целом класс принял его холодно-настороженно. Новенький занял пустующую парту в последнем ряду, и долго приглядывался, как бы оценивая расстановку сил. Вскоре к нему прибилась несколько мальчишек, и образовалась маленькая стайка во главе с вожак. Но стая будет жить, когда она в охоте, когда есть, за кем гнаться и кого мучить. Объектом номер один в качестве жертвы стала Нина. Тихая, домашняя девочка с русыми косичками и веснушками на носу, отличница, которую учителя всегда ставили в пример. Каждую перемену Вадим старался придумать какую-либо мелкую пакость. Несколько раз одноклассники вступались за Нину, но с каждым из них состоялся разговор за школьным гаражом, после чего сопротивление было сломлено. Все сочувствовали, но страх оказаться на месте Нины оказывался сильнее.

Родители удивлялись, почему их дочь вдруг часто начала болеть, и с удовольствием пропускала школьные уроки. А ей от мысли, что опять придётся идти в класс, видеть невыносимого Вадима, становилось плохо. Врачи разводили руками, не находя причину болезненного состояния. Лежа в кровати, Нина желала своему врагу ... о чего только она ни желала! Рисовала картинки отмщения одна страшнее другой.

Вскоре вопрос встал о переходе Нины на домашнее обучение, чему она была несказанно рада. И тут случилось событие, вернувшее всё на круги своя. Вадим попался на краже пива из ларька, и его отправили в колонию для несовершеннолетних. Жизнь для Нины вновь заиграла яркими красками, болезни отступили. Но она ещё долго зажмуривала глаза, входя в класс и старательно отводя взгляд от парты, где недавно сидел её мучитель. После окончания школы пути-дорожки одноклассников разошлись-разбежались в разные стороны. Встречались ребята теперь иногда и на бегу. Пара вопросов — ко-

роткий ответ. Пронёсся слух, что Вадим недолго побыл на свободе, и вновь попал за решётку. Нина вида не подавала, но сообщение восприняла с какой-то тайной радостью и облегчением...

...В машине шумел кондиционер, тихо играла музыка. Закрыв глаза, Нина вспоминала картинки из школьной жизни, мелькавшие одна за другой. И вдруг Нине стало жаль своих чёрных мыслей и пожеланий в отношении Вадима, которые, как она поняла, воплотились в реальность. В памяти вдруг всплыло, что одет Вадим был хуже всех, потому как воспитывала его одна мать, работавшая дворником. Вспомнила Нина случай, когда бродячая собака попала под колёса машины, и Вадим, завернув дворняжку в куртку, на руках отнёс к ветеринару, и был избит матерью за испачканную одежду. От воспоминаний Нине стало трудно дышать...

Развернув машину, Нина медленно поехала обратно к газетному киоску. Зачем? Она не могла дать ответ на этот вопрос. Что скажет она Вадиму? Что ответит он ей? Эти вопросы казались Нине сейчас неважными. Важно, что она его увидит! Но скамейка оказалась пустой, и только старая замызганная кепочка одиноко лежала на ней.

И теперь каждую пятницу, подъезжая к газетному киоску, Нина с затаённой надеждой смотрит на скамейку в надежде увидеть Вадима. Теперь она точно знает, что обязательно подойдёт к нему и скажет: «Здравствуй, Вадим! Прости меня!»

Вера Беляева

«ПОЛОЖЕНЬЕ, СТАТУСНОСТЬ, БОГАТСТВО НЕ СМОГЛИ РАЗРУШИТЬ БАБЬЕ БРАТСТВО...»

* * *

На Руси мужик без водки
С незапамятных веков —
Каталажка без решётки
Или лирик без стихов.
Пил отец и пили дядьки,
Пережившие войну,
Муженёк был выпить хваткий,
Жил у Бахуса в плену.
За столом, понурился плечи
Либо лихо выгнув грудь,
Матерно заводят речи,
Позабыв слезу смахнуть.
Слушать их — не переслушать,
(Трезвые, они молчат!)
Видно, раненую душу
«Горькой» вылечить спешат.
Сокровенные секреты
Держат трезвые в уме,
А подвыпив, до рассвета
Словоблудят в кутерьме.
Потасовку на полслово
Могут с другом учинить,
Намутузившись до крови,
Будут дурь свою винить.
Как могло так получиться?
Пьянство — русская беда.
...Только пьяный — он проспится,
А дурак-то — никогда!

* * *

Я в друзьях своих не сомневаюсь,
Не всегда внимательна к ним — каюсь,
Но минуты счастья, бед, побед
Мы делили не один десяток лет.
Говорят, не верьте, мол, подругам,
Ведь не может женщина быть другом.
Но когда судьба меня ломала,
Каждая из них ко мне бежала.
Корвалолола каплею двадцать вдарив,
В храме помолясь, свечу поставив,
Безоглядно верили в удачу
И со мной шутили, слёзы пряча.
Прибывались разные подружки —
То «пиявки» лезли, то «лягушки».
Только жизнь всё правильно решала,
Их из окруженья исключала.
Говорят, не верьте, мол, подругам —
Норовят сожрать они друг друга,
Не даёт им спать спокойно зависть
И напакостить подруге в радость.
Только мне, похоже, вышло счастье —
Миновали нас такие страсти.
Расстоянья, долгие разлуки,
Медных труб торжественные звуки,
Положенье, статутность, богатство
Не смогли разрушить бабье братство.

* * *

Всю ночь кружила злая вьюга,
С утра запела песню вновь.
Она Есенину подруга,
А мне — сварливая свекровь.
Изба какое поколеньё
Замков не держит у ворот —
Врачует душу, исцеленье
Дарует нам от всех невзгод.
Уютно в ней на русской печке
Лежать под маминым платком...
Полати — тёплое местечко
В избе под самым потолком!..
Забыться в сладостной истоме —
Ни пить, ни есть, ни рассуждать
И целый день в ленивой дрёме
В обнимку с кошкой пролежать.
До сладкой боли жарить пятки,
Тепло родной избы вдыхать,
И не играть с душою в прятки —
Какая, право, благодать!
Забыв вчерашние тревоги,
И насладившись тишиной,
Не помяная всеу Бога,
Я в Храм отправлюсь в выходной.

В грехах покаюсь, Бог поможет,
Свою гордыню преломлю...
И по-есенински, быть может,
Лихую вьюгу полюблю.

* * *

У околицы в ветхой избёнке,
где осанист дубок под окном,
Нина с Маней — две странных
сестрёнки —
Под мамакиным жили крылом.
Бог не дал им с рождения разум,
Жили жизнь без тревог и затей,
Никого не обидев ни разу,
Под насмешки недобрых людей.
Тётя Настя — вот русская баба! —
Что поладит с огнём и конём,
Хоть была по здоровью и слабой,
Опекала их ночью и днём.
Даже в мыслях она не держала,
Чтоб отдать неразумных в приют,
И кормила их, и одевала
В то, что добрые люди дают.
А тем временем дочки выросли,
Табунились вокруг мужики,
От греха хороня, то и дело
Мать пеняла им: «Ну дураки!»
Горе мыкала Настя на свете
За какие-такие грехи?
И ушла в мир иной на рассвете,
Когда песни кричат петухи.
И рыдали сиротки, и плачем —
Общим плачем всё стало кругом...
До сих пор называют Дурачьим
Переулком, где дуб под окном.

* * *

Я давно в совпаденья не верю,
В предсказания и в чудеса.
В мир волшебный задрала двери,
Отменила полёт в небеса.
Надоела лихая неверность,
Словоблудных речей водопад,
Запоздала осенняя нежность —
Сердце стонет от горьких утрат.
За стеклом в заоконном сюжете
Снег по-мартовски рыхло лежит.
Озаряема ласковым светом,
Желтоглазо мимоза грустит.
Эта веточка скромной мимозы
Снова веру с надеждой сулит...
И дурацкие бабские слёзы
Топят сердце и точат гранит.

* * *

По тропе тенистой сказочной,
Затерявшейся в глуши,
Уголок найдёшь загадочный
По родству своей души.
Лепотой нерукотворною
Залюбуешься-замрёшь.....
Неожиданно покорная,
В воду манкую зайдёшь.
На закате гладь зеркальную
Не нарушишь, сбережёшь
И русалочкой печальнойю
В то синь-озеро войдёшь.

* * *

Подружилась с Интернетом.
Из давно минувших дней
Часто смайлики-приветы
Получаю от друзей.

С виду вроде симпатичный
Представительный мужик
Уверяет, что нас лично
Познакомил Геленджик.
На югах я отдыхала
Сорок лет тому назад,
Мужика я не узнала—
Незнаком на первый взгляд.
Попросил меня о встрече,
(Был галантен и учтив)
Провести в беседе вечер
Под лирический мотив.
Он приехал на машине—
Не машина, а вагон.
И цена у лимузина
Не один, поди, «лимон».
В ресторане под сурдинку
Он такое выдавал!..
Всё просил сыграть «Калинку»
И вприсядку танцевал.
Я забыла про диету,
Много ль проку от диет?
Ем по-киевски котлету,
Уминаю винигрет.
Так жую — дрожат серёжки! —
И жульен, и балычок,
Ем икру десертной ложкой..
Он — всё больше коньячок..
Ухажор мой так набрался,
Что был в шоке сам бармен.
Но за ужин рассчитался,
Поступил как джентльмен.
Загрузила еле-еле
Ухажёра я в такси..
Если б плотно не поела..
Не хватило б дамских сил!

* * *

Из уютной комнаты с коврами,
С горкою, набитой хрусталём,

Упорхнула в сотканный ветрами
Твой радушный беззаботный дом.
С малолетства помнилось: для милых
Рай возможен даже в шалаше...
Я не из пугливых и ленивых,
Но неладно как-то на душе.
Дом весёлый, только мне в нём
грустно.

В доме этом соловьём ты пел.
В пустозвонстве о делах насущных
Думать не хотел и не умел.
И надежд доверчивых девичьих
Вовсе не ценил, не понимал,
Об устоях перелётных птичьих
Мне сладкоголоса напевал.
Я готова комнату с коврами,
С горкою, набитой хрусталём,
На шалаш сменить под небесами,
Лишь бы счастье поселилось в нём.

Александр Чулков

«ДАВАЙ СОЛЬЁМСЯ В ВИХРЕ ВАЛЬСА...»

* * *

Не пара мы... Какая жалость!
 В твоей судьбе я лишь прохожий,
 И на кого-то не похожий,
 Кого со мной забыть пыталась.
 Ты строишь планы, но напрасно,
 С другими не находишь счастья.
 Но от меня не жди участия,
 Хотя я утешитель классный!

* * *

Давай сольёмся в вихре вальса.
 Чтоб только ты и только я.
 Пускай вокруг танцуют сальсу,
 Офонарившие друзья.
 Пусть мы с тобой не знамениты,
 И замер зал, и свет погас...
 Но ввысь уносят эти ритмы
 Влюблённых и крылатых нас...

* * *

Пьяный полночный угар.
 Мысли на автопилоте.
 Блеск ослепляющих фар,
 Чувства в похмельном полёте.
 Светит призывно кабак,
 Где ожидают подружки...
 Я зажигать не дурак!
 Если подраться — не струшу.
 С тобою ещё не знаком.
 Гуляю, пока гуляется,
 Пускай я пропах коньяком,
 Но я ловелас, не пьяница!

* * *

А ведь, может, в этот самый вечер
 Ты нашла с другим себе покой...
 И другой твои родные плечи
 Обнимает властной рукой.
 Если так, желаю вам удачи!
 Только, ради Бога, не звони!..
 Пусть моя душа безмолвно плачет,
 Вспоминая прожитые дни

* * *

Я таю, словно в марте лёд,
 Шумлю, как ранний ледоход.
 Я, словно дождик, рассыпаюсь,
 Туманом грустным испаряюсь.
 Я ветром занавески рву
 В твоём окошке поутру...
 Но я всегда-всегда с тобой,
 Как дождь, как ветер, как любовь.

* * *

Через моря и океаны
 Навстречу сильным ураганам
 Уверенно корабль веду,
 Чтобы найти свою звезду.

Я за красавицу пиратку
 Хоть с чёртом поиграю в прятки
 Под ноги ей швырну букет
 А в руки суну пистолет.
 И, океаном венчан с ней,
 Уйду за тридевять морей.

* * *

Две чашки кофе на двоих в уютном ресторане!
 Пора, пора поговорить о нашем расставанье.
 Пора, пора, но не готов расстаться я с тобою.
 Хотя барьер обидных слов не станет вновь любовью.
 Молчанье слушаю твоё, оно красноречиво.
 Есть опасенье — без тебя не буду я счастливым.
 Две чашки кофе на столе давным-давно остыли!
 Мы наше чувство не в вине, а в кофе утопили!

Илья Павлов

«РОЩА ПЫШНАЯ СМОТРИТ МОЛОДО...»

Цугульский дацан

У границ с Манчжурией

Песчаные мёртвые сопки,
Холодное небо, как лёд.
Ни звука, ни дома, ни тропки,
И мгlistый вдали горизонт.
Порою кочевника юрта —
Судьбой околдованный страж —
Всплывает таинственно утром,
Как будто в пустыне мираж.
И кажется: ты на планете
Далёкой-далёкой, иной.
Где солнце безжизненно светит,
И воздух висит неземной.
От чувств — одинок и заброшен —
В висках, как молитва, трезвон.
И дом твой маячит в пороше,
Похож на придуманный сон.

Роща

Под моим окном в центре города
Роща пышная смотрит молодо.
Приютила птиц в лето красное.
Гнёзда сделаны первоклассные.
В зиму лютую стужа льдинница.
Роща птицам вновь, как гостиница.
Номера для всех, что квартирные.
И покой всегда гарантирован.
Птицы с вечера собираются.
Долго новости обсуждаются.
Утром снова гвалт, чуть заря взойшла —
Сны красивые рассказать спешат.
Роща пышная смотрит молодо
Под моим окном в центре города.

Отец

Он жил, где Питер. Домик тесный.
Махнул в Сибирь да поскорей.
Там жизнь, рассказывают, с блеском,
Лесов в достатке и полей.
Сибирь — простор земного рая.
Лесов нетронутых, полей
Никем не паханных, играют
Трубя с рассветом журавлей.
Отец построил дом добротный,
Скота развёл, ночей не спал.
Давала пашня обороты,
Зерно, что дорогой кристалл.
Была столица полем брани.
Скатилась власть, как снега ком.
Вдруг у отца всё отобрали
И объявили кулаком.
Что было нажито — отняли.
Хозяйство всё идёт на слом.
Спасибо, что не расстреляли,
Другим отцам не повезло.
В другой деревне на усадьбу
Купил и перевёз он хлев.
Приладил сени, не в досаде:
И спальня, и амбар под хлеб.
Да только нет земли под пашню,
И лошадей бывалых нет.
Он огород лопатой пашет,
И тот урезал сельсовет.
Ах, беспокоит поясница
И в голове нелепый шум.
Не оттого ль, что детство снится?
Не оттого ль, что много дум?
Отец скончался. Заказали
Широкий гроб во всю длину.
Земли отмерили, сказали:
— Пожалуй, хватит тут ему!
Отец, теперь не одурачат:
Надел с крестом — последний твой.
Уж тут тебя не раскулачат
И не отнимут дом с землёй.
Слезилась тучи, проплывая
Над небольшим в венках бугром.
И открывались входы рая —
Салютовал степенно гром.

* * *

В лесопосадке из берёз
Живёт семейство лосей.
Красавцев встретить довелось —
Спокоен вид и грозен.
Лосиха мужу вновь мораль:
— Пора женить сыночка.
Опять домой придёт едва ль
Уже вторую ночьку.

— В лесу соседнем есть одна,
Приметила я нынче,
Ему хорошая жена
Порядочных привычек.
— Да, да, пора, — ворчал отец,
Ему оставить шалость.
Пора, пора семью иметь,
Да внучку нам на старость.
А сын, лосёнок о трёх лет,
В густом лесу поодаль
Резвится, равных ему нет,
Не отстаёт от моды.
Махнул на дачу, что есть сил,
Через забор спортсменом.
Травы поел, воды попил.
Уснул... Устал, наверно.
Заспался лось. Пришёл народ:
— Лось! Лось! — гуртом кричали.
К чему народ вовсю орёт,
Как будто одичали.
Через забор, через другой,
Испуганный, дрожащий,
Летит могучий лось легко
Через дорогу в щазу.
Случилось, спозаранку ЗИЛ
Куда-то мчался живо.
И лосю ногу подкосил —
Висит на сухожилье.
Лось мощной грудью в лес упал.
Вскочил — бежать и — грохнул.
Опять вскочил, нетвёрдо встал...
В округе лес заохал.
...Лосиха мужу:
— Вот придёт,
Поговори построже...
Скажи ему — невеста ждёт,
Послушается может...
Лосёнок ростом метра два.
Лоснится шерсть на солнце.
Прилёт. Людей вокруг толпа,
Печаль словами льётся.
Нагрязнул вдруг поток машин,
И егерей, и прочих.
И главный, видимо, решил:
У лося боль — нет мочи.
Прикинул, не промазать чтоб,
И меткий выстрел грохнул.
Впилая пуля точно в лоб,
И лес ещё раз охнул.
Лосиха мужу:
— В дальний лес
Сходил бы... Я-то знаю:
Там сочных трав не перечесать,
Наверно, там гуляет...

Пётр Злобин

«СМЕХ ИЗ ДЕТСКОЙ – НАША НАГРАДА...»

* * *

Я мечтаю сейчас о снеге,
 Чтоб в сугробах валяться с тобою.
 Словно в море — купаться в неге,
 О простом я мечтаю порою...
 А на сердце опять тревога,
 Снегирей бы увидеть зимою,
 В жизни нужно совсем немного —
 Только рядом была б ты со мною.
 А ещё хочу шоколада...
 Где же снег, что за шутки природы?
 Смех из детской — наша награда,
 Нам двоим за счастливые годы.
 Заведём мы собаку-хаски,
 Дом построим своими руками.
 Разведём волшебные краски
 И пойдём за своими мечтами...

* * *

Вы мне необходимы, как вода.
 Вы мне нужны, как чистый воздух
 лёгким.
 Стихи мои прочтёте иногда —
 В стихах своих я перестал быть
 робким.
 Пленив меня однажды красотой,
 Ушли из Вами созданного рая,
 Да проза жизни может быть
 простой —
 Напрасно ждал Вас в середине мая.
 Под звук грозы и песню соловья,
 Когда в разливе полноводном Волга,
 Вы в этот рай вернётесь, ну а я?
 Я целовать Вас буду долго-долго!

* * *

Ты скажи мне, девушка,
 В чём моя вина?
 Что моя головушка
 От тебя пьяна...
 Ты ответь, любимая,
 На вопрос простой,
 Не спеши-ка, милая,
 Осуждать, постой!
 Чувство безответное
 Наспех не губи.
 И прости, заветная,
 Грех моей любви

* * *

Я музыку ветра в стихи заплетаю.
 Такие простые живые мотивы.
 Какие штрихи добавлять, я не знаю.
 Подчас так забавны стихов
 перспективы.
 Добавить ли ноту волшебного
 счастья,
 А так же биение жаркого сердца,
 Чтоб музыка прочь отгоняла
 ненастья,
 Чтоб рифмами жить и созвучьями
 греться?..
 Добавить в строку соловьиное пенье,
 Природы родимой заветные звуки.
 Добавить стихам тишины и цветенья,
 Ведь пишут поэты стихи не от скуки.
 Я музыку ветра впускаю в оконце,
 Душою смакуя заветные строчки.
 Уж так в этом мире от Бога ведётся...
 А я записал это всё на листочке...

* * *

Мечта одна неодолимая,
 Мне не даёт спокойно жить.
 Она во сне лишь достижимая,
 Ведь там могу я с Вами быть!
 Мне снится Вы, моя любимая,
 Я вижу Вас, как наяву.
 Вы улыбаетесь, счастливая,
 Когда я Вас к себе прижму.
 В глаза смотрю твои прекрасные,
 (Во сне перехожу на «ты».)
 Но для меня они опасные,
 Почти смертельные мечты.
 Простите мне мечты невинные...
 Я слышу вновь Ваш чудный смех,
 Когда б любовь была взаимною,
 Мы были бы счастливей всех!
 Сынок подросток... Твоя же копия,

И дочка копия твоя!
 Что жизни прожитой история?
 Когда б любили Вы меня!
 Святая, нежная и милая —
 Я не устану повторять,
 Вы потому моя любимая,
 Что я могу Вас вечность ждать!

* * *

Не могу ни забыть, ни забыться...
 Вспоминается случай зимой.
 На плечо приземлилась синица,
 В час, когда распростился с мечтой.
 Что синица сказать мне хотела,
 Напевая всерьёз или шутя?
 Что с плеча щебетала несмело,
 Когда я онемел, как дитя?
 Не сказала досужая птица,
 Почему я опять одинок...
 И мечтой не дано насладиться,
 И мечта эта, в общем, не впрок.
 Улетела синица на небо,
 Мне явив журавлиную прыть.
 Жаль, что не было крошечки хлеба,
 Чтоб немного её угостить.
 Но я верю в заветную встречу,
 Что однажды на полном лету
 Мне мечта приземлится на плечи...
 И с надеждой смотрю в высоту.

* * *

Ну что ж, опять идёт атака,
 Вновь атакуют народ...
 Как озверевшая собака,
 На Русь оскалился весь сброд.
 Похоже, с памятью проблемы
 У Вас по жизни, господа.
 Не поменяли Вы системы —
 Вредить Руси во все года.
 Хотите русским править балом,
 Да только, видно, невдомёк,
 Что не купить Россию налом,
 Да и война — не ваш конёк.
 Святая Русь стоит веками,
 Назло враждебным племенам
 Мы молвим русскими словами,
 На землях предках, данных нам.
 Немало страшных испытаний
 Тебе пройти придётся, Русь!..
 Но сколько ни было б страданий,
 Я русским был и остаюсь!

Лилия Егорова

«РАЗОЖГУ ОДУВАНЧИКИ В ТРАВАХ...»

* * *

В мартовском поле заброшены сани.
Солнышко греет земли наготу,
Травы весенние цветом помянут —
Девочки тут же веночки сплетут...
И забушуют окрестные рощи,
Птицы засвищут, влюблённые

в жизнь.

Дождик прольётся, сирени заропщут
И заискрятся небес витражи.
В ярости света — природы знаменье
Светосплетенье небес и времён —
Визги стрижей, соловьиное пенье
И вдохновенье любимых имён.
Всё повторяется неповторимо!
Каждый апрель — он по-новому нов,
Вёсны проносятся неуловимо
В переплетенье грядущих веков...

* * *

Свою одинокую розу
Влюблённый воспел соловей...
Увы, это всё несерьёзно
Как сказки для малых детей.
Шиповник — вот это реальной.
Прибежище певчих пород.
Но песни любви музыкальной
Не знал человеческий род.
Пусть песни влюблённых всечасно
Тревожат высокий зенит...
Кто там окрылённо и страстно
О розе любимой звенит?..

* * *

Под мерный шорох снегопада
Зима приходит в города,
Как белоснежная награда
За дни нелёгкого труда.
Приходит, чтоб кататься с горки,
Чтоб бабу снежную слепить,
Чтобы синичек на задворках
Кусочком сала одарить.
Мечтанья остужая снегом,
Она сулит нам Новый Год,
Давая время для разбега
И для движения вперёд.
Она шуршит по отчей крыше,
И, ожидания полна,
За облаками еле дышит
Чуть утомлённая Луна.

* * *

Полёт одинокой снежинки —
Вот утро — твоё и моё...
Скрипят под колёсами льдинки
И будят времён забытё.
И мгlistое утро нехстати
Растерянно в окна глядит.
И тысячи наших апатий,
Увы, неприглядны на вид.
Что с годом прошедшим считатьсь,
Вести неудачам подсчёт,
Надеяться, плакать, ругаться,
Коль сердце заковано в лёд?
Оно, трепетавшее часто,
Покорно жестокой судьбе...
По-детски мечтает о счастье
И плачет во мне и в тебе...

* * *

Ковёр степной травы
И запахи полыни...
Здесь ночью ветер выл,
Под утро —
выпал иней...

Неровная заря
Над миром разольётся,
Покорно отгорят
Лучи шального солнца.
Трава всплакнёт росой...
Ещё чуток и — осень,
Озябшей полосой
На чутокм небе
просинь...

Колосья ковыля —
И те к земле прибились,
И август отгулял,
И лето отоснилось.

Поникший лист с берёз,
Скрипя, в бурьян метнётся...
И свет осенних слёз
Под ноги нам прольётся.

* * *

Старые парки и гомон синичий,
Мечутся птицы, не зная приличий,
Предвосхищая весны чистоту,
Вновь из-под снега фиалки цветут.
Взгляд заморожен нежданною вестью.
Снег и фиалки! Ну как они вместе?
И февраля ледяное стекло
Солнечный луч прожигает назло...
Призраки вёсен, сулящие лето...
Вновь растревожено сердце поэта!

* * *

Нарисую весну! Нарисую!
Разожгу одуванчики в травах!
Нарисую тропинку лесную,
Что меж сосен петляет лукаво.
Пусть тропинка не станет дорогой,
Что навеки уводит от дома.
Оглашая гортанно отроги
Птицы мечутся в небе знакомо.
Нарисую поля и озёра
Чудо-краской весенней и звонкой.
И вдали — Жигулёвские горы —
Украшенье самарской сторонки.
Нарисую апрели в каплях
И в пернатых восторженных трелях,
...А ещё я весну нарисую —
Словно девочку в поле босую.

Неля Христовова

ПРИДОРОЖНАЯ ТРАВА

Крещение

В большой комнате много людей, громкий детский плач. Стою на высокой лавке, меня раздевают. Куда-то понесли и принялись меня окунать в воду с головой. Раз окунули, второй раз — в голове пронеслось: «Хотят утопить!». Очень сильно испугалась и крепко вцепилась обидчику в борду. Оказалось, что это батюшка! Меня крестят. Мы в храме. В ту пору мне было три года.

Рыбалка

Повадилась моя сестра с подругой на рыбалке пропадать целыми днями, ну и я «шнурком» за ними. Даже помогала как-то: у сестры с крючка сорвалась рыбёшка, она от неожиданности кинулась за ней в воду, ну а я следом помогать. Побарахтались в воде и вылезли на берег ни с чем. Решила свою удочку смастерить. Посмотрела на их хозяйство — ничего особенного — палка, верёвка, крючок. Дома занялась делом, раздобыла верёвку, а крючок крепким оказался — тройным. Залезла на обжитое мною место — крышу сарая, там и стала всё прилаживать. К палке крепко привязала верёвку, к верёвке крепко-крепко привязала тройной крючок. Теперь надо определить длину верёвки, т.е. «удочки». А в это время, пока на крыше я занималась своими делами, мама насыпала курам зерна, покормить их. Определила длину своей самодельной удочки, стала тянуть вверх, но не тут-то было, не тянется! Куры кудахчут, мама стучит в окно, а на моей удочке висит... курочка. «Вот отчего не могла поднять свою «удочку» — пронеслось в голове, и опрометью скатилась с крыши, убежала, домой пришла только к вечеру. На ужин был суп куриный. Это была моя первая и последняя рыбалка.

сто — крышу сарая, там и стала всё прилаживать. К палке крепко привязала верёвку, к верёвке крепко-крепко привязала тройной крючок. Теперь надо определить длину верёвки, т.е. «удочки». А в это время, пока на крыше я занималась своими делами, мама насыпала курам зерна, покормить их. Определила длину своей самодельной удочки, стала тянуть вверх, но не тут-то было, не тянется! Куры кудахчут, мама стучит в окно, а на моей удочке висит... курочка. «Вот отчего не могла поднять свою «удочку» — пронеслось в голове, и опрометью скатилась с крыши, убежала, домой пришла только к вечеру. На ужин был суп куриный. Это была моя первая и последняя рыбалка.

Подарок

Лето выдалось особенным — меня записали в школу. О радостном событии я сообщила всем своим близким, а родной дед Афанасий пообещал мне к школе купить подарок. Я уже представляла, какой это подарок — большая синяя коробка, а в ней много разных карандашей и красивый цветной букварь. У ребятни летом много своих забот — погонять мяч, на речку сбегать искупаться, но и родителям помогали по мере своих сил — воды натаскать для полива огорода или в лес сходить за желудями для хрюшек. Захворал дедушка, наши родители пригласили деда пожить у нас, так как дом кирпичный и летом прохладно. Деду Афанасию нравилось подолгу стоять у большого окна на кухне и смотреть, как садится солнце за лес.

Красиво! Глаз не оторвать, кажется, как будто солнце спит на верхушках деревьев. Так и любимеся вдвоём на заход солнца — стар да мал! Незаметно лето подобралось к августу месяцу. Яблочный Спас, деда не стало в этот праздник. Во дворе, в избе — везде народ собрался. Ничего не понимая, села во дворе, не видя ничего, обхватила голову руками, громко разрыдалась, приговаривая: «Дедушка, дедушка, зачем же ты умер? Купил бы подарок, а потом умер...».

Людмила Корсунова

«Я В ЭТУ ОСЕНЬ БОЛЬШЕ НЕ ВЕРНУСЬ...»

* * *

Обо всём, что было, есть и будет,
 Временем слагается роман.
 Утекают праздники и будни
 Непрестанно в память-океан.
 Может невозможное случиться,
 Может, грустным будет эпилог...
 Милый, помоги найти страницу
 наших пересёкшихся дорог!
 Вышивался золотою нитью
 Дней счастливых незабвенный год.
 И сиял узорчатой финифтью
 Нам с тобою звёздный небосвод.
 Эхо песни соловьиной сладкой
 Отзывалось шёпотом «люблю»...
 И моей счастливою догадкой,
 Что пьянила, словно во хмелю.
 Пусть годами неумолчно длится
 Эхо нерастроченной любви.
 ... Милый, помоги найти страницу —
 Ту, где мы друг друга обрели.

* * *

Эту ночь провела я без сна,
 Непонятно, где быть, а где небыль...
 Вдруг в окно постучалась весна
 Предпасхальною веткою вербы.
 Вдруг дохнула земляца теплом,
 Предвкушая осеннюю спелость.
 Снег в немилости и — поделом!
 Солнцем сердце моё отогрелось.
 Вновь весна обживает зенит
 В пику холоду — злему сутяге.
 И ручей неумолчно звенит
 И трезвонит о чём-то в овраге.
 И на солнышке вешнем сомлел
 Даже мохом покрывшийся камень.

Первоцвет на лугу осмелел,
 На пригорке пушась лепестками.
 Солнце гонит по зябкой крови
 Токи тёплые в замкнутом круге.
 Мне с весной — подругой любви —
 Есть что вспомнить, грустя
 на досуге...

* * *

Дорогое неспешное счастье
 Навестило меня, словно тень,
 Не сказало «прощай»
 или «здравствуй»,
 Растворилось в траве-одолене.
 Солнце вьёт золотистые нити,
 Резвый ветер пустился в намёт.
 Может, он моё счастье увидит
 И, окликнув, назад позовёт.
 Я в краю отоцавших полениц
 Что-то счастья не вижу в упор.
 Разожгу средь берёз-исповедниц
 Давней памяти дивный костёр.
 Может, счастье вернётся согреться,
 И у нас погостит до утра?..
 Никуда нам от счастья не деться —
 Нынче, завтра и даже вчера.

* * *

Я в эту осень больше не вернусь,
 Запомню каждый миг неповторимый,
 Дождя и листопада жалость-грусть
 Овладевала мной неотвратимо.
 Дождусь ли новой осени, как знать?
 Но этой восхищаюсь беспредельно!
 И вновь от листьев взгляд не оторвать,
 Что кружатся за окнами метельно.
 Метелью листопадной пронеслась,
 Моя любовь, беспечна и крылата...
 И если в чём-то жизнь не удалась,
 То в этом я ничуть не виновата.

* * *

*Памяти Прасковьи Володичкиной,
 матери девятерых,
 не вернувшихся с войны, сыновей*

Вновь посланцы военной были
 Растревожат мирные сны...
 Девять пар журавлиных крыльев
 Нам доносят дыханье войны.
 Девять душ, все сыночки любви,
 Мать вскормила грудью своей.
 ... Обречённо шептали губы
 Имена дорогих сыновей.
 Опалённый смертельною вестью,
 Стон летит в поднебесную высь,
 Словно птицы с последнею песней
 Унесли и надежду на жизнь.

Их высокий полёт неподсуден
 На просторах родимой земли.
 Неслучайно их добрые люди
 Именами бойцов нарекли.
 Солнце утром лучами брызнет,
 Присягая мирной весне...
 Мать растила сынов для жизни,
 Отдала их проклятой войне.
 Где сражения — там могилы,
 Что травой-муравой проросли...
 Сыновья возвратились к милой,
 Каждой пядью знакомой, земли.
 Не солдатами в плащ-палатках
 Возвратились с далёких чужбин —
 Прилетел из смертельной схватки
 Журавлей опечаленный клин,
 Чтоб успеть поклониться маме —
 Самой лучшей из всех матерей.
 ...Журавлями застыли в камне
 Девять лучших её сыновей.

* * *

Как прозрачны и призрачны мысли!..
 А виной всему — снегопад.
 И снежинки — посланницы выси
 Остудили душевный разлад.
 Поутихли шальные метели.
 Тишина... Зимних грёз колдовство...
 И ложится на грустные ели
 Белопенных снегов волшебство.
 Снеговые чудо-качели
 Не дадут утонуть во мгле.
 Пусть от туч небеса помрачнели,
 Но зато — светлый праздник земле!
 Но и в сказках бывают заминки:
 Слышу скрип деревянных лопат.
 Хмурый дворник чистит тропинки,
 Втихомолку браня снегопад...

* * *

Подруга осень, не спеши,
 Пусть длится время листопада!
 Моей печали разреши
 Побывать с тобой, нарядной, рядом.
 И таинством прощальных чар
 Дай мне припомнить всё, что было.
 Любви лирический пожар
 Весна со мною разделила.
 Пусть невозвратна череда
 Дней, что сродни цветенью мая...
 И осень жизни иногда
 Такой счастливою бывает.
 Подруга-осень, позови
 Побывать с тобой сегодня рядом...
 Печаль, достойная любви,
 Горит последним листопадом.

Здесь имена на обелиске —
 Войны тревожная межа.
 Нет неизвестных в этом списке,
 Здесь все известные лежат.
 Но есть места, где в гари чёрной
 Без караулов и знамён
 Солдаты спят под слоем дёрна
 И мы не знаем их имён.

Знамён приспущены полотна...
 У стен столичного кремля
 Лежит солдат в тиши дремотной
 Под чашей Вечного Огня.
 Скорбь о сыне, павшем честно,
 По праву здесь любая мать
 Вольна в солдате неизвестном
 Свою кровинушку признать.

Её слезами на граните
 Сыновье имя запеклось.
 Таких имён несметно вбито
 На камни скорбью женских слёз.
 Война, война... В победных всплесках
 Полощет май знамённый шёлк.
 Солдат пропавших и известных
 Объединил Бессмертный полк.

Александр Мишарин

«Я УШЁЛ В РАССВЕТ, СУДЬБУ ПЫТАЯ...»

* * *

Целовались звёзды над луною,
 Золотым мерцанием сияя.
 Я сидел над тихой волною,
 Ничего в любви не понимая.
 Слёзы так похожи на алмазы,
 Пусть из глаз алмазный дождик
 льётся...

А в костре горят пустые фразы,
 Что любовь ушла и не вернётся.
 Пусть луна смеётся золотая,
 Мне бросая поцелуй воздушный...
 Я ушёл в рассвет, судьбу пытая...
 Никого, любимая, не слушай!

* * *

Однажды я, наверно, утону
 В своих сомненьях
 и воспоминаньях...
 И буду помнить лишь тебя одну
 В далёких и угаснувших желаньях.
 Холодный ветер навсегда унёс
 Всё то, что чувства хрупкие питало.
 А ведь мы были влюблены всерьёз —
 Но этого для счастья слишком мало!
 Зарницей полыхнув в моей судьбе,

Ты улетела далеко-далече.
 Ребёнком плачет память о тебе,
 Хотя и не надеется на встречу.

* * *

Целовались кроны на закате.
 В синей речке солнышко купалось.
 Изумрудным хвастаясь нарядом,
 Верба с юным тополем встречалась.
 Эта верба — верба-королева! —
 Украшает милую сторонку...
 И щемило сладко-сладко слева,
 И вороны каркали вдогонку.
 Радужной подковою на синем
 Озарялось небо за рекою.
 Спи спокойно, милая Россия,
 Никогда не знавшая покоя!

* * *

Загрустила осень за окном.
 Золотой волною заиграла.
 Небо шаловливым ветерком
 Слёзных луж глаза расцеловало.
 Заалел молоденький рассвет,
 Золото расцветившая алым.
 — Здравствуй, осень! Вот тебе букет!
 Что, небось, никак не ожидала?..

* * *

Я ветер!.. я ветер!..
 Я выдохнул снова
 Моё — в мир летящее —
 Звонкое слово.
 Сшибаю мосты я.
 И крыши вздымаю.
 Я ветер!.. я ветер!..
 Преграды не знаю!..
 Запомните, люди!
 И детям скажите:
 — Вы с ветром... вы с
 ветром...
 Летящим дружите!
 Я ветер!.. Я в небо —
 Вам двери открою!
 Когда воспарите —
 Над этой землёю...

* * *

Имя Господне — Свет.
 Свято светлы небеса.
 Я не любил Бога — нет.
 Я полюбил Бога — да.
 Кровью омыт путь —
 Любви, восшедшей на Крест.
 Будь со мной, Боже, будь,
 Имя Твоё благовест!
 Спасение — Божий свет.
 Неверие — вот беда.
 Я не любил Бога — нет.
 Я полюбил навсегда.

* * *

Даль ты моя золотая.
 Глупому сердцу неймётся.
 Пусть, в небеса улетая,
 Крик мой дождями прольётся..
 Кормится далью и ширью
 Алое пламя заката...
 И воплощается былью
 Сказка, что счастьем крылата...

Тамара Сакс

«ЗАМЕРЗАЯ АЛМАЗАМИ СЛЁЗ...»

* * *

Серебрится по оврагу
Сладкозвучный ручеек...
Я, вкусив живую влагу,
Обживаю бережок.
Всем нужна его водица,
Родниковая вода.
Путники идут напиться
Той водицы навсегда
Ручеек, конечно, знает —
Не напрасно он течёт.
Хоть Россия и большая,
Ручейков наперечёт!

* * *

Богородица-Мати народная,
Припадаю с поклоном к тебе.
Ведь извечно молитва покорная
Не подвластна злодейке-судьбе.
Богородица Скоропослушница,
Почему так печален твой взгляд?
За Россию одна ты заступница,
Наш народ пред тобой виноват.

Богородица-Мати Всевышнего
Обо всех наших знаешь скорбях.
Слишком часто просили мы лишнего,
Утопая в случайных словах.

* * *

Вьюга нам о любви напевает,
Хоть поёт о любви с холодком.
Нам с тобой холода не мешают,
Проживаем рядком да ладком.
Слишком долго тебя поджидала
На холодном и зябком ветру.
Как девчонка, о встрече гадала —
Свечи жгла в Рождество, ввечеру.
Я замёрзла, но жду и надеюсь,
Ты войдёшь, словно солнышко, в дом.
Тихий снег укрывает деревья.
Заметает деревья кругом.
Но пока только вьюга целует
Мне и щёки, и губы, и нос...
Лишь морозец лютует-милует,
Замерзая алмазами слёз

Евгения Вахонина

«КАК ТЫ С РУССКОЙ БАБОЙ СОВЛАДАТЬ НЕ СМОГ?..»

* * *

Ты моим никогда не станешь...
Не устелешь постель цветами,
Не согреешь зимой ночами,
Как печально, как все печально...

Я когда-то с надеждой глядела -
Не заглядывала! — в глаза,
И такое в тебе узрела —
Что в глазах затаилась слеза...
Не встречать нам с тобою рассветы,
Не вдыхать аромат зимы,
Как ты? С кем ты? Зачем ты? Где ты?
Почему не приходишь в сны?
Не слились наши души вместе,
И не стали обе — одной,
Я останусь твоей невестой,
Но не быть мне твоей женой.
Милый, ветренный мой, жестокий,
Как морозы в разгар зимы,
Долгожданного счастья сроки
Навсегда упустили мы.
Как печально, как все печально...
Я надену рубаху до пят,
Вспоминая тебя ночами
В наш июльский лечу звездопад.

* * *

Разобью тарелку — эх, лети, душа!
Песня — не безделка, если хороша!
Я притопну ножкой, изгибая бровь,
По столешне — ложкой,
ты не прекословь!

Ты пошто обидел? Ну-ка, руки в бок,
Нет, не удерешь ты, двери на замок.
Я ли не отрада? Нравом — кипятилок,
Как ты с русской бабой совладать

не смог?

Про какой-такой ты говоришь гарем,
Если сам попался навсегда мне в плен?
Избы пламенеют, кони скачут прочь...
Голову мне, милый, даром не морочь!
Сам мне навязался!

Так что — привыкай

Привыкай-ка кушать щи да каравай!
Коли не по нраву русская жена,
То гуляй на славу, справлюсь и одна!
Не впервой мне в жизни детушек

растить,

И судьбы стремнину махом покорить.

* * *

А на улице — лето играет
И флиртует, бликуя огнями.
Дни до отпуска резво считает,
И подол мой полощет, как знамя.
И, тоскуя о нашем прошедшем,
я, как юность, тебя вспоминаю
Сумасбродным и сумасшедшим,
Как сирень в ослепительном мае.

НОВОКУЙБЫШЕВСК ЛИТЕРАТУРНЫЙ

КАК ЖИВЁШЬ ТЫ, «ОТЧИЙ ДОМ»?

Эта строка из известной песни в исполнении Софии Ротару стала прологом презентации 6-го номера альманаха «Отчий Дом» в малом зале Дворца культуры г.Новокуйбышевска. Переполненный почитателями поэзии зал — отличный подарок творческому активу народного литобъединения «Отчий Дом». Дружными аплодисментами встречает публика прославленный вокальный коллектив «Аура» с кантатой на стихи известного поэта, секретаря Союза писателей России Евгения Семичева о малой родине. Кантату сменяет песня на стихи всеми нами любимой Дианы Кан в исполнении не менее нами любимой Ольги Полухиной. Затем — приветственное слово зам. руководителя департамента культуры города Новокуйбышевск.

И наш город, и читатели за его пределами знают отчедомовцев по многочисленным выступлениям, ценят неустанную работу коллектива, его вклад в культурный потенциал города. Отрадно видеть нового молодого руководителя одного из старейших литобъединений Самарского региона. Наверное, двадцатилетняя кандидат в члены Союза писателей России и автор двух книг, вышедших в Самаре и Санкт-Петербурге, Анастасия Устинова едва ли не самый молодой руководитель литобъединения в стране. Обновление традиций — вот что всегда надо творческому коллективу.

2015 год был годом литературы... Справились ли отчедомовцы с основной задачей литературы и её миссией — нести свет людям? Думаю, что мы на своём месте делали всё, что могли. Как не раз отмечала Диана Кан, борьба с темнотой, окутавшей Россию, заключается отнюдь не в борьбе с тьмой, а в том, чтобы давать больше света, и тогда мрак сам рассеется.

Не могу не отметить лёгкость доведения слова до сердца людского через песню, ибо именно песня надолго запоминается русскому человеку и идёт рядом всю жизнь. И надо отдать должное Ольге Полухиной, кандидату в члены Союза писателей России и координатору «Отчего Дома». Она — автор слов, музыки и сама же прекрасный исполнитель. Не менее прекрасным исполнителем является Светлана Самарина, требовательно от-

носящаяся к своему репертуару и работающая в паре с замечательной поэтессой Валентиной Соколовой. С особой любовью приняли зрители блистательную Магдалину Князеву, исполнителя и автора музыки. Она буквально заражает публику своей энергией и приглашает к исполнению весь зал.

Мы — поэты русской глубинки и вправе этим статусом гордиться. Именно из русской глубинки вышли все наши великие классики: Есенин, Шолохов, Шукшин, Рубцов и многие другие. Вслушиваясь в стихи отчедомовцев, задумываешься и понимаешь тайну личности художника, скрытого от поверхностного взгляда. Авторы — люди разных профессий и возрастов, но всех их связывает одно увлечение, одна любовь — поэзия! Поэзия, зовущая к лучшему, чистому, светлому. А в зал пришли настоящие ценители поэзии. Подарком публике стало также выступление поэтического десанта из Самары во главе с поэтессой, кандидатом в члены Союза писателей России Надеждой Блинковой. Отрадно, что коллектив семинара РКЦ Прогресс — Надежда Ланина, Вера Семёнова, Вера Назарова, Тагир Калимулин и другие поэты — уже по факту влился в наш коллектив и пополнил ряды отчедомовцев. Такое прибавление в нашем семействе не может не радовать!

Мне трудно выделить кого-то одного из моих коллег по «Отчему Дому». Каждый из них мне чем-то близок и дорог. Александр Мишарин, Наталья Мельникова и Неля Христосова не устают удивлять своей православной активной жизненной позицией. Стихи Ольги Полухиной и Валентины Соколовой настолько песенны, что словно песнями и рождены. Не так давно пришедшая в наш коллектив Тамара Сакс больше тяготеет к народности в стихах. Наш нынешний руководитель Анастасия Устинова, поэты Александр Чулков, Леонид Котов и Пётр Злобин — это уже новое поэтическое поколение со своим взглядом на мир, взглядом, за которым будущее. Андрей Иванов и его дочь Виктория Иванова — это преемственность литературных поколений в рамках одной семьи, как впрочем и Вера Беляева и её внук Леонид Котов. Лилию Николаевну Егорову можно с полным пра-

вом назвать исповедницей русской природы. Про Ивана Бардина, пожалуй, одного из лучших современных детских поэтов России, можно сказать, что любое своё выступление он делает маленьким спектаклем, интересным

и взрослой публике, и, конечно, детям. ...О каждом можно говорить долго и интересно, но лучше это делать в формате индивидуальных творческих вечеров и бенефисов, которые тоже проводят наши авторы.

Но особо хочу отметить стихи Надежды Забараускас. Они об отчем доме, о скромном и одновременно великом мире русского человека под русским небом. Стихи Надежды Забараускас близки русскому человеку своим оптимизмом. Грянул гром, затоплен дождём огород — как тут не расстроиться?.. Но нашей Надежде не надо никакой Венеции, она свой огород называет венецианским и лукаво улыбается небесам... Жаль, что хорошее заканчивается так быстро... Ведущие презентации объявили:

«Мы говорим вам: «До свидания!». Так и хочется добавить словами песни — «...расставанье не для нас».

Татьяна Коковина

СТИХИ ПОД ШЁПОТ СНЕГОПАДА

Воскресный день начала 2017 года. Снегопад, невольно заставляющий вспомнить стихи Сергея Михалкова: «Снег кружится, снег ложится. Снег, снег, снег...» Однако, не обращая внимания на снежные сугробы, к храму Николая Чудотворца спешит-поспешает народ. Люди торопятся на встречу с поэзией.

А любителей поэзии, как известно, не могут остановить ни мороз, ни снегопад... Многие наши поэты-классики посвятили гениальные стихотворения зиме, своей вдохновительнице. «Мороз и солнце — день чудесный...». Это первое, что приходит на ум, потому что строки эти в душе каждого русского человека. А народное литературное объединение «Отчий Дом» решило создать целую программу, посвящённую зиме. Как символично, что 5 февраля, в день поэтического вечера, выпал свежий снег — словно сам Бог благословил поэтов-отчедомовцев на проведение литературно-музыкальной программы «Прогулка под лёгким снегопадом», состоявшейся под гостеприимным кровом культурно-просветительского центра

«Единение» при храме Николая Чудотворца. А инициатором, организатором и ведущей этой замечательной концертной композиции стала православный прозаик и просветитель Наталья Мельникова. В концертной программе принимали участие все члены литературного объединения «Отчий Дом», которых хоть немного пощадила эпидемия гриппа, а также хор «Вдохновение» под руководством Светланы Сидоровой. Фоном выступлений были замечательные зимние пейзажи художника-земляка, члена Союза художников России, Евгения Бутенкова. Началось литературно-музыкальное выступление напутственной речью священника Александра Мищенко. Затем творческую эстафету принял хор «Вдохновение», исполнив песню «Твоё тепло, моё тепло». Также в исполнении хора «Вдохновение» прозвучала песня «Судьбы драгоценный подарок» на стихи Дианы Кан и музыку Магдалины Князевой. Диана Кан незримо присутствовала с нами — её стихи читала поэтесса Неля Христосова, предварив стихами Дианы Кан прочтение своих стихотворений. Вечер был полон тайн и загадок. Своей тайной поделился со зрителями талантливейший детский поэт Иван Бардин. Он не только провёл детство на улице Дзержинского, проживая вместе с родителями, но и, вступив во взрослую жизнь, оказался в квартире, которая находится на той же улице. В итоге на свет появилось стихотворение посвящённое улице Дзержинского, которое среди прочих было очень тепло встречено залом. Как всегда, очень порадовали своим выступлением юные вокалистки Анастасия и Виктория Ивановы. А Виктория Иванова ещё и талантливая поэтесса, украшение народного литобъединения «Отчий Дом». Несмотря на свой юный возраст девочки являются не только талантливыми исполнителями, но и сами создают музыкальные композиции, где выступают и поэтами, и композиторами. Впрочем, такие таланты в детях не удивительны, если знать, что глава уникального семейства — не только за-

ботливый отец, любящий муж и настоящий мужчина, но и поэт! Я говорю об Андрее Викторовиче Иванове. Он тоже нашёл время в своём плотном рабочем графике, чтобы выйти на сцену и поучаствовать в концерте. Порадовал зрителей своими стихами, православными не столько по тематике, сколько по духу, и молодой проникновенный поэт Пётр Злобин. Ну, а харизматичные выступления Александра Мишарина, который всегда умеет зажечь и увлечь публику, всегда событие! На этот раз Александр Мишарин читал не только свои стихи, но и стихи ведущего поэта России, секретаря Союза писателей России Евгения Семичева, руководителя творческих семинаров народного литобъединения «Отчий Дом», поскольку сам Евгений Николаевич в это самое время был в командировке в Москве.

Если на сцену выходит член Союза писателей России Ольга Полухина, то это верный признак того, что будут звучать не только стихи, но и романсы. И на сей раз Ольга Митрофановна не обманула ожиданий публики. Поистине завораживающим было выступление кандидата в члены Союза писателей России Татьяны Коковичной. Читая свои стихи, она создала на сцене настоящий театр поэтического слова, чем восхитила зрителей. Превосходно исполнила свои стихи поэтесса Тамара Сакс, православный человек и проникновенная лирическая наша поэтесса. Порадовала стихами о зимушке-зиме обворожительная и жизнерадостная поэтесса Валентина Соколова. И, конечно, восторженными аплодисментами было вознаграждено выступление не унывающей Веры Беляевой, автора недавно вышедшей книги лирики «Берегиня». Лилия Николаевна Егорова особо не стремится к сценическим эффектам, но доверительность и исповедальность её стихов — нечто особенное! Неподражаема на сцене была автор-исполнитель Светлана Самарина — яркая, завораживающая, с голосом, вливающимся в

душу, словно целительный бальзам. Приятно, что и моя скромная творческая лепта, как ведущей и поэтессы, есть в этом замечательном мероприятии. А моя соведущая, православный писатель Наталья Мельникова ко всему прочему ещё и провела викторину на тему «Зимушка-зима», щедро наградив победителей. Подарками стали номера альманаха «Отчий Дом» — замечательного умного и красивого издания, где печатаются не только литераторы Новокуйбышевска и Самары, но и писатели России. Это альманах для семейного чтения, где каждый найдёт себе рубрику по вкусу! А самое главное, что, вдохновлённые сценическим действием зрители, не оставались безучастными: подпевали песни, а потом и читали стихи, ещё более оживив атмосферу концерта, который завершил протоиерей Отец Павел Гайдаренко, поблагодарив всех присутствующих и пожелав всем благополучия.

Надежда Забараускас

НЕОБОРИМЫЙ СВЕТ СЕМЬИ ИВАНОВЫХ

18 ноября при полном аншлаге зала на 500 мест во Дворце культуры г. Новокуйбышевска состоялся замечательный творческий литературно-музыкальный вечер разнопланово одарённой семьи Андрея и Эльвиры Ивановых. Спасибо Андрею Викторовичу и его супруге за приглашение, как за возможность во всеуслышание сказать со сцены то, что всегда говорю, глядя на эту семью: «Побольше бы таких семей!». Хотя хорошего, как известно, много не бывает, но уже сам наглядный пример, что счастливые семьи возможны, очень поучителен. Не вполне согласна со Львом Николаевичем Толстым, что все счастливые семьи счастливы одинаково. Хотя, классик прав в том, что беда счастья — в его «одноплановости», а несчастье куда «креативнее». Хотя Лев Толстой не может быть неПРАВ, потому что он ЛЕВ, и потому Андрей и Эльвира Ивановы и их четверо замечательных детей — скорее счастливое исключение из выведенного Толстым правила. Ивановы счастливы совершенно по-своему! Это не просто семейный союз, но и союз талантливых людей, союз творческий. Андрей Викторович и его дочь Вика — давние члены народного литобъединения «Отчий Дом». Вспоминается их последний по времени проведения творческий вечер в марте 2014 года. Тоже замечательно прошёл и тоже знаменовал выход книги стихов. Но нынешний вечер побил рекорд не только по аншлагу! Нынешний вечер наглядно показал позитивную динамику творческого развития семьи. Если прошлый раз самых маленьких членов семьи

Романа и Игорёшу на сцену выносили на руках по просьбе публики, которая хотела увидеть въяве многодетность семьи, то сейчас мальчишки уже пели, читали стихи и старались сценично держаться на сцене. Старшие сёстры — харизматичная Виктория и лиричная Анастасия — прошлый раз ещё пели ломкими подростковыми голосами, а в этот раз на сцену вышли две блистательные девушки с прекрасно поставленными голосами, практически готовые вокалистки! Как славно, что что-то в жизни меняется! Наши дети растут, находят своё призвание... Но как здорово, что есть вещи, остающиеся неизменными. Ничуть не изменилась, к примеру, за два с лишним года мама всего этого большого и дружного семейства — Эльвира. Она осталась такой же тоненькой и большеглазой, похожей скорее на сестру своих дочерей. Не изменился и отец семейства — Андрей Викторович Иванов, та же офицерская выправка, та же уверенность и радушие, та же заботливость отца и мужа, то же чувство юмора, с которым он вёл вечер. И та же, увы, боль за Россию, что звучит во многих его стихах, как, впрочем, и уверенность в том, что у России прекрасное будущее, несмотря ни на что... Глядя на эту красивую пару, Андрея и Эльвиру, окружённых красивыми, умными и воспитанными детьми, понимаешь: если бы они не верили в Россию, то вряд ли бы стали многодетными родителями! А теперь ещё одним детищем у отца семейства стало больше. Я имею в виду детище-книгу стихотворений Андрея Иванова «Необоримый свет» с предисловием выдающегося поэта Евгения Семичева. В этой книге отец-поэт Андрей Иванов нашёл место для стихов дочери-поэтессы — Вики Ивановой, которую все мы, «отчедомовцы», уже многие годы привыкли за глаза называть Викасей. Так повелось ещё с тех пор, когда она маленькой пришла с папой в коллектив. И вот уже Вика — не Викася, а скорее Виктория, одна из папиных побед. И, глядя на неё, победительно блистательную, залитую светом юпитеров, когда она подходит к такой же ослепительно красивой и столь же скромной сестре Насте, то в одночасье понимаешь: не может не возродиться страна, в которой подрастают такие девушки! А значит, воистину: свет русский — необоримый свет!

Это — вечер семьи Ивановых, каким его увидела я!

Диана Кан

СУДЬБУ ЗАПРЯГАЮЩИЙ В САНКИ

К юбилею Эдуарда Константиновича Анашкина

Эдуард Константинович Анашкин — известный российский писатель и критик, проживающий в Самарской губернии, собрал друзей и читателей на свои два юбилейных вечера. Один прошёл в Пестравском районе, где писатель живёт многие десятилетия, второй — в Тольятти, в литературной гостиной Автограда. Эдуард Константинович — автор многих книг прозы и эссеистики, несколько из которых вышли в Москве, в издательстве «Российский писатель», а также лауреат престижных литературных премий, в частности, Всероссийской литературной премии «Имперская культура», самарских региональных литературных премий имени Н. Гарина-Михайловского,

имени В.М. Шукшина, дважды лауреат литературной премии журнала «Русское эхо». К сборнику рассказов Эдуарда Константиновича Анашкина «Запрягу судьбу я в санки» написал предисловие сам Валентин Григорьевич Распутин!

На авторских творческих вечерах этот почвенный писатель не гонится за сомнительным креативом. Эдуард Анашкин рассказал о своём творческом пути, о знаменательных событиях в своей жизни. Поведал о дружбе с самыми разными писателями России, проживающими в различных уголках нашей необъятной страны. С особенной теплотой писатель отозвался о Днях русской духовности

и культуры «Сияние России», что проводится в Иркутске. Там Эдуард Константинович был в числе приглашённых с той почётной оговоркой, что это личный гость Валентина Распутина. С нашим недавно ушедшим из жизни классиком Валентином Распутиным Эдуарда Анашкина связывают многие десятилетия дружбы, которой не властны были помешать даже тысячекилометровые расстояния между Волгой и Байкалом. Свои творческие подарки юбиляру преподнесли ведущие именитые писатели, певцы и композиторы Тольятти: Александр Воронцов, Вячеслав Московский, Александр Пайдулов, Людмила Косарева. «Засветились» и гости из Сызрани — известные поэты Олег Поршнягин, Надежда Чванова, Сергей Кирюхин, Галина Елисеева, Ирина Минкина из Жигулёвска и многие другие. На вечере прозвучали песни под гитару в исполнении Раисы Нидвиги, Сергея Кирюхина и под гармонь в исполнении Геннадия Ганюшкина. А в селе Пестровка на творческом вечере Эдуарда Константиновича от народного литобъединения «Отчий Дом» поздравила автор-ис-

полнитель Светлана Самарина, чьё выступление стало подарком всем присутствующим и, конечно, юбиляру.

Диана Кан

«РАПСОДИЯ ЛЮБВИ»

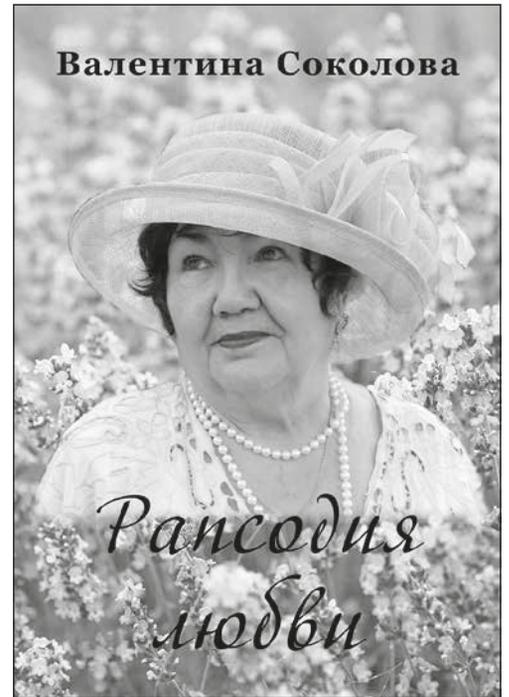
Валентина Соколова — одна из самых известных и читаемых в Новокуйбышевске поэтесс. И вот вновь Валентина Фёдоровна стала персоной дня и города, издав новую, пятую по счёту, книгу «Рhapsодия любви», куда вошли не только стихотворения, но и проза. А если точнее — то эпистолярный интернет-роман,

столь актуальный сегодня жанр не только в литературе, но и в жизни. Презентация книги благодаря автору сценария презентации превратилась в зрелищное театральное представление, своего рода литературный спектакль, где блистал актёр театра «Грань» Данила Богомолов и замечательная неподражаемая актриса Елена Прокопенко, а также автор-исполнитель Светлана Самарина и танцоры коллективов Дворца культуры.

Спектакль был необыкновенно тепло встречен зрителями. Но я хочу остановить внимание на том, чем же

был обусловлен такой ошеломительный успех. Это, безусловно, в первую очередь — блестящее выступление артистов, правильно подобранная звукозапись, но тем не менее главное — литературная основа виртуального романа героини лирического повествования с иностранцем. Кстати сказать, очень органично,

как заметил Евгений Николаевич Семичев, в спектакль вписался современный шотландский танец. С первого взгляда может показаться, это уже было — знакомство по интернету и так далее. Однако, если посмотреть глубже, здесь затронута тема необыкновенной души русской женщины, которая уже не один век является загадкой для всего мира. Ведь прежде всего Валентина Соколова, говоря, казалось бы, о своей любви к иностранцу, объясняется в любви к малой родине, к великой России, к музыке, постоянно звучащей в её сердце. Она называет её царицей

своей души. Не потому ли хранит её добрый ангел, поёт песню о вселенской любви, сам Господь призывает прощать и любить. Лирическая героиня называет своего виртуального друга ангелом, и мы понимаем, что дело отнюдь не в евангельских качествах друга, а в том, что этот ангел живёт в душе лирической героини, от имени которой идёт повествование. Она плоть от плоти, кровь от крови земли русской, женщина способная глубоко любить, тоскующая по настоящей любви. В этом — в таланте отдавать больше, чем получено любви — от века суть русской женщины, не зря же в основе славянской цивилизации лежала соседская община, а не, как, скажем, у немцев, где существовала родственная община, и преобладало понятие: мой ли ты по крови? Отсюда проистекает та всемирная отзывчивость русской души, о которой не уставал говорить Достоев-

ский! Зрители с затаённым вниманием следили за действием артистов: а что же дальше? Сценическое решение спектакля было таково, что лирический герой Данилы Богомолова оставался за кадром и присутствовал только голосом. Это оригинальное решение спектакля усилило литературные достоинства книги. Собственно, народное литобъединение «Отчий Дом», координатором которого является Валентина Фёдоровна, с

2009 года, когда в Новокуйбышевске проводился Всероссийский поэтический фестиваль «Соколики русской земли» время от времени задействует театрализацию своих мероприятий для дополнительного привлечения интереса к художественному слову. Окончание эпистолярного романа не причислишь к «хэппи-энду» — обрывается любовь громом разбившегося самолёта, в котором мчался любимый на встречу с русской избранницей. И далее она, превозмогая сердечную боль, находит в себе силы идти к читателям, чтобы не только рассказать им о своей любви, но и призвать их любить, несмотря ни на что, ибо нет жизни без любви, любовь сильнее смерти, и ей, как выразился великий Пушкин, «все возрасты покорны».

Татьяна Коковина

САМОЦВЕТНЫЕ СЛОВА...

За окном осень: хмуро, пасмурно не приветливо, а то ещё вдруг забарабанит мелкий, холодный дождик... «Куда уж идти в такую погоду...» — вздыхают люди. Но те, кто преодолел этот осенний сплин и пришёл в городской музей в один из октябрьских дней, увидели «Осенний пейзаж» глазами нашего

художника-живописца Евгения Бутенкова. А помогала «царить» осенним пейзажам Евгения Юрьевича одна из лучших поэтесс нашего города Татьяна Коковина. Зазвучала «Баркарол-осень: хмуро, пасмурно не приветливо, а то ещё вдруг забарабанит мелкий, холодный дождик... Татьяна Викторовна читала стихи об осени, любви, о радостях и печалях — обо всём том, чем наполнена наша жизнь. Читала вдохновенно, рассказывая об увиденном и пережитом, делясь своими чувствами, раз-

мышлениями, воспоминаниями... Сколько поистине россыпей самоцветов было в стихах: «Алость востока», «Розовая корона рассвета», «Берёзка, что дрожит в наряде

художника-живописца Евгения Бутенкова. А помогала «царить» осенним пейзажам Евгения Юрьевича одна из лучших поэтесс нашего города Татьяна Коковина. Зазвучала «Баркарол-осень: хмуро, пасмурно не приветливо, а то ещё вдруг забарабанит мелкий, холодный дождик... Татьяна Викторовна читала стихи об осени, любви, о радостях и печалях — обо всём том, чем наполнена наша жизнь. Читала вдохновенно, рассказывая об увиденном и пережитом, делясь своими чувствами, раз-

росного листа», «Изумрудные травы, наполненные солнечным соком», «Ромашки – дневные звёзды», «Осиново-горький ветер», «Всхлипы дождя»... А на экране в это время одна картина Евгения Бутенкова сменяла другую: на смену «Ветренному дню» приходила «Осень на Дегтярке», а потом «Сиреневый вечер», «Дождливая грусть», «Мелодия дождя»... Покойный ныне, выдающийся художник Е. Бутенков очень любил поэзию есенинского лиризма, и эта любовь художника запечатлелась и в духе его пейзажей, и в их названиях. Получился вечер-диалог двух мастеров слова и кисти, отчего стихи обретали новые краски, а картины становились поэтичнее...

А ещё, когда в диалог влились песни на стихи Татьяны Викторовны, то это стало законченным триединством. Музыку на стихотворения Татьяны Коковиной мне не пришлось придумывать, я её просто услышала в строчках стихов и извлекла наружу. Я смотрела в зал и видела спокойные, умиротворённые лица людей, которых одарили в этот вечер счастьем творчества и вдохновения!

И за окном, казалось, была уже совсем другая осень – прекрасная пора, сулящая радость и надежду...

Презентация новой книги Татьяны Коковиной «Вешняя сюита» состоялась в молодёжном центре «Русь» и стала событием литературной жизни города Новокуйбышевска. Виновница вечера была поистине неотразима в вечернем чёрном платье, белой шляпе, с жемчужной ниткой на шее и жемчугами в ушах. Ведущая вечера – оча-

ровательная Евгения Вахонина – первое слово предоставила выдающемуся поэту, руководителю литературного семинара, Евгению Семичеву. Евгений Николаевич Семичев определил поэзию Татьяны Коковиной «артезианской», так как её стихи чисты по интонации и выверены по образам. «Отчедомовцы», сердечно поздравляя виновницу торжества, с нескрываемым удовольствием декламировали стихотворения автора. Солисты танцевального клуба «Версия» исполнили на радость всем три балльных танца – столь же лиричных, как поэзия Татьяны Коковиной. Не менее порадовали зрителей и песни на стихи Татьяны Коковиной в исполнении Ольги Полухиной. Но самым главным «блюдом» вечера оставались всё же стихотворения Татьяны Викторовны в авторском исполнении.

**Ольга Полухина
Валентина Соколова**

СВЕТ ЛУГОВ И ОБЛАКОВ

В день своего ангела Наталья Николаевна пригласила на встречу друзей и верных почитателей таланта её мужа, выдающегося русского пейзажиста Евгения Бутенкова. Конечно, поклонников творчества этого художника очень много, но в мастерской собрались люди, которые знали Евгения Бутенкова лично и были с ним дружны: писатели и музыканты. Бутенков любил и поэзию, и музыку. Его любимым поэтом был Сергей Есенин, и многие отмечают созвучие таланта этих больших, и по-настоящему национально окрашенных художников: поэта Есенина и пейзажиста Бутенкова... Трепетно и бережно Наталья Николаевна, хранит память о муже – выдающемся творце, к сожалению, как часто бывает, недооценённом при жизни. Заслуга Натальи Николаевны – постоянная организация персональных и групповых выставок с участием именитых художников,

встреч и творческих вечеров; просветительская подвижническая деятельность этой женщины, достойной памяти великого мужа – тема отдельного разговора, потому что быть женой великого творца – это нелёгкая миссия. Но Наталья Николаевна рассматривает это отнюдь не с пафосных позиций, а просто считая это частью своей жизни. В нашем суровом бытии, в суете насущных дел она и при жизни Евгения Бутенкова была светлым ангелом его творчества. И остаётся им донныне! На полотнах оставшегося бессмертным в своём творчестве художника запечатлены красоты родной природы нашего края: это для многих с детства знакомые места – реки Татъянка, Криуша, ручьи, овражки, рощицы, природа в различные времена года: цветущим летом, снежной зимой, в половодье... Мы видим эту красоту природы среднерусской полосы с детства, но только художник способен нам

показать её, давно знакомую, извечно новой и прекрасной! Полотна Бутенкова, выполненные без новомодных направлений в традиционной непростой технике написания, настолько естественны, что удивляют не только специалистов, но и обычных людей. Наталья Николаевна рассказала, с какой любовью писались картины: в каждую была вложена частичка сердца, рука художника всегда следовала за чувством. Среди приглашённых в мастерскую был выдающийся современный русский поэт, тоже наш земляк, секретарь Правления Союза писателей России Евгений Семичев и поэты народного литературного объединения «Отчий дом». С поэтами нашего литературного коллектива у Натальи Николаевны сложился давний творческий альянс. Поэты читали стихи о русской природе. Известный музыкант Николай Падуков порадовал исполнением песен и игрой на баяне, детский поэт и автор-исполнитель Иван Бардин спел под гитару... А закончить свой рассказ мне хочется цитатой из стихотворения Евгения Семичева, посвящённого творчеству Евгения Бутенкова: «Свет лугов и облаков // Заключил в багетной раме // Живописец Бутенков // И навек остался с нами!». Впрочем, не только Евгению Семичеву, но и всем нам, собравшимся в мастерской художника, казалось столь зримым его присутствие в нашем творческом кругу.

А как вспоминает о Евгении Бутенкове поэтесса Диана Кан: «Гениальный скромный труженик — так бы я кратко охарактеризовала выдающегося пейзажиста, члена Союза художников России Евгения Юрьевича Бутенкова. Истинно русский человек, который не любил, что говорится, «включать звезду», хотя она явно горела в его судьбе, он ушёл из жизни, мягко говоря, недооценённым. Даже звания заслуженного художника России, которое он давным-давно был достоин, и был таковым по факту своего творческого вклада в живописное искусство России, Евгений Бутенков не имел. Скромность порой игра-

ет с талантливыми людьми злую шутку, особенно в наше время, когда она, скромность, похоже, стала кратчайшим и вернейшим путём в забвение. Впрочем, ни о каком забвении Бутенкова, как художника, речи не идёт: за него и после него более чем красноречиво говорят его талантливые, не сказать, гениальные полотна, с которых на нас смотрит Россия: прекрасная, разная, лирическая, эпическая страна. Евгений Юрьевич прожил свою земную жизнь в маленьком городке, а маленькие города словно превентивно наперёд уверены (кто их в том уверил?), что не может в них жить выдающийся человек. Почему мы забываем, что вся русская культура — литература, живопись, музыка — произросла отнюдь не на асфальтах мегаполисов, а именно в благодатной почве маленьких городов, которые есть суть Россия?.. Как говорил Пушкин в письме к Вяземскому: «Петербург — гостиная, Москва — девичья, деревня — наш рабочий кабинет». Говорил, прекрасно понимая, сколько значимо в его судьбе то же село Болдино. Столь же значимо, добавлю, как Елабуга в судьбе Шишкина, Плёт в судьбе Левитана, Клин в судьбе Чайковского, Тарханы в судьбе Лермонтова и так далее... Все они, гениальные наши русские творцы,

часто, будучи по природе своей аскетами и не стяжателями благ земных, жили прямо в своём рабочем кабинете, как говорится, не отходя от рабочего места. Евгений Бутенков жил вблизи природы, вблизи волжской природы, которую писал вдохновенно и гениально!

Забавный случай вспоминается мне, когда проводили мы вечер памяти Бутенкова в Новокуйбышевске. Я сидела в первом ряду, и одна выступавшая, ничтоже сумняшеся, стала говорить о Бутенкове как о хорошем в общем-то художнике... Новокуйбышевска! Видимо, у меня на лице непроизвольно возникла столь красноречивая реакция, что, глянув на меня, дама осеклась и робко поправилась, обозначив Бутенкова художником, значимым для Самарской области. Мне не оставалось ничего другого, как грустно усмехнуться над своеобразием земляческого понимания художественной значимости того или иного творца в применении к географическому фактору. Но тем не менее спасибо даме: навела меня на размышления о феномене Бутенкова. Назвать Евгения Юрьевича самарским художником можно лишь географически (жил на территории Самарского края). А по художественной значимости назвать его самарским — это значит очень сильно умалить его вклад в живописную культуру России. Евгений Бутенков был не только не самарским, но даже и не поволжским, он был художником всероссийским по высоте и глубине своего таланта и творчества. Хотелось бы, чтобы понимание этого имело место быть хотя бы спустя пять лет после смерти Евгения Юрьевича: времени осмыслить это было более чем достаточно...

Что ещё? Я горжусь, что в моей жизни были встречи и общение с этим выдающимся творцом красоты и гармонии, который, к слову, не только очень любил, но и понимал поэзию. Есенин был любимым поэтом Бутенкова. И названия многих картин художника — фактически готовые поэтические образы, навевающие есенинские ассоциации... Горжусь, что мне ещё при жизни Евгения

Юрьевича посчастливилось рассказать о нём и его творчестве на страницах всероссийских журналов «Встреча» и «Сельская новь». Печально, что ничем не могла помочь ему, чтобы он стал официальным обладателем звания «Заслуженный художник России». Впрочем, что заслуженный? Бутенков был по сути народным художником, ибо сумел достучаться до сердца своих сограждан-современников и, уверена, потомков тоже».

Вера Беляева

БАЛ — ЭТО ТОЖЕ КРЕАТИВ!..

По приглашению руководителя международного центра «Надежда» Владимира Смирнова члены народного литературного объединения «Отчий дом» побывали в Самаре на балу-презентации. Сказать, что мне понравилось — это не сказать ничего! Какое красивое разноплановое

мероприятие: синтез поэзии, музыки, красивых костюмов...

В рамках всего этого великолепия прошла презентация 9-го номера альманаха серии «Вера — Надежда — Любовь» фонда «Надежда». И, конечно, организаторы не могли не предоставить сценическую площадку в том числе новокуйбышевским авторам. На мероприятии Ольга Полухина очень проникновенно исполнила свой романс. Молодая наша «звёздочка» Вика Иванова одадила публику своим прекрасным пением, исполнив свою авторскую песню. Мы с поэтессой Татьяной Коковиной прошлись в полонезе на балу, затем весьма небезуспешно попробовали свои силы в польке, вальсах и других танцах. Татьяна Коковина на бал собралась, как полагается: искристое вечернее, в цвет малахита, платье с буфами, белые кружевные перчатки и очаровательная белая шляпка, украшенная цветами. Настоящая дама из XVIII века! Я решила на этом балу примерить на себя образ Дамы Пик — вечерний чёрный наряд и чёрная шляпа.

После бала нас пригласили в библиотеку, где Ольга

Полухина, поэтесса, координатор народного литобъединения «Отчий Дом», провела поэтический марафон для всех авторов, желающих других послушать и себя показать. Все гости из «Отчего дома» с честью предстали на этом марафоне, удивив всех не только бальными нарядами, но и поэтическим талантом. Поэтесса Надежда Забараускас была неподражаема в образе белой лебедушки и своими лебедиными крылатыми строками сразила всех. В итоге мы заработали в копилку коллектива

диплом! А ещё за исполнение стихов вручили диплом Ольге Полухиной и Вике Ивановой. Надо сказать, что бальный формат мероприятий нашему коллективу привычен, так как первый бал наше литобъединение провело

ещё десять лет назад, и с тех пор балы — один из любимых креативных форматов мероприятий народного литобъединения «Отчий Дом».

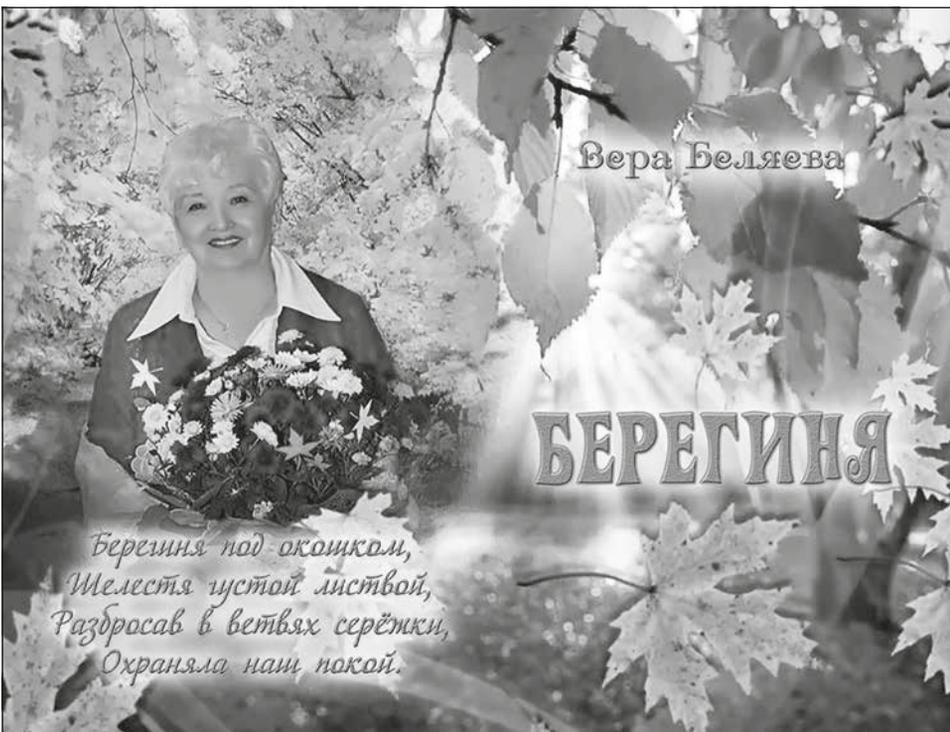
Валентина Соколова

«БЕРЕГИНЯ» В «ОТЧЕМ ДОМЕ»

Книги, как и дети, никогда не появляются на свет случайно. Они как бы попущены нам свыше, каждую книгу, как и каждого ребёнка, надо не только заслужить, но и в определённой степени выстрадать. Об этом я подумала, получив от Веры Ивановны Беляевой в столь созвучный её имени день, вот такое письмо: «Диана Елисеевна, сегодня в праздник Веры-Надежды-Любви я получила нечаянную радость. Моя Крёстная позвонила и пообещала

мне найти деньги на издание книги. Я не только в радости, но даже в эйфории!..». Я написала Вере Ивановне, что новость действительно хорошая, но в эйфорию до того, как она возьмёт в руки долгожданную свою книгу, впадать не будем. Ибо издание книги дело не только приятное, но и очень ответственное. Также, как с рождением ребёнка, опять подумалось! Первое ликование от известия, что скоро станешь мамой, сменяется задумчивостью от того,

как подумаешь, сколько дел и проблем этому счастью сопутствует. Вера Ивановна не то, чтобы шла к изданию этой книги долго, она, по-моему, просто писала стихи, сделав их своего рода исповедниками. Просто любила и продолжает любить поэзию, поверяя стихам сокровенное. Эту свою любовь привила своему внуку, поэту Леониду Котову, через которого, собственно, и пришла в народное литобъединение «Отчий Дом». Привела внука и... вместе с ним стала одним из членов дружного коллектива. Если быть точной, то когда Вера Беляева и Леонид Котов дополнили ряды литобъединения «Отчий Дом», оно ещё де-юре не обрело официальный статус народного, хотя давно уже таковым было по факту. Иначе как бы в его рядах могли сотрудничать люди столь разные даже по возрасту — бабушка и внук, не говоря уж о различиях профессиональ-

ных, профессиональных, политических и прочих других членов коллектива. Вера Ивановна со всеми вместе не только писала и пишет стихи, не только является активным «обсуждантом-диспутантом» на семинарах, частенько давая очень дельные советы авторам, как это принято на семинарах «Отчего Дома» — фактически являющихся неким «мозговым штурмом» на предмет того, как помочь текстам становиться лучше. Вера Ивановна активная, вдохновенная и артистичная участница всех театрализованных постановок коллектива, презентаций, творческих вечеров... И вот она издаёт свою книгу!

Думаю, это событие знаковое не только для неё одной, но и для всего коллектива, где принято радоваться друг за друга и поддерживать друг друга. Природная культура речи и чутьё на лиризм, что от природы и от родителей, людей, связанных с крестьянством и ощущением родной земли, как неотъемлемой части жизни, всегда лежала и лежит в основании всего написанного Верой Ивановной Беляевой. Большинство её стихотворений женские, и этого не надо бояться, как почему-то боятся многие женщины-поэтессы. Бояться надо стихов бесполовых. Или не менее печальна нынешняя тенденция, когда женщины пишут стихи как бы «мужские». Но мужские стихи настоящая женщина не может написать априори. Как настоящие стихи никогда не напишет женщина, стесняющаяся своей женской — Богом даденной — природы.

То, что известная поэтесса Серебряного века Зинаида Гиппиус писала стихи от мужского имени, вовсе не значит, что её стихи мужские! То, что наши великие поэтессы Ахматова и Цветаева не любили, когда их называют «поэтессами», настаивая на мужском аналоге — поэт, вовсе не значит, что их стихи не женские, иначе бы Анна Андреевна и Марина Ивановна не стали тем, кем они стали для России. А потому все эти рассуждения о женской поэзии как об изначально поэзии второсортной — от лукавого. И к чести автора этой книги, у Веры Ивановны хватает ума и таланта пренебрегать подобными заблуждениями. Она открыто и обаятельно говорит в своих стихах о том «бабьем братстве», которому не грех порой поучиться и представителям сильного пола.

В процессе подготовки этой рукописи мы немало думали над названием книги. Ведь дать имя детищу — это практически запрограммировать его на жизнь! Название книги выскочило из рукописи само — «Берегиня». А ведь это не только символ России — берёза, на которую далёкие наши предки молились, как на защитницу от тёмных сил. Берегиня — это ещё и Вера Ивановна Беляева, неустанно берегущая свою семью, внуков от возможных искушений действительности. Берегиня, которая в стихотворениях оберегает читателя от пессимизма, одиночества, неверия в Россию.

Диана Кан

«ВМЕСТО КРАСОК — НОТЫ...»

Творческий вечер поэтессы Ольги Полухиной стал союзом поэзии и музыки, собрав полный зал публики.

«Какое это чудо — Божий мир, что дарит нас любовью, кровом, хлебом!» — так восклицает поэтесса Ольга Полухина, и я не могу к ней не присоединиться. 20 мая в яркий весенний день мы пришли во Дворец Культуры города Новокуйбышевска на презентацию книги «Венчанная с музыкой». Первая же страница книги поражает читателя чудом восприятия мира: «Рисую осень, вместо красок — ноты, слетевшие с небес на полотно». Всюду автор книги — поэтесса Ольга Полухина — слышит музыку, не расстаётся с ней ни на минуту, просыпается под пенье соловья и идёт с музыкой по жизни. Я рада, что круг почитателей творчества Ольги Митрофановны широк в Самарской области, поэтому в малом зале Дворца культуры Новокуйбышевска собрались писатели и читатели из нашего региона. Но скажу более, стихотворения нашей поэтессы перелетели границы земли самарской, их знают и за пределами области. Многие из них стали песнями, романсами. Ольга Митрофановна, имея вокальное образование, прекрасно исполняет их на своих творческих вечерах и на вечерах других авторов. Но книга, конечно, для поэта главное! Как говорится, поэт без книги, как Париж без Сены. А в творческом активе Ольги Полухиной далеко не одна книга! Пройдут годы, стихнет шум аплодисментов на творческих

вечерах, но книга будет жить! Она и через полвека скажет за своего автора: меня любили, мной дорожили, меня носили на руках, я давала возможность людям ощутить сладкий вкус родимой речи...

А весенним днём любители поэзии пришли на встречу с полюбившейся поэтессой, и выход её книги стал приятным поводом для этой встречи, собравшей полный зал. Благодарные поклонники одарили Ольгу Митрофановну цветами и аплодисментами, осыпали тёплыми словами благодарности в формате свободного микрофона.

Так, давний почитатель поэзии Ольги Полухиной и душевная подруга Валентина Седова сказала, что в книге немало стихов, в которых поэтесса говорит от имени их общего поколения. И они особенно близки ей, как читателю! Много тёплых слов услышала Ольга Митрофановна Полухина, необыкновенно одарённая женщина, в свой адрес. Раскланиваясь публике, она не забыла произнести слова благодарности в адрес многолетнего руководителя народного литературного объединения «Отчий дом», всероссийской поэтессы Дианы Кан, тёплые слова прозвучали в адрес нынешнего руководителя литературного

семинара, выдающегося поэта современности Евгения Семичева. А ещё этот вечер — душевный, красивый и стильный, состоялся благодаря концертмейстеру Дмитрию Федорову, поэтессе и ведущей Евгении Вахоной, артистам театра «Грань», с проникновенным блеском читавшим стихи виновницы мероприятия. Ольга Полухина сделала зрителям сюрприз, пригласив поучаствовать в концерте свою подругу, восторженно встреченную публикой вокалистку Елену Зубачёву, исполнившую одну из песен Ольги Полухиной. На вечер приехали гости из Самары — Председатель Правления Самарской областной писательской организации Союза писателей России Александр Громов, президент международного центра «Надежда» Владимир Смирнов, хозяйка музыкального салона Эвелина Глазкова. Благодарные зрители не хотели расставаться с поэтессой, вселяющей своим творчеством веру в лучшее. И хотя, по выражению Ольги Полухиной, мы сейчас живём «в циничном мире жутком», где со всех сторон летят слова, растлевающие душу, но поэзия тем и прекрасна, что призывает искать успокоение не только в божьем храме, в музыке, но прежде всего в храме своей души.

Татьяна Коковина

...А ПРЕВРАТИЛИСЬ В ДЕВЯТЬ ЖУРАВЛЕЙ...

Профсоюзный комитет Новокуйбышевской ТЭЦ-1, Совет ветеранов (председатель Наталья Николаевна Бутенкова), председатель Совета наставников молодёжи Татьяна Васильевна Артамонова и председатель Совета молодёжи Станислав Жарков организовали поездку в посёлок Алексеевка, расположенный неподалёку от города Кинель. В Алексеевке к 50-летию Победы установлен памятник федерального значения, посвящённый семье Володичкиных. Это памятник, к которому, по определению поэта, «не растает народная тропа». За двадцать лет здесь побывали десятки тысяч людей со всех уголков мира, приехавшие отдать дань памяти

Матери, потерявшей в Великой Отечественной войне девятерых сыновей, которые волею скульптора превратились в бронзовых журавлей и взмывают с постамента за спиной своей матери — русской крестьянки Прасковьи Еремеевны Володичкиной. Солнечные лучи ласкают розовый гранит 12-метровой иконообразной арки. На камне серого гранита высечены девять имён отважных защитников Родины и надпись «Благодарная Россия». Местная жительница, когда-то принимавшая активное участие в установке памятника, с гордостью рассказывает нам историю уникальной семьи Володичкиных, особо отмечая удивительно миролюбивую и дружелюбную обстановку в их доме и необыкновенное трудолюбие каждого члена семьи. Возмущённые рассказом, юные участники нашей поездки Владимир Бутенков и Софья Морзюкова возлагают корзину цветов к подножью памятника. А другие экскурсанты украшают букетами цветов постамент памятника. Среди делегации присутствуют и поэты — члены народного литобъединения «Отчий дом». Их подношение — стихотворения о Родине и её защитниках. Молодой поэт, правнук героя-фронтовика, когда-то расписавшегося на поверженном Рейхстаге, Леонид Котов читает своё стихотворение о прадеде-герое. А поэтессы Татьяна Коковина и Вера Беляева, дочери защитников Родины, читают стихи о войне от лица своего поколения. Значение подобных поездок для гражданского становления молодого поколения невозможно переоценить. Спасибо организаторам за то, что они понимают важность патриотической пропаганды и патриотического воспитания.

Вера Беляева

ВОЗЛОЖИТЬ СТИХИ И ПЕСНИ

В преддверии праздника Победы в Малом зале Дворца культуры Народное литобъединение «Отчий дом» провело яркий литературный патриотический концерт. Инициатором концерта выступил автор-исполнитель Александр Мингалёв (Чебоксары). Человек яркой судьбы, патриот не на словах, а подтвердивший свою любовь к Родине в качестве участника боевых действий на Северном Кавказе. Александр многократный лауреат фестивалей боевой солдатской песни, и его творческое содружество с народным литобъединением «Отчий Дом» в лице автора-ис-

полнителя Светланы Самариной имеет давние традиции. Ведущей вечера выступила поэтесса Евгения Вахонина, одетая в гимнастёрку и в солдатской пилотке на голове. Свои стихотворения о войне читали поэты Татьяна Коквина, Вера Беляева, Леонид Котов, Валентина Соколова, Надежда Забараускас.

Детский танцевальный коллектив разнообразил программу, представив на суд публики два танца: «Матросский» и вальс «Синий платочек». Очаровательная Светлана Самарина, как всегда проникновенно исполнила военные песни на слова Валентины Соколовой. А потом на сцену вышел председатель «Военного братства», один из российских миротворцев Александр Григорьев. Он сказал о важности литературно-музыкальных вечеров патриотического формата для города, в котором так

много одарённых творческих личностей. В интервью телевидению Светлана Самарина, Александр Мингалёв и я полностью были согласны друг с другом, что в замечательном Празднике Победы слились воедино боль потерь и гордость за беспримерный подвиг солдат России. Этот праздник у нас самый главный в стране. Обычные люди несут в этот день цветы к памятникам войны. А творческие люди — поэты и авторы-исполнители — приносят празднику свою дань уважения: стихотворения и песни.

Валентина Соколова

МЫ РОЖДЕНЫ ДЛЯ ВДОХНОВЕНИЯ

Под таким позитивным названием с 2003 года проводится ежегодный городской молодежный литературно-художественный конкурс. Инициатор — литературный коллектив «Отчий Дом» и его руководитель Диана Кан. За эти годы было представлено множество стихов, эссе, рассказов, посвященных великим событиям, знаменательным датам. Много ребят получили поддержку своему таланту.

В этом году нашему любимому городу Новокуйбышевску исполняется 65 лет, и конечно же конкурс был посвящен этой знаменательной дате. Участникам предложено было показать творческие способности в двух номинациях: прозе и поэзии на тему «Город родной». Жюри под руководством Анастасии Устиновой и членов «Отчего Дома» прежде всего порадовал состав участников. Большинство конкурсантов — студенты двух новокуйбышевских техникумов. Интересны и неординарны были прозаические произведения. Ребята с любовью писали о любимом городе, о театре «Грань», об интересных достопримечательностях, страницах истории, судьбах строителей города. Жюри оказалось довольно в трудном положении, но решено было отдать первое место Карло-

вой Елизавете, второе — Чикунову Ивану, третье — Синцовой Екатерине.

Молодежь, проникшись глубиной поэтического слова, пытались в своих стихах донести свои искренние мысли, чувства, эмоции. В номинации поэзия: первое место — Антон Шкилёв, второе — Диана Шестерикова и третье — Анастасия Боева. Любопытен тот факт, что два участника оказались жителями Отрадного и Пестравки, но за время учебы полюбили наш город и сумели выразить это в поэтических строчках. Награждение победителей провел член Союза писателей России, поэт Евгений Семичев. Каждому конкурсанту он сумел найти теплые слова поддержки, пожелания.

Конкурс имел своей целью выявить одаренных молодых людей, имеющих склонность к литературному творчеству. Думается, что он успешно выполнил эту задачу. Мы вновь увидели, что молодежь наша творческая и талантливая, но хочется пожелать им не забывать слова П.И. Чайковского, что вдохновение рождается только из труда и во время труда!

Наталья Мельникова

ГОСТИНАЯ

Виталий Молчанов

г. Оренбург

«ПОВЕРХ ЧУЖИХ ПОБЕД,
ПОВЕРХ СВОИХ УТРАТ...»

Доктор Йозеф*

— Доктор Йозеф, залейте, пожалуйста, солнце.
Солнце чёрное, злое в глазах моих бьётся,
Спрыгнув с кончика Вашей блестящей иглы.
Вы сказали: «Укол — и ты станешь арийцем,
Называть тебя будут по-новому — Фрицем,
Ты уедешь отсюда, из лагерной мглы,
В чудный город, как в сказку, где небо в алмазах,
И детишки упитанны, голубоглазы —
В мир, где море и люди не знают войны».
В правом... В левом... — Поймайте страданье пинцетом,
За буйки его, прочь. Этот город — не гетто?
В этом городе — МАМА? Мы встретимся с ней?

«Пляж» бетонный: бордюры, решётки, бараки.
В детской мёртвой ладошке — обрывок бумаги,
Фантик, — Менгеле добрый, он дал шоколад.
«Морфология рас». Жертва новой науки
Будет брошена в печь.

— Фройлен, вымойте руки,
Картотеку сюда — мне в Берлин на доклад!
За окошком фонарь тихо плачет в тумане.
Тени, тени застыли, как йоги в нирване —

* По собственному почину Йозеф Менгеле, в юности увлекшийся расовой теорией, проводил опыты с цветом глаз. Ему зачем-то понадобилось на практике доказать, что карие глаза ни при каких обстоятельствах не могут стать голубыми глазами «истинного арийца». Сотням узникам он делал инъекции голубого красителя — крайне болезненные и часто приводящие к летальному исходу.

С именами листов: кто ещё, кто уже...

Доктор Йозеф сбежит от петли — затаится,
Но утонет по пьянке в бразильской водиче.
Вечно пить слёзы жертв непрощённой душе.

* * *

Не надо лишних слов, не надо поз минутных.
Как мир стара любовь, как мир стареем мы.
Но сколько разных дум, желаний недоступных
Тревожат без того уставшие умы!
Укутаюсь в печаль, поверю слепо сказке,
Забудусь и уйду, потом смогу простить.
Найду в палитре дня свои святые краски
И буду божество по образу творить.
Но как слаба рука — не удержать ей кисти,
И взгляд уже давно всю зоркость потерял.
Пока я не остыл, пока живые мысли,
Я буду рисовать, ведь я не всё сказал.
Я нарисую ночь и солнечное утро,
И тени вечеров твой опечалят взгляд.
Ты смотришь на меня так искренне, так мудро
Поверх чужих побед, поверх своих утрат.
В аллеях бледных звёзд, среди безумной выси
Дай счастья мне, судьба, дай силы и тепла.
Дай зоркости глазам и вдохновенья мысли,
Чтоб мог я рисовать волшебные слова!

* * *

Я, наверное, часто бываю неправ.
Я горяч, в разговоре, случается, груб.
Вы не знаете мой необузданный нрав,
Я Ваш сон не сцеловывал дерзостно с губ.
Но, рождённый понять трепет кисти в руках,
Вас, живую, пишу на безмолвной доске
И, как камень, тону в бесконечных глазах,
И, как пламя, горю в золотом волоске.
Вы смогли разбудить мой дремавший талант,
Осветив пыльный сумрак забытых дорог.
Из пигмея вчерашнего вырос гигант,
Облака постеливший у царственных ног.
Вам сказать, что люблю, не осмелюсь в глаза.
Пусть Икона несёт в себе голос любви.
Рядом с Вашей красой так бледны небеса,
Так бесцветны озёра в прозрачной дали.
Райский сад — это Вам от щедрот бедняка,
Вы теперь тут хозяйка на тысячи лет.
Вам нектар приготовил на блюде листка
Богомаз, создающий великий портрет.
Я, наверное, часто бываю неправ.

Я горяч, в разговоре, случается, губ.
 Вы чудесный цветок среди трепетных трав,
 С поцелуем зари в уголках нежных губ.
 Попирая каноны усопших творцов,
 Больше солнца и неба беру на мазки,
 Вас признает святой Церковь наших отцов,
 Вы, живая, сойдёте с безмолвной доски.

Иван Корейша

1

По щеке немытой неба второпях стекла звезда.
 Думал месяц, шурясь слепо: «На Москве лиха езда!
 Мимо новых звонких строек, вдоль глухих особняков
 Тройки бег норовист, боек. Хлопья белые — с клыков
 Псов, помчавшихся вдогонку. Не настичь —
 не сбавит ход».

На полу, стянув попонку, спит «студент холодных вод»^{*}.

Плешь обильная в расчёсах, помнят длани кандалы,
 А спина — тяжёлый посох... Из подвальной злой дыры
 Вынут, помещён в палату, при иконах и свечах
 Грешный, святой, виноватый и безвинный не зачах.
 Говорят, что нет пророков у России за душой.
 Словно пёсыя пена — ропот — смысл имеет небольшой.

Брёхом больше или меньше, иноземцев блажь да сны.
 Слабоумен ли Корейша, предсказавший две войны?
 Проплывали строем шали, шапки, шляпы, клобуки.
 Толпы шли, опять мелькали лапти, туфли, сапоги.
 На боку костлявом лёжа, бормоча себе под нос,
 Врачевал и грызь, и рожу, желуницу и обнос.

В редкий час отдохновенья от людских хвороб и бед
 Бил он молотом камня, сокрушал бутылки вслед.

* Так именовал себя юродивый Иван Корейша.

1

Весна-дворняга солнечным оскалом
 Зиме грозила: «Береги бока!»
 Пригожий лик под ледяным забралом
 Таить устала стольная река,
 И лопнула морозная тесёмка.
 Шлем по теченью сбросив за спиной,
 Приподнялась Москва. С утра позёмка
 Котлы проталин сдобрила крупой,
 Над варевом холодным покружилась
 И сникла у Варваринских ворот.
 Сдаваться к воеводе шёл на милость
 Стрелец помятый, выпятив живот
 И вздёрнув к небу бородёнку злую.
 Нещадно сабля била по бедру:
 «Посеял берендейку, закукуют
 Обрато в Тверь... Рассола бы нутру...»
 Стряхнув с обувки ладной комья
 грязь,
 Торговый люд растёкся по рядам.

Мостки скрипели: нёс корзины
 Власий,
 Тюки — Емеля, осетров — Богдан.
 Материя разложена по штукам,
 Бери любую — не жадись, плати.
 Моченья и соленья, связки лука,
 Бочонки мёда, пирогов ломти...
 Глаз маслится от снеди избыточной!
 Весна-дворняга, изойдя слюной,
 На жарких лапах кралась мимо
 мыльни
 С окошками из плёнки слюдяной.

2

Дверь — нараспашку, ноздри дразнит
 запах
 Замоченных в кадучке пряных трав.
 Случайный разговор о тайных знаках
 Подобен пару — сути не вобрав,
 Легко клубится, проникает в сени,
 На улицу с берёзовым теплом.

Верил — поражает бесов, превращая мерзких в прах.
 Руки сбитые — в порезах, пыль скрипуча на зубах.
 «Нет без працы кололацы»^{**}, — коли умный, всё поймёшь.
 А ему б под сень акаций, с бережка крутого — в Сож^{***}.

2

После битвы и пожара вновь отстроилась Москва,
 Но в Смоленске деловарам строить — лютая тоска.
 Умыкнув большие тыщи, знай, сидят по кабакам,
 На родное пепелище из хором глядеть не срам.
 Расхитителя-вельможу обличил тогда Иван:
 «Орден твой под толстой рожей за десятки мёртвых дан!»

Не спустили супостаты — был блаженный, стал дурак.
 На него лихие каты повешали собак:
 Дескать, бос, в исподнем ходит круглый год в жару и зной,
 Выкликает, колобродит, явно, что с душой больной.
 От великого ученья шибко разумом ослаб...
 У больничных врат стеченье сотен мужиков и баб.

Плач и крик: «Ослобоните! Али нет на вас креста?»
 Губернатор строг: «Везите дальше в скорбные места».
 Вот позор Москвы — Доллхауз — для помешанных юдоль:
 Голод убивает жалость, оскорбленья множат боль.
 Сорок с лишним лет Корейша здесь провёл и встретил
 смерть —
 Может стойко ад кромешный только русский претерпеть.

Кони резвы, жаром пышут, искры бьют из-под копыт,
 Венценосец ближе, ближе... Тихо узник добрый спит,
 И блазнится чудотворцу яшень голый на ветру,
 Из трубы дымочка кольца улетают в синеву.
 Милой Родины виденья пред глазами предстают,
 А по стенам бесов тени неприкаянно снуют.

** Искаж. польская пословица «Без труда нет калача»

*** Река на Смоленщине

* * *

Блажен, кто верует, тепло ему на свете!
 А.С. Грибоедов, «Горе от ума»

Ярыга лечит венчиком колени
 И ведаёт собрату о былом:
 — Как помню, прошлогоднего июля
 Окрест стояли добрые деньки.
 Паломники чрез мост перемахнули
 И подались к иконе напрямки.
 Всяк нёс с собой хворобину, болячку,
 Моление за ближнего в нужде.
 С ворот спустили Божью Матерь
 в качке
 И вознесли в шалаш из трёх жердей.
 Вокруг толпы природа благолепна:
 Щебечут птахи, ясен Божий свет...
 Как Феникс, восстающий вновь
 из пепла,
 Нагой Василий вышел, тощ и сед.
 В глазах его горел нездешний пламень.
 Взмахнул рукой — так бьёт одним
 из крыл

Орёл врагов — с коротким свистом
камень
Икону чудотворную сразил!
Трепали кошуна Богдан и Власий,
Емеля помогал — ударь да пни.
Старик хрипел: «Помилуй,
Христе Спасе...
С ея ты краски слой отколупни!..»

3

Не люди, а мятущееся стадо
Ярились — кто ж им вставит удила:
— Нагого вусмерть измохрратить надо,
Бить образа — бесовские дела!
Стрельцы ватагой мчались на подмогу.
Один с козлиной, вострой бородой

Икону подхватил и краски кроху
Поддел ногтём, открыв начальный
слой.
Взлетело вороньё со всей округи —
Загнал их в небо запылённый крик:
«Нечистая икона, братцы, други,
Под матерью с младенцем —
адский лик!
Молились Сатане мы...»
Трижды битый,
Нагой был поднят сворой палачей:
Чернее смоли впалые ланиты,
Ручьями кровь текла с его плечей.

Меж Верой и безверьем —
мрак и пропасть.
Не тайный знак, а истина жила
В Юродивом, невиданная кротость
Из глаз его на грешных снизошла
И осветила лаской Божьей лица.
— Ярыга смолк и ковш поднёс к устам.
Окликнула стрельца отроковица:
«Нашлась пропажа, сей же час отдам!»
На ледоход весна глядела с кручи —
Тяжёлый бег огромных белых плах.
Потом с небес хвостом смахнула тучи,
И вспыхнули кресты на куполах.

Виктор Мельников

г. Коломна

«ЗАКОНЧИЛСЯ ПОСЛЕДНИЙ СМЕРТНЫЙ БОЙ...»

Старый двор

Вхожу я в дворы проходные,
Просторные наши дворы.
Мне только они... не родные,
Так жалко ушедшей поры.

Мне вдруг вспоминается сразу
Немудрого детства житьё:
Три связанных пленника-вяза,
Меж ними трепещет бельё.

Наш двор в непрерывном движенье,
Глаза у мальчишек горят:
В кустах разыгралось «сраженье»,
Один на троих — автомат!

Ещё далеко до «победы»,
Ещё во дворе не темно...
За столиком мудрые деды
С азартом стучат в домино.

И хочется пленникам-вязам
Послушать про давние дни
Седых ветеранов рассказы,
Но связаны крепко они.

Во всех моих бедах повинна,
На дивных своих каблуках
Идёт королева — Ирина,
Несёт моё сердце в руках.

Ирина... какую ты стала —
Ведь столько прошло с той поры...
Гляжу я с балкона устало,
Как выросли наши дворы.

Но нет в них и памяти детства,
И думаю я об одном:
Сегодня душе — не согреться
На сером дворе проходном!

Русский крест

Вдали от струящихся рек, перелесиц
Нашёл себе русский последний
приют:
Над каждой могилой вокруг —
полумесяц,
И душною ночью цикады поют.

Здесь птица незнамая крикнет
спросонок,
Как будто душа кому знак подаёт.

Здесь русский наш крест —
невесом он и тонок —
Свечой восковой у ограды встаёт.

Под белым крылом у холодной
метели,
От русского отчего дома вдали,
У старой немецкой заснеженной ели
Меж серых надгробий кресты
проросли.

Лишь травы чужие склоняются низко.
Здесь друг не положит на холмик
цветка.

Ушедшей душе — что кресты,
обелиски, —
Ей даже полынь — да и та не горька!

Тень солдата

Польхало огнём... Сизый пепел от сёл
Расползлся по дальним оврагам.
Злобный вражеский строй
Украиною шёл
Под когтистым — со свастикой —
флагом.

Не дожив до Победы, я умер от ран —
Лишь берёзы пришли к изголовью.
Но мне чувствовать больно,
как грязный Майдан
Истекает народною кровью.
И встаёт моя тень...
Как бы с чувством вины
По земле своей горькой блуждает.

«Разве мы не гасили проклятой
войны?» —
У живущих она вопрошает.

Не востала моя Украина от мук
И не стала с Россией единой,
Если с факелом ходит бандеровский
внук
И поёт сатанинские гимны.

Снова взрывы тревожат людей
поутру,
Задыхаются пламенем зори,
И кровавые реки стекают к Днепру,
И чадит неизбывное горе.

Песня бывалого (Год 2015-й)

Кружат белые метели
Над шальной головой.
Или вы меня отпели? —
Я пока — ещё живой!
Смерть с косою наклонилась.
— К чёрту, старая карга! —
Жизнь — такая Божья милость,
И она мне — дорога!
Пили, пели... Больше пили...
Ноет сердце у меня.
Все дороги исходили:
Там — Афган, а тут — Чечня.
Сладить с этою заразой,
Боже правый, помоги! —
Я домой пришёл без глаза,
Без руки и без ноги.
Мать украдкой слёзы прячет,
Самый близкий человек.
Ей врачи сказали, значит,
Что уж мой не долговек.
Что ж... Тогда, друзья, придите,
Да и вся моя родня,
И по-русски помяните
Непутёвого меня.
Да не этой, заграничной,
Недешёвой... чёрт ли в ней? —
А бутылкою «Столичной» —
Так привычней и ладней.
Приподнялся на постели,
Удивлённый кинул взгляд:
То — не вольные метели,
Это — ангелы летят.
В окна белые проникли,
Свет божественный тая,
И к судьбе моей приникли...
Будто вновь родился я!

Руки есть... И ноги, вроде...
Оба глаза, как у всех.
Мне при всём честном народе
Появиться так — не грех!
Я из дома. Ветер в спину,
Полы рвёт, ядрёна мать! —
Я пойду на Украину
С дядей Сэмом воевать!

Последний бой

Последний выстрел прозвучал вдали.
Закончился последний смертный бой.
Упал на грудь измученной земли
Боец последний — парень молодой.
И как обидно: кончилась война,
А вот парнишка — нем и недвижим.
Земля дрожит, печалится луна,
И выются тучей вороны над ним.

А он, безусый, — он мечтал любить,
Но пуля жизнь его оборвала.
В бою кровавом — лиха не избыть:
Здесь даже травы сожжены дотла.
Там, в смертном сне, — и пусто,
и темно.
Кровь с гимнастёрки смоем частый
дождь,

И ветер в материнское окно
Ворвётся с болью: мол, напрасно
ждёшь...
А он на землю будет с высоты
Смотреть, как ангел... Ей молить
добра...

И вспыхнут свечи — алые цветы —
Там, где совсем недавно смерть
прошла.
Погаснет лето. Ляжет листопад,
И землю обновит снежинок рой,
И только ветер вымолвит: «Солдат!
Болят ли раны — там, в земле сырой?»

* * *

Небо в синем облако купает,
Пахнет луг ромашкой, резедой.
Богоматерь Светлая, Святая,
Сохрани земли моей покой,

Чтобы зрело золотое жито,
Колосились мирные поля.
Чтоб в народе было позабыто,
Как горела отчая земля.

На челе страны моей — морщины:
Ближний враг собирает рать.

Тяжело и горько мне, как сыну,
Все её печали принимать.

Но нездешний говор слух мне режет,
И мне часто кажется порой:
Красота нерусских побережий
Обернётся пылью, мишурой.

У костра родного — легче греться.
Уж виски покрыла седина.
Я рождён в России,
с русским сердцем,
А у русских — родина одна.

* * *

Старик смотрел советское кино.
И убегала линия сюжета
В его весну, в наивные рассветы.
Он видел: колосилось рожью лето,
Казалось бы — ушедшее давно...

И лентой мчались годы перед ним
Далёкие... И сполохи сирени,
Друзей, подружек дорогие тени
Вернули те заветные мгновенья —
Прозрачных майских парков вешний
дым!

Та девушка... И не её вина,
Что с ним была стеснительно сурова,
Что не успел сказать святое слово.
Настанет день — она приснится
снова...

Но их любовь похитила война.
Судьба его — оставила в живых.
Пришёл с фронтов — ни звания,
ни чина —
Лишь седина да ранние морщины.
В России на слезу скупы мужчины,
И слава показная — не для них.

И видится ему который год:
Закрит дождями перелесок дальний.
В окне встаёт понуро день печальный.
Над Родиной его многострадальной
Седой туман из-за морей плывёт.

И пусть хапугам нынешним смешно:
«Всего-то и делов — медаль
«За Прагу»!

Он целым миром понят и оправдан.
Он знает эту горькую отраду:
Смотреть почти забытое кино.

* * *

Не имеет значения,
Кто окликнул тебя —
В позднем небе свечение
Возникает, скорбя.

Если ты оглянулась
На него так легко —
Это сердце столкнулось
Со своим двойником.

И внутри тебя — солнце,
Рыжий свет — листопад,
И дорога, что вьётся
Через облачный сад.

Там звенят самолёты
И цветут фонари,
И дома, словно соты,
Светят небом внутри.

И вблизи, и далёко
Протекает река,
Словно смерть, одинока,
Словно жизнь, глубока.

* * *

Бог есть листва и пустынная гладь
Мокрой дороги от края до края.
Тихий, разреженный воздух погладь —
Дождь опадает, как яблоки рая.

Слева — неоновый отблеск реклам,
Справа — грозы уходящей ворчанье.
Но неизвестно, куда повела
Мгла золотая: к любви ли, к печали.

И остановишься, чуть подождёшь.
Клён над тобой перестанет качаться.
Жаль, что окончился нынешний
дождь —
Крошечный дождик, похожий
на счастье.

* * *

Но смерти нет —
есть прерванный полёт,
Весеннее обыденное небо.
Пока душа безумная поёт,
Не надо зрелищ и не надо хлеба.

Ещё грачи над городом кружат,
Ещё в глазах черно от их мельканий,
Но вот уже бессмертьем воздух сжат,
И музыкой объаты даже камни,

Дома, деревья голые, асфальт,
Большие голуби и куртки
нараспашку,
И неба синего звучит высокий альт,
И облака с дождём вздыхают тяжко.

И мы с тобой по улице идём,
Перегоняя неизбежный ливень,
И сами мы становимся дождём,
Не ведая, когда и где погибнем.

Василий Попов

г. Москва

«ГОРИ, ГОРИ, ГОРИ, МОЯ ВЕСНА...»

* * *

Этот мир мне стал неинтересен
Ни с его великою борьбой,
Ни с тобой, что для народа тесен,
Призрак, именуемый толпой.
Если б не было детей и песен,
Если б не было простой любви,
Я б давно на жёрдочке повесил
Душу и себя бы загубил.

Но на свете есть такие дали,
В мире есть такая красота,
Что твои невзгоды и печали
По сравнению с этим пустота.
Эти звёзды, что всегда на небе,
Это небо, что всегда с тобой,
И земля, готовая к победе,
Даже если смертным будет бой.
Так смиришься разумный человек.
Видишь поле, за рекою лес,
Видишь солнце, свет наш
бесконечный,
Видишь, Бог идёт к тебе с небес.

* * *

А счастье есть, я знаю, вот оно,
Цветы в лесу о нём мне рассказали.
Гляжу на мир в открытое окно,
Как одуванчик с карими глазами.
Прости меня, и нежность, и любовь.
Я не писал давно об этих чувствах.
Ведь сколько сердце к жизни
ни готовь,
Всё полыхнет опять, лишь ветка
хрустнет.

Гори, гори, гори, моя весна,
Тебе одной дано меня восславить.
Но разве слава, слава мне нужна,
Когда придётся этот мир оставить?

Всему свой срок, всё в небе решено
И не помочь ни делом, ни слезами.
А счастье есть, я знаю, вот оно,
Цветы в лесу о нём мне рассказали.

* * *

Запели птицы на деревьях,
Проснулся двор и огород.
Ударил колокол в деревне,
И медный день пошёл в народ.
Звезду, что в поле просияла,
Туман повесил на сосну.
Старик несёт из сеновала
На вилах бледную луну.
На воздух бабушка из дома
В коробке вынесла цыплят.
Как пятна солнышка лесного,
Они под лавочкой сидят.
А на кровати возле печки
Во сне купается внучок:
Он ловит окуня на речке,
Червя сажает на крючок.
Как вдруг волна его кидает —
Корабль тонет, он плывёт.
На самолёте улетает,
В окопе бой за жизнь ведёт...
По ставням вязь бежит резная,
Сирень глядит ему в окно.
Он сладко спит, ещё не зная,
Что это Родина его.

* * *

Тёплый вечер, синий вечер,
 В тишине лежит село.
 Погасило солнце свечи,
 Но ещё совсем светло.
 Доит бабушка корову,
 Дед ведёт поить коня.
 Месяц выковал подкову
 В небе около плетня.
 Тихо, тихо ночь ложится,
 Успокоилась земля.
 Пусть деревня мне приснится,
 Да бескрайние поля.
 В чёрной сбруе понесётся
 Всадник, звёздами звеня.
 Молоком парным прольётся
 Топот млечного коня.

* * *

Даль, дорога, динь-динь-динь,
 Колокольчик аленький.
 Едет к миленькой один —
 Молодой да бравенький.
 Под санями снег хрустит,
 Серебро да золото.

Ветер по полю свистит,
 А ему не холодно.
 Держит вожжи на весу,
 Сам стоит, качается.
 Каждой ёлочке в лесу
 Снежно улыбается.
 Если звёздочкой серьга
 Подмигнула вечером.
 Что мороз нам, что пурга —
 Платье подвенечное.
 Скоро, скоро зазвенит
 Ручеёк по камешкам
 И весна заговорит,
 Снимет свои варежки.
 Едет парень холостой,
 Щёки мармеладные.
 Пар у лошади густой
 Расцветает яблоней.

* * *

Лепесток огня, оклад старинный,
 Богородица и три луча.
 Уронила ягодку рябины
 На ладонь мне красная свеча.
 Горькая, я знаю, будет доля,
 Бог решил меня так наказать.

Слишком много я себе позволил
 В этой жизни грешного узнать.
 Как же ярко светят в небе звёзды,
 И какая в мире благодать!
 Хорошо, что в доме мои слёзы
 Никому из близких не видать...
 Вот уже и свет, как белый аист,
 В клюве держит алую зарю.
 Господи, прости меня, я каюсь
 И за всё Тебя благодарю.

* * *

Край наш богат лесами,
 Реками да озёрами.
 Избы под парусами
 Выкрашены узорами.
 Утром плывут по полю
 В белом тумане лошади.
 Здесь про земную долю
 Песни поют хорошие.
 В каждой семье порядок,
 Свой огород с картошкой,
 Десять капустных грядок,
 Свёкла, морковь дорожками.
 Если на синем небе
 Дождь засверкает стрелами —
 Храм на горе, как лебедь,
 Крыльями машет белыми.

* * *

Где сверчок заводит песни
 В темноте глубин,
 Мы на лавочке все вместе
 Перед сном сидим.
 Жук откуда-то бордовый
 Возле нас упал.
 Добежит пешком до дому,
 Видимо, устал.
 День был жарким и тяжёлым,
 Всё дела, дела.
 В кружке спелый нам
 крыжовник
 Мама принесла.
 Ах, какой он всё же вкусный,
 Жаль, что мал стакан.
 Я представил, что арбузы
 Ем, как великан.
 Что мне горы подо мною,
 Что вода в реке.
 Поскакал я за звездой
 На гнедом коне...
 Вдруг, очнулся, испугался,
 Кто-то стукнул в дверь:
 «Ты чего там разыгрался,
 Догоняй скорей!»

Надежда Чванова

г. Сызрань

«СЛАВА БОГУ, ЕСТЬ СВЕТ И ЗЕМЛЯ...»

Среди ветров

Ударит дух полярный,
И я — во власти дум
О временах былинных,
О тех, что вновь грядут.
Как тонкая тростинка,
Стою среди луга я.
Трепещет паутинка,
Как сущность бытия
Меж будущим и прошлым.
А я — сегодня, здесь.
И только о хорошем
Хочу расслышать весть
Среди ветров полярных,
Волнений ковыля:
О том, что чистых ливней
Дождётся всё ж Земля.

Окоём

Слава Богу, есть свет и земля,
Небо, птицы, леса и поля.
Этим жить, этим душу лечить,
Как пред Богом у тихой свечи.
Лихолетий уймут круговерть
И невздадам помогут истлеть
Небо, птицы, леса и поля,
Солнца свет и родная земля.

Лишь бы им злобы ада не знать,
Сатаны неуёмную рать
Не встречать, а слагать окоём...
Остальное мы переживём.

* * *

За пеленою предрассветною
Вновь очертанья узнаю
Всего хорошего, заветного
В родимом, ласковом краю.
Там среди улицы доверчиво
Стою, дыханье затаив,
Чтоб не спугнуть такой застенчивый
Меня настигнувший наив.
Льнёт к сердцу горьковато-сладостный
Печурок деревенских дым...
Теперь к моей привык он слабости
Его отыскивать следы
В хрустящем от мороза воздухе,
В его оттаявших клубах,
Что оседают мягко, в роздыхе
На чуть обветренных губах.
И вспоминается хорошее
В родимом, ласковом краю,
Что и за пеленою прошлого
Люблю и сладко узнаю.

* * *

Грозный ворон, зря не каркай
И угрюмо не кружись.
Знаю, вовсе не подарком
Предстаёт пред нами жизнь.

Но гляди: сквозь хмарь пробились
Вешних дней голубизна.
Их живительная милость
Вновь природою дана.

И пернатые собратья
Развесёлые твои
Распевают песни счастья,
Коим доброе творить.

Так проникнись их весельем,
Опровергни злую хмарь.
Строк небесной акварелью
Вторгнусь я в весны словарь.

Закружится, заиграет
Жизнь в тебе да и во мне.
Счастлив тот, кто распознает
Направление к весне.

Подснежник

Как стебли подснежник
из жухлого снега,
Спешу я поднять
руки гибкие к небу.

Расправить спешу
занемевшую спину.
Как стойкий подснежник,
не сгину, не сгину!

Подобно ему
ток земли я впитаю —
Взметнётся души
лепестковая стая,

Глаза распахнутся
навстречу апрелю.
Как жизни самой
я подснежнику верю!..

Не зря он, упруг
и легко осязаем,
Пробился так явно
в моё подсознание.

* * *

Вот оно — непаханое поле,
Где простор извечный для души.
Вырваться стремительно на волю
Вновь строка упрямая спешит,

Чтобы вспашку и посев осилив,
Предвкушать достойный урожай.
...Так бы и по всей родной России,
Каждым уголочком дорожа,

Вздыбить всё отжившее, худое
Плугом на распластанной земле
И отбросить. Семя дорогое
Отыскать, как бриллиант в золе,

В землю посадить. И всходов славных
Ожидать, предчувствуя душой,
Что от них, как от стихов желанных,
Станет и светло, и хорошо.

* * *

Проснулась река. За собою маня,
Подёрнуты рябью, бегут её воды.
Их ветер апрельский рванулся гонять,
Раздув паруса долгожданной свободы.

И вскоре наполнятся ею река,
Её берега и прибрежные дали.
Дорога к ним будет вольна и легка.
И я удержусь от побега едва ли

Туда, где раскроет объятья простор,
Где ветер и сам одурманенным станет,
Где речка, свернув за крутой косогор,
О чём-то о новом поведаёт втайне.

Галина Елисеева

г. Сызрань

«Я, СБРОСИВ СВОЮ ЛЯГУШАЧЬЮ ОДЁЖКУ, ЦАРЕВНОЮ ЮНОЙ В СИНЬ-ВОДУ ВОЙДУ...»

* * *

Вот-вот на Волге дрогнет вешний лёд,
И затрещит, и гулко содрогнётся.
И синью засверкав на вешнем солнце,
Вдаль вереницей льдины понесёт.
Не нужен Волге нынче ледакол,
Насилия не нужно над рекою,
Сегодня солнце выдалось такое,
Что вспашет лёд, как землю пашет

вол.

Лобзанье и крушение мощных льдин.
И вновь искрится волжская
стремнина,
Хотя вдоль побережья, недвижим,
Мерцает лёд незыблемой равниной.
Пусть хор звонкоголосых вешних
струй

Окликнет вновь окрестные деревни,
Когда горячий солнца поцелуй
Разбудит Волгу, спящую царевну.

* * *

Под чарами обманщика апреля
Хлопочет бедной Золушкой весна.
Не видно солнца в тучах, но теплеет
И комната становится тесна.
Дождём апрель поманит, градом
вдарит —
Апрель-апрель, лукавый юный друг.
С утра грозился солнечным ударом,
К обеду снегом разразился вдруг.

Но Золушек выводит он в принцессы,
Красавицами маю отдаёт.
И несмотря на разные эксцессы,
В сердцах растопит зыбкий зимний
лёд.

Люблю апрель за щедрые подарки,
За крылья, что несут нас в небеса,
За ожиданье встречи в старом парке,
Где жизнь вместилась в звонких
полчаса.

Шагну из тени сумрачных событий
Печальным обстояньям вопреки.
И обрету в душе своей обитель,
Где прошлые невзгоды мне легки.
...Иду по тонкой грани мирозданья,
Рискуя вниз — сорваться, вверх —
взлететь.

Остановясь, перевожу дыханье,
И выбираю жизнь, отринув смерть.

* * *

Объятья воскресному утру раскрою.
Наполнится птичьими трелями двор
Пусть тонкая штора летит
над землёю,
Янтарные пятна слагая в узор.
За домом грохочет-проносится

поезд,

Спешит-убегает на солнечный юг
По берегу Волги, где травы по пояс,
Где синь разлилась, словно море
вокруг.

На маковке знойное волжское лето...
Надену-ка шляпку свою набекрень.
Ах, шляпка моя из вчерашней
газеты —

Пусть солнце читает газету весь день.
Рачейское озеро не обмелело...
Здесь ветер, попутно косицы надрав,
Окрестным берёзкам, летит ошалело
Туда, где содружество солнца и трав.
Рачейское озеро, я ль не сестрица
Тебе, так позволь мне испытать эту
глубь,

Позволь мне простором твоим
насладиться,
Водица родная, меня приглубь!
Тревоги-сомненья уйдут
понемножку,

Отринув тщету-маету-суету,
Я, сбросив свою лягушачью одёжку,
Царевною юной в синь-воду войду.

* * *

Много неба и много простора.
Взгляд ласкают вдали купола.
За околицей, на косогоре
Церковь брошенная замерла.
Не сказать, что сплошные руины:
Сохранила высокую статью
И на фоне божественной сини
Эту церковь далёко видать.
Изувечить её попытались...
Что поделать? Таков человек.
Растащили алтарь, надругались,
Чёрту ладан несносен вовек.
Отсекла её позже дорога
От исконно родного села,
Где дворов сохранилось немного,
Вместе с прошлым и жизньутекла.
Церковь русских заблудших селений,
Что скрывает о прошлом печаль
И тоску безутешных молений,
Мне её, бездыханную, жаль!
Пусть хотя бы в стихах воспаряет
В небеса, где плывут облака...
Пусть потомки однажды узнают
Правду, хоть эта правда — горька.

* * *

Лазурное небо. Бескрайняя ширь.
Над речкой старинный стоит
монастырь.
Здесь Крымза, играя, впадает в Сызу.
И россыпь домов Засызранья внизу.
Здесь тянутся к солнцу церквей
купола.

В молитвах возносится Богу хвала.
Собор Вознесенья с руин возрождён.
Закончилась эра безбожных времён.
Положено много во благо трудов:
Вот сад монастырский в сиянье
цветов.

Ворота распахнуты для горожан.
И всякий входящий здесь нужен
и ждан.

Монахи живут без вериг и оков,
Моля о прощении наших грехов,
Молясь неустанно и ночью, и днём,
И тьму разгоняют священным огнём.
С покрытой главою под своды
вхожу.

Спокойствие духа в тиши нахожу.
Меня отпускают досада и грусть,
Когда я о душах родимых молось.

Девичье гадание

Ах, как жутко в январской ночи
Оставаться на святки одной!
Я сижу у холодной печи.
В уголке зашуршал домовою.
Навевающий ужас и страх,
Ветер воет по-волчьи в трубе.
Косы я распушу и впотьмах
Дань воздам в эту ночь ворожбе.

Две большие свечи, воспылав,
В лабиринты судьбы уведут.
Отраженье зеркал в зеркалах.
— Где же суженый-ряженный тут?
В колдовских заклинаньях тону,
Любопытством девичьим горю...
В зазеркальную стынь-глубину
В эту ночь без опаски смотрю

Где ты суженый ряженный мой —
Вопрошаю глубины зеркал...
Скоро-скоро вернётся домой,
Тот, кто суженым-ряженным стал.
А для счастья и надобно мне,
Чтоб скорей оседлал он коня,
Чтобы даже на быстром коне
Не объехал мой милый меня.

Джабраил Яхъяев

г. Воронеж

«ЕДУ КЛАНЯТЬСЯ ОТЧЕМУ ДОМУ...»

Тальшский хлеб

Щина Хыдо*, снова снится
Разожжённое таню**,
Бабушка кладёт на скатерть
Горный хлеб — горячий нюн***.
И как в детстве, помня голод
И тальшские дожди,
Прижимаю, словно солнце,
Этот хлеб к своей груди...
Светит он теперь как знамя
Края горного огня
И горит, как путеводный,
До моих последних дней.

* Щина Хыдо» — Господи! (тальш. яз.).

** Таню — тандыр, глиняная печь для хлеба (тальш. яз.).

*** Нюн — хлеб (тальш. яз.).

* * *

В поисках неведомого счастья,
Отняли мы Сердце у земли
И, пронзая небо, самовластно
К звёздам воздвигали корабли.
Но в безмерном грохоте открытий,
Кажется, никто не слышал, как
Повторяло Сердце:

— Сохраните

Эту землю, эти облака...
Мы открыли Сердце нараспашку.
Но, заставив города цвести,
Ничего прекраснее ромашки
Так и не смогли избрести.

* * *

Еду кланяться отчему дому.
Путь мой ясен — поля и поля...
На безлюдных Господних ладонях
Зеленеет живая земля.
Это Родина... Синее небо
Обнимает широкую даль,
И поет первозданный молебен
Уходящая к людям вода.
Это Родина... Мать у порога,
Не сводящая взора с пути,
По-тальшски молящая Бога
Сыновей сохранить и спасти.

* * *

Благодарю тебя за сны,
За ночь воронежского чуда,
За след глубокий вдоль спины
И не разбитую посуду.
Я думал, нужно умереть,
Чтобы когда-нибудь проснуться.
Но ты... опередила смерть,
Дав обещанье не вернуться.
Как много прожитых дорог
За эту ночь перечеркнулось!

Что оставалось между строк,
Вдруг самым важным обернулось.
И я открыл своё окно,
Чтобы твою развеять тайну.
...и тайны больше нет. Со мной
Проснулась комната пустая.
И я тебя благодарю
За эту боль и пробуждение.
Я полон света — пью зарю,
И путь мой видит продолжение.

Вечерняя прогулка

В вечернем блеске мы идём
По белому пути аллеи.
Во глубине мечту лелея,
Ты белым увлеклась венком.
И, утомившись, даришь ты
Улыбку сонному закату
И звёзд проснувшихся набату.
А я-то знаю, что грустишь.
И я страдаю, хоть убей.
Но успокоюсь я тогда лишь,
Когда увижу, как качаешь
Рукой усталой колыбель.

* * *

Подниму ль тебя на руки, лёгкую,
Закружу ль тебя ветром безудержным,
Ты всё только хохочешь без умолку,
Хохотушка моя светлоокая.
Так давай убежим в поле летнее,
Что вчера до заката мной скошено.
Там отцовский есть домик
заброшенный,
Доживающий годы последние.
Эх! Вдохнем мимолётную молодость
В эти стены, живущие прошлым. И...
Загоримся вечерними окнами
Средь безлюдного летнего холода...

Наталья Борисова

г. Оренбург

«И НЕ НАДО СУДЬБЫ ДРУГОЙ...»

* * *

Каждый охотник желает знать,
Где затаилась дичь.
Всякая женщина хочет стать —
Лучшею из добыч.
Не завоёванной налегке,
Не побеждённой враз,
А быть хочу журавлём в руке,
Нужной до слёз из глаз.
Я же — особенное зверьё,
В шаге — оленья стать.
Можешь своё опустить ружьё,
Мне на него плевать.
Я не запутываю следов,
Скрытности здесь — зего.
А из-под цокающих каблуков
Сыплется серебро.
И не звериная вовсе грусть
В дикой груди живёт.
Знает охотник, где я пасусь,
Знает, да не убьёт.

* * *

*«Буду родную твердь
Снизу держать и гнуть
Кверху».*

Максим Сергеев

Горько ли, плохо ли — будь.
Будь, существуй, живи.
Твой бесконечный путь
Полон моей любви.
Тьмы не страшись ночной,
Смейся в угоду дня.
И непременно спой
То, что не спела я.
Слёз обо мне не лей,
Ясный не порти взгляд.
Из-за чужих морей
Я ворочусь назад
В шёлковых парусах,
Ветром среди живых,
Нежиться в волосах
У дочерей твоих.

Пустое место

У кого-то хобби — фигурки лепить из теста,
У кого-то семья, у кого-то кипит карьера.
У меня есть совсем небольшое пустое место,
Ну почти незаметное, где-то с тебя размером.
Посмотри, как заманчиво с улицы светит солнце,
Пробивается смело в любой уголок квартиры.
Только этот разрыв не латается и не шьётся,
А попытки починки множат и множат дыры.
Я встречала других, но они в этот паз не входят
(Главный минус любви — не бывает она по ГОСТу).
На такую машину запчасти не производят.
Это очень грустно и до смешного просто.
Не смертельно это, земля не прервёт вращения,
Мы научимся жить, научимся «брать и помнить»,
У меня будет всё: от признания — до презрения.
Будет всё... и место, которое не заполнить.

* * *

Я к спине прижимаю, насколько хватает сил,
Два огромных, у жизни украденных мной, крыла,
Чтобы ты, не дай Бог, не заметил и не спросил:
— Где взяла?
У меня ничего не осталось от прошлых лет.
Только синий, как Шива, божественный лазурит.
Слишком крепко я прячу камушек в кулаке,
Он горит...
То ли я научилась ложь предъявлять как быть,
То ли ты невнимателен или, подавно, слеп.
Там, где можно лететь, я иду, поднимая пыль,
След во след.
Пред тобою небо бросает свой звёздный крап,
Под ногами надёжно и верно лежит земля,
И стоит на ней твой бессмертный крылатый раб —
Это — Я.

Уходит счастье

Из сотен возможностей упущены только главные —
Сквозь пальцы песком, на ветках незримым инеем.
Опять, проиграв поединки судьбы неравные,
Уходит счастье с простым и приятным именем.
А когда ты опомнишься несвоевременно,
Оно сбежит, как муза от композитора,
И лишь вдали печально и неуверенно
Мелькнёт рукав его голубого свитера.
Уходит счастье тоннелями, коридорами,
Пока решаются мелкие неурядицы.
Его не слышно за глупыми разговорами,
Уходит счастье и растворяется, растворяется...

* * *

Здесь поля без края... без края и без конца.
Только дикий ветер кромсает степную даль.
Если это мир, где сын предаёт отца,
Мне его не жаль, ни капли его не жаль.
Мне не жаль покинуть сумрачный континент,
Вбить кинжал забвения по самую рукоять.
Если родина там, где родины больше нет,
То её не страшно, не страшно совсем терять.
Позабить навек не страшно её простор,
Гладь озёр и горного эха далёкий крик.
Позабить не страшно и говор, и разговор,
Все былины, сказания, песни, да сам язык...
Но, как звёзды, сверкнули слёзы на образах,
И запел рассвет над чёрной речной водой,
Вся Россия вдруг утонула в твоих глазах,
И не надо стало судьбы и страны другой.
Растворились немые улицы городов...
Я смотрела вдаль и всё не могла понять,
Как такая огромная, пламенная любовь
Поместилась в такую маленькую меня?

* * *

Мне спасеньем от жизненной смуты,
Родниковым холодным глотком
Стали эти четыре минуты,
Что зовут телефонным звонком.
Значит, Отче тебя не оставил,
Значит, слышно в саду неземном,

Как шепчу я сухими губами
В полутьме 90-й псалом.
Жизнь не балует, не удивляет
И скужится на добрую весть,
Но спасают меня, оживляют
Долгожданные 3,56...

Мне, назло безучастному миру,
Погибать теперь не с руки.
Воскрешай меня, реанимируй,
И Господь тебе помоги.

Александр Мишенков

г. Сызрань

«О, ВОЛГА! РАЗВЕ МОЖНО НЕ ВЛЮБИТЬСЯ В ТВОЮ НЕПОВТОРИМУЮ ВЕСНУ?..»

* * *

Бесконечные русские дали,
Перекрёстки путей и дорог,
С юных лет к путешествиям звали —
Отказать я им в этом не смог.

Колесил по стране синеокой,
По берёзовым рощам бродил,
А ночами с луною далёкой
Я стихами всегда говорил.

Мне постелью служила природа,
Одеялом — родной зодиак...
Полной грудью вдыхал я свободу
И не мог надышаться никак.

Погуляв по просторам Отчизны,
Я с любовью её воспевал,
Но прекраснее города Сызрань
Никогда и нигде не видал.

Земля отца

На Радунцу съезжу в Городище —
Деревню, где родился мой отец.
Там ветры по ночам в подворьях
свищут
Да волки страх наводят на овец.

Затопим с братом рубленую баню,
Попаримся, плеснув на печь кваском,
Родителей, друзей своих помянем,
За чашкой чая посидим рядком.

И вспомним детства солнечные годы,
Поездки от колхоза на Форос,
В ночное пионерские походы,
Девчоночку с медовым блеском кос.

И станет на душе светлее, чище...
А если вдруг хандра в полон возьмёт,
Опять махну в деревню Городище:
Земля отцов нам силы придаёт!

* * *

Незнакомый, с большими глазами,
На крыльчке сидел рыжий кот.
На побывку приехал я к маме —
Отдохнуть от житейских забот.

Старый дом с покосившейся крышей,
Как и прежде, приветлив и мил.
Из окна репродуктор был слышен —
Он исправно нам с детства служил.

В окружении яблонь — беседка,
Через сад к ней тропинка ведёт,
Где однажды девчонку-соседку
Целовал я всю ночь напролёт.

Где весёлые песни с друзьями
Под гитару любили мы петь...
Потому и приехал я к маме,
Чтобы душу свою отогреть.

Волжская весна

Гонима ветром волжская волна,
Ломая лёд, на солнце серебрится.
И радуются люди, звери, птицы:
Пришла на землю звонкая весна!

Зазеленели ивы у реки,
Моторка где-то тихо заурчала —
На берегу старинного причала
Готовят снасти к ловле рыбаки.

А рядом суетится детвора:
У взрослых есть чему им поучиться.
Отлить грузило, смастерить
жерлицу —
Они уже большие мастера.

Вот ветерок опять качнул волну
И полетел, кружась, свободной
птицей...
О, Волга! Разве можно не влюбиться
В твою неповторимую весну!

* * *

Я в реверансе не припадала
И не заигрывала с судьбой,
Я с ней как в мячик всегда играла.
Мне говорили наперебой:
— Молчи, ни слова о личной жизни!
И счастье зыбкое не зови...
Но я-то знала: как солнце брызнет,
Поймут, что пела я о любви...
А впрочем, может, напрасно пела
И о другом надо было кричать?
Впрочем, мне жаль, что я не умела
Перед завистниками молчать.
Глядишь, всё было б и ладно, и гладко,
Глядишь, и жила бы как все —
жизнь добра,
Но в ней неразгаданная загадка:
Льёт маслице часто в огонь костра.
Горит-полыхает и ярко, и страстно...
Вновь повод получит, наверно, молва,
А я пою о любви. Напрасно?.. —
Но просятся в песни мои слова.

* * *

То — живое, медвяно-румяное,
Над погостом средь белых берёз,
То — седое, как оловянное,
И — лиловое на мороз...

То — безбрежно аквамариновое,
То — глубокое, как душа,
То — приветливое, малиновое,
Льётся в душу мне, не спеша,
Небо родины! — вечное, близкое,
Истомлённое болью веков,
То — высокое ты, то — низкое
В обрамлении облаков.
То — заплаканно перламутровое,
То — на бархате искры звёзд,
Но всегда по-житейски мудрое
Или трогательное до слёз.

Шёпотом

...И буквы не шепчут, и строки пусты,
И тихо-то, тихо-то как! —
Лишь лучик дрожащий упал
на листы...
И ты не звонишь мне, чудак!..
А ветер гуляет свободно, как кот,
Гуляющий сам по себе,
А мне не хватает небесных щедрот
И печки горячей в избе...
А мне бы хотелось и нежности рук,
И шороха тихих страниц,
И говора сердца: под горестный стук
Слезами — дорожки с ресниц...

Но ты мне негромко сказал бы:
— Не плачь,
Пустое всё, эти слова...
Неправда, что время наш лечащий
врач,
Седая твоя голова...
И мы на огонь бы смотрели с тобой,
И снова, привычно тихи,
И нашей отрадой, и нашей судьбой,
Спускались бы с неба стихи.

* * *

Не давай мне обещанья,
Ложью сладкою губя.
Наступает час прощанья,
Позабуду я тебя.
Всё забуду: губы, руки
И объятия-тиски,
И своих печалей муки,
И свиданья у реки.
И речей горячий шёпот,
Жар пылающих страстей,
И укоров колкий ропот,
И подарки без затей.
...Твой трамвай уехал к дому,
Громыхая и звеня.
Да и я... уйду к другому,
Словно не было меня.

Эвелина Глазкова

г. Самара

«СТОИТ ПОД АНДРЕЕВСКИМ ФЛАГОМ И НЫНЕ РОССИИ НАДЁЖНЫЙ ДЕРЖАВНЫЙ ОПЛОТ...»

Бессмертный полк

День Победы! Праздник Славы!
Для России день священный.
Он добыт в боях по-праву,
Он — коленопреклоненный...
Окончание парада...
И пошла на плац колонна...
Будто всполохи разряда —
Заметалась скорбь бездонна...
То Бессмертный Полк шагает
И колышется волною.
Толщу лет насквозь пронзает,
Будто пущенный стрелою...
И мы видим лица павших,
Не доживших до Победы,
За Отчизну жизнь отдавших...
Здесь отцы идут и деды.
Сквозь слезу гляжу и вижу,
Что в строю-то молодые...
А колонна ближе, ближе,
И герои как живые!

* * *

Из глубин души моей
Рвётся крик: люблю! Люблю!..
Ветер, мне лицо овей,
Будто пряди ковылю.
Прочь оковы разметав,
Забурлила кровь, как встарь.
И, взметнулся с двух октав,
Крик на солнечный алтарь...
Так, что даже журавлю
Слышен в выси голубой.
Только крик мой: «Я люблю!»...
Ты не слышишь, дорогой!
Всё ушло. Зачем опять
Сердце шепчет вновь: «Люблю»!
Повернуть не в силах вспять
Время, крылья опалю...
Но любви, как встарь, сдаюсь.
Пусть приходит, уступлю...
Ничего я не боюсь,
Если я тебя люблю!

* * *

Стою и люблюсь красавицей ивой,
Её ниспадающей дивною гривой.
И ветви у ивы опущены долу,
И ветер колышет кудрявую крону.
Порою мне ива романс напевает
И в сказку зовёт, и мечты навевает.
Порою печалится вместе со мною.
Прекрасная ива мне стала родною.
А солнышко с ивушкой в прятки
играет,
И россыпи света на иву кидает.
Пусть словно невеста под светлой
фатою
Останется ива всегда молодою.

* * *

Весна, весна. Пора томленья,
Сердечных ритмов ускоренья.

Пора любви, безумств, свиданий
И первых трепетных признаний.
И здесь неважно сколько — Время,
Стремглав, успело набежать —
Любовь в любое метит племя.
Кольнёт... и нечем вдруг дышать...
Она летает по планете
И вихрем кружит в сердце кровь...
Весной за это всё в ответе
Её величество Любовь!

Военно-морскому флоту России слава!

Истоки идут от царя Алексея:
Построен был первенец флота
при нём.
Красавец «Орёл». И с него одиссея
Российского флота с державным
царём.

«Военному флоту морскому России
Обязано быть! Без него никуда» —
По слову Петра в непрестанном
усилье
Рождались на верфях морские суда.
Великой морской державой по праву
Зовётся давно уже наша страна.
Отвагой оплачена вечная слава
Российского флота на все времена.
Стоит под Андреевским флагом
и ныне
России надёжный державный оплот
Суровым и гордым былинным
Добрыней
Военно-морской героический флот!

Виолетта Куделина

г. Оренбург

«ГОЛОС ЕГО – ГОЛОС БЛУДНОГО ВЕТРА...»

* * *

Голос его — голос блудного ветра,
Не поддавайся ему.
Он, возмнивший себя поэтом,
Заманит тебя во тьму.
Призывно окликнет тебя в тумане
Под ливень в июльский зной,
Не верь ему, ведь он по пьяни,
Не стань ещё одной-очередной.
Ты думаешь, он для любви распахнут.
А он доживает свой век.

Грозится отдать последнюю рубаху,
Уверяет, что он человек!
Но чтобы выжить, должен напиться
Энергией юных сердец.
Не слушай его, улетай вместе
с птицами
Если влюбишься, это конец!
Вчера он по городу, как привидение,
Шлялся с твоею знакомой,
Ведь в полнолуние его поведение
Становится более томным.
Он нежно обнимет тебя за талию,
Заманит гулять по крышам,
Станет стихи нащёптывать
и так далее...

Не верь, не верь ему, слышишь?...
Бродяга без телефона и адреса,
Что ни день — то новый заскок...
Так почему же он тебе нравится,
Словно выстрел контрольный
в висок?..

* * *

Вновь падать и упрямо подниматься.
Не подливать в живое кипятком.
Поставив цель, её же добиваться.
И принимать полученный итог.
Я больше не боюсь душевной боли,
В букет собрав колосья спелой ржи.
И ран моих, что ты посыпал солью,
Не исцелит анестезия лжи.

Так хочется спокойной стать
и сильной,
Но снова ранит слово, словно нож.
А люди процветают в изобилие
Собой всяк занят, для себя хорош.
Снег падает, а ты не падай,
Пока в тебе течёт электроток...
Загадай желание под лампадой,
Даже если устал и продрог...
Отнесись проще к окружающим.
Эта жизнь — интересный учебник.
И прощай, в никуда уезжающий
Навсегда мной любимый
волшебник!

* * *

Ты выбирала тех, кого ты презирала.
Зачем-то в ноги поклонялась им.
Нет, я тебя отнюдь не осуждала,
Но подчинилась правилам иным.
Мне страшно за тебя, а что же
дальше?
Как высоко ты во вранье пойдёшь?..
Слова твои — исчадья пошлой
фальши.
За сладкими речами скрыта ложь.
Ты думаешь, что высоко взлетела
Освоив суету карьерной лжи?
Ты завралась до самого предела
И вниз летишь, считая этажи...

* * *

Некому больше адресовать баллады.
 Писать длиннющие письма, от слёз простудиться.
 Завтра, я знаю, опять всё пойдёт не по плану —
 В том, чего нет, главное — не заблудиться.
 Мимо бомжи, фонари, витрины, пыльные переулки,
 Сорванный лист выцветшего календаря,
 Юные драмы, звук шагов, на морозе гулкий,
 Чёрный от фейерверков снег усталого января.
 Отчего я кажусь другим печальной и равнодушной?..
 Отчего заживают плохо в сердце прежние раны?..
 Режут слова по живому тобой опалённую душу.
 Пора создавать новой жизни печальные главы.
 С высшей ноты начну! И ни тоном ниже!
 Не покидайте меня, вдохновенье и лёгкость.
 Может быть, даже ты сегодня меня услышишь,
 Узнаешь среди других мой звенящий от юности голос.
 Мне хотелось собрать в букеты звонкие звёзды.
 Положить их нежно к усталым твоим ногам.
 Пусть даже любовь — это только дурманные грёзы,
 Но благодаря этим грёзам люди подобны богам.
 Так и живу на земле — не красавица вовсе небесная.
 Порой обжигаю прохожих распахнутыми глазами.
 Неужто окажутся даже стихи бесполезными,
 Влетая в холодный огонь беспечными мотыльками?..

* * *

Наслаждайся спокойно своим величием,
 Замолчу, не тратя слова напрасные.
 Никого не затмила я, не обезличила,
 И не стала стервой расчётливо властной.
 И в глазах моих снегом и звездопадами
 Пролетают события прошлого времени.
 Я храню свою тайну вовек не разгаданной.
 И зачем эта тайна людскому племени?
 И ладонь позабыла тепло мгновения,
 Словно нечто ненужное, непристойное,
 Улеглось бесприютной души волнение,
 Я теперь одинокая, но спокойная.
 Я теперь понимаю, что счастье считают по осени.
 Что сиянье весны по сравнению с вечностью?
 Я тебя не теряла, а просто бросила
 Невозможно быть временным до бесконечности.
 Обещай, что не будешь слать мне вослед проклятия,
 Мы же были когда-то друг другу нужными...
 Я раскрою солнцу свои объятия
 И на север отправлюсь с ветрами южными.

* * *

Ночью мне снова печальное озеро снится,
 Травы колышатся, листья роняют деревья;
 Люди по улицам бродят, людям не спится!
 Люди стремятся в город и покидают деревни...

Заветное озеро сплошь заросло трясинной.
 Совсем непрозрачной сделалась в нём водица.
 Шушукаются камыши и всё покрывает тина.
 И негде заветной целебной водицы напиться...

А я рождена бесприютной и горькой полынью
 Не для веселья и вовсе не для забавы.
 Но не унываю, наслаждаюсь небесною синью,
 Хоть шепчутся за спиною целебные травы...

Листья взростлеют и покидают деревья.
 Милое озеро горькой полыни снится.
 Спи-засыпай, покинутая деревня...
 Ты хоть усни, если травам душистым не спится.

* * *

Тайно в душе рождается стихотворенье.
 Чтоб для людей стать на вопросы ответом.
 Слово, словно дитя, и по праву рождения
 Ждёт пониманья, а вовсе не аплодисментов.

Оно не приемлет притворства, обмана и лести,
 Истине служит оно, не страшась наказания.
 И не живётся ему в тихом уютном месте,
 Русский простор — вот среда его обитания.

Я отпускаю слово на небо, пускай летает.
 Я опускаю его на землю: «Ступай свободно!..»
 Оно высоко взлетит и потом меня не узнает.
 Видимо, небу было такое угодно.

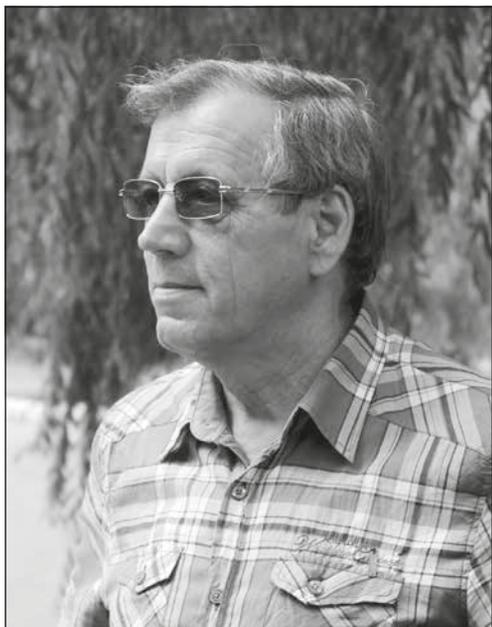
Если покажется слово моё некстати.
 Правда частенько выглядит слишком резкой,
 Не осуди его строго, взыскательный мой читатель.
 Да не судим ты будешь! Поговорить-то не с кем.

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Евгений Семичев

РЕАНИМАЦИЯ РЕДАКТУРЫ

Круглый дистанционный стол с таким названием, мысль провести который пришла мне летом 2016 года, был опубликован в бумажных и электронных изданиях и получил большой резонанс. Уже в процессе публикации ряды участников Круглого стола из числа ведущих писателей России сильно расширились. Говоря о прискорбном состоянии института редактуры в стране, писатели попутно затрагивали множество интересных вопросов. В частности, о статусе писателя в других странах мира. Об этом было выступление Евгения Семичева, вызвавшее особый резонанс. Предлагаем это выступление вниманию читателей альманаха «Отчий Дом».

«Мы — счастливые писатели. О нас хорошо заботится государство. Члены ассоциации китайских литераторов делятся на три разряда. Писатели первого, самого высшего разряда, имеющие несколько книг и всекитайскую популярность, получают ежемесячно зарплату профессора университета (это, примерно, 8-9 тысяч юаней, или 80-90 тыс. российских рублей — прим.Д.К.). Писатели второго разряда, имеющие популярность в провинциях, ежемесячно получают зарплату доцента (6-7 тыс. юаней). И писатели третьего разряда — начинающие молодые авторы — зарплату преподавателя вуза (5 тыс. юаней, в переводе на реалии современной России, примерно 50 тыс. рублей). Кроме того, помогают правительства провинций. Это квартиры, машины и т.д. Помогают и администрации городов. Это дачи, творческие командировки. Мы живём творчеством, не думая о куске хлеба. Мы действительно счастливые писатели Китая». Цитата закончена. Мне могут возразить, мол, это Китай — великая империя и огромная страна. Но вот если взять маленькую Финляндию, то мы увидим, что даже имеющему единственную изданную книгу писателю государство пожизненно выплачивает стипендию. Понятно, конечно, что книга должна быть книгой не только в полиграфическом, но и в художественном литературном отношении. Ну а теперь от счастливых своих и социально защищённых государством китайских и финских коллег вернусь к российским — книгоиздательским и редакторским (а они в идеале должны быть неразделимы) — реалиям. Редакторская система в советское время была фактически глубоко эшелонированной обороной против графомании в издательском деле. Автор книги и его книга вовсе не оставался один на один с редактором, чтобы, видимо, исключить творческий произвол со стороны последнего.

До момента своего выхода в свет каждая книга проходила многоступенчатую редактуру — существовала редактура литературная, был редактор художественный, редактор технический... Если главный редактор государственного издательства был поэт по жанровой принадлежности, то замом обычно назначался прозаик. То есть существовал чёткий жанровый баланс в руководстве издательством. Хотя все мои книги вышли уже после развала советского книгоиздательства, я, как автор, в Самаре ещё немного застал советскую издательскую систему, в лихие-девяностые работающую на мощной силе советской инерции. Ну а потом в Самаре благополучно почило в бозе Куйбышевское книжное издательство, и ныне авторы отданы на откуп издателям-частникам. То есть, чтобы издать книгу, ты должен найти спонсора. Про авторский гонорар даже речи не идёт. Советская система книгоиздания и в частности институт редакторства не были каким-то ноу-хау, а лишь позитивным опытом монархической России в этом плане. И я думаю, что это наиболее оптимальная система, когда издательства служили фильтрами литературных текстов. И оптимальнее всего возродить именно такую систему. Сейчас, когда главным «редактором» стали деньги, то естественно катастрофически упал и уровень издаваемой литературы — и не только в профессиональном смысле, но и в интеллектуальном, художественном, не говоря уж про нравственность. Издаваемость автора зависит от кошелька автора, так не должно быть. Раньше прежде чем быть изданной и стать книгой, рукопись проходила множество фильтров — обсуждение на литературных секциях и семинарах, работа автора уже непосредственно с литературным редактором, а сейчас большинство книг — скороспелки. Вспоминается анекдот. Два писателя встретились, интересуются друг у друга, как дела. Один говорит: «Да вот роман написал за 3 месяца, уже три года не могу пристроить в издательство». Второй отвечает: «А я писал роман 3 года, через три месяца у меня книга выходит». Но этот анекдот, который, конечно, говорит об ответственности авторской творческой работы, был актуален во времена государственного книгоиздания. А сейчас если автор имеет деньги на издание книги, она будет издана, даже если уровень её ниже низкого, и не за три месяца, а буквально за три недели.

Эдуард Анашкин

«ЕСЛИ НЕ СДОХНУ С ГОЛОДУ, ТО СТАНУ БОЛЬШИМ ПОЭТОМ...»

С ранней юности я не только веду дневник, но и собираю письма писателей, что мне адресованы. Интересно бывает перечитывать их, как бы возвращаясь в прошлое. Читаешь, и словно молодеешь. Ощущаешь дыхание прошлой эпохи, ловишь себя на мыслях, порой неожиданных. Об этом и многом

другом думалось, когда в преддверии 60-летнего юбилея выдающегося поэта-земляка Евгения Семичева, по совместительству моего давнего друга, просматривал семичевские письма ко мне. Слегка пожелтевшие листы бумаги, которые сохранил в надежде, что когда-то мне доведется писать о Семичеве, как о поэте не просто незаурядном с точки зрения филологии. Но — глубоко национальном, что для меня куда как важнее. 5 ноября 2012 года Евгений Семичев празднует свое 60-летие. Уверен, немало найдется в современной России замечательных писателей, которые захотят сказать свое слово о Семичеве. Но одно из таких слов вправе сказать и я. Десятилетия дружбы дают такое право.

Письма... Семичев не из тех, кого можно назвать поклонником эпистолярного жанра. В чистом виде поэт, настолько поэт, что даже, видимо, проза в виде письма для него затруднительна. Это не мои догадки, Семичев сам в этом признался в одном из писем ко мне. Тем ценнее те немногие семичевские письма, что хранит мой архив... Вот, к примеру, письмо, которое он отправил мне незадолго до своего отъезда в Москву на Высшие литературные курсы в 1995 году: «Ты меня достал своими письмами. И я решил написать тебе ответ. В конце апреля выходит новая книга стихов «От земли до неба»... Теперь отвечаю на твои вопросы. Первые мои стихи опубликовал Владилен Кожемякин в «Дне поэзии» (имелся в виду выходивший в Куйбышеве альманах «День поэзии» — Эдуард Анашкин), за что я ему благодарен. 1974 год — первая моя публикация. В институт культуры пошел потому, что плохо учился в школе. Направление получил в Кострому. Но проработал там всего два месяца и уехал, оставив записку: «В гробу видал я вашу Кострому». Работал преподавателем на кафедре театральной режиссуры — год.

Потом уехал в Мичуринск и поступил в драматический театр. Никто меня там не ждал. Но Бог, видимо, пожалел меня, такого дурака, и я стал артистом. Играл Мичурину. Единственный в России великой. После чего окончательно обнаглел, решив, что у меня есть определенные способности. Какая наивная глупость! Служил в театрах в Мелекесе, Майкопе, Борисоглебске, Благовещенске, Армавире... Объездил с гастролями всю Россию от Балтики до Сахалина... Ничего не писал все эти годы, ни строчки. Театр дал мне очень много, если не сказать — все! Может, из меня и не получился бы поэт, если бы не театр. Поэзия для меня — Театр! Стихи — это мои моно-спектакли, где я и драматург, и режиссер, и актер, и композитор и худрук — один во всех лицах. Так что с театром я не расставался и не расстанусь никогда... Учился у жизни, но и продолжаю учиться каждый день. И дипломом по окончании этой школы будет могильная плита. Авторитетов не имею. Люблю классику. Вот, кажется, и все твои вопросы исчерпаны. Удачи тебе. Твой Семичев».

А вот письмо «моего Семичева», которое датировано 10 апреля 1996 года. И отправлено с адреса общежития Московского литературного института, что на улице Добролюбова 9/11, комната 737. «Получил твое письмо и перевод. За что тебе благодарен. Живу сносно. Вот задумал жениться. Женщина очень хорошая, милая, добрая. Чего еще надо? Стихи мои охотно берут журналы, но надо ждать публикаций. Много новых знакомств! Большие поэты меня признают за своего, хотя это ни о чем не говорит. Если удастся, встретимся на «Жигулевской весне», поговорим подробнее. Не люблю я, да и не умею писать в прозе... Стипендия у нас 100 тысяч рублей. На эти деньги жить нельзя. Малиновский прислал еще стипендию 100 тысяч рублей. Так что на все 200 тысяч рублей. Это для Москвы ничто, просто смех курам. Все слушатели ВЛК получают от своих союзов стипендии, а наши самарские писатели-козлы хоть раз бы червонец прислали. Если не сдохну с голоду, то стану большим поэтом. Пока Бог милует, а дальше не знаю. Саша Громов прислал мне 100 тысяч рублей (молодец!). Сам, наверное, не жрал, а о друге подумал. Станный он человек, но не любить его нельзя. Я был во Владимире, Рязани — выступал со стихами, немало заработал. Купил плащ и рубаху. Уже хорошо. Не будешь же ходить голым. Будь здоров. До свидания. Твой Семичев».

Нынешний читатель, особенно молодой, читая эти строчки, наверняка удивится. Как же! Такие деньжищи, десятки тысяч, получал поэт и печалился при этом, как с голоду не умереть. Для таковых молодых читателей поясню, а читателям постарше напомним — то было время печально легендарных «лихих-девяностых». Когда все мы стараниями наших «гайдаров» стали в одночасье миллионерами. Правда, счастливее мы от своего миллионерства не сделались, поскольку булка хлебушка тогда разыграла порой до нескольких тысяч рубликов! То было

время до денежной деноминации. Грустно не это. А то, что понимали многие из нас, писателей Самарской области, каждый в отдельности, не понимала почему-то тогдашняя региональная власть. Не понимала, что писатели тоже люди, а не ангелы бестелесные, и что они должны что-то кушать. Спасала, как видите, человеческая писательская солидарность. Я, в те лихие времена работавший чабаном, совхозный сельчанин, мог позволить себе послать Семичеву в Москву лишь 50 тысяч рублей в месяц. Но как говорится, с миру по нитке... Так же, видимо, думали два Александра — Громов и Малиновский, не забывшие поэта-земляка, бедующего в столице... Так что с Евгением Семичевым, когда он пишет, что ВСЕ самарские писатели — козлы, я не согласен. Все-таки не все...

Думаю, что несмотря на всю голодуху и неприязность, середина «лихих-девятиных» было счастливым временем в жизни Евгения Семичева. Это было время начала признания его, как поэта большого, поэта всероссийского. Время первых публикаций Семичева в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», газете «Литературная Россия»... Не все, конечно, шло гладко. Помнится, журнал «Дружба народов» в течение полугода на обложке анонсировал подборку Евгения Семичева и в итоге... так и не напечатал ее. Слава Богу, современная русская литература развивается по своим законам. По Божьему принципу: «дух дышит там, где хочет». Да и познакомила нас с Семичевым вовсе не Москва, и даже не Самара. Познакомила самарская глубинка, наш самарский региональный фестиваль поэзии «Жигулевская весна». Помню, во время этих фестивалей в Пестравке и Алексеевке Семичева горячо принимала публика. Впрочем, публика — это зажавшаяся и пресыщенная «богема». И публика, в отличие от народа, не обладает умением разглядеть национальных поэтов, что говорится, на старте. А тепло принимала Семичева именно русская глубинка, для которой во времена дикого рынка так важно было не потерять в процессе выживания русского в России.

Как бы то ни было, но в Москве, как показала жизнь, Семичев не только «не сдох с голоду», но начал свой путь в большую литературу. Потом много чего было и, я уверен, много чего еще будет. Были — многочисленные публикации, книги избранных стихов, даже всероссийские премии, плодотворная деятельность на ниве переводной литературы. Тувинская самобытнейшая поэтесса Лидия Иргит, мордвин-эрзя Дмитрий Таганов, дагестанец-аварец Магомед Ахмедов... Были творческие вечера в Москве, поездки на всероссийские и международные литературные форумы, статус творческого секретаря Союза писателей России. Были и злобные памфлеты, доносы и наветы завистников и злопыхателей. Они, впрочем, тоже немалую толику пиара Семичеву сделали... Но самое главное — русская поэзия проросла в это время замечательными семичевскими стихами — того глубокого и широкого дыхания, которое и отличает поэта всероссийского от поэтов региональных. О стихах Семичева я на сей раз много говорить не буду. О них сказано достаточно, причем, критиками, которые куда как больше меня научно и методологически «подкованы» в разборе художественных текстов. Как говорится: «Классик — это писа-

тель, которого можно хвалить, не читая». И в этом смысле Семичев, конечно, классик. Хотя всегда новые стихи его ждут с интересом — чем на сей раз удивит Евгений Семичев своего читателя? Семичев умеет удивлять. И не только мастерством, а порой и эпатажем. Но, что куда более важно — «вкусным» самоцветным русским словом, той душевной отзывчивостью, которых так не хватает в наш циничный век. Это наше удивлением родным, русским, добрым, душевным и радует, и печалит меня одновременно. Радует, потому что не может не радовать. Печалит — потому, что нас приучают к тому, что сострадательности и душевности, завещанной нам Пушкиным, становится все меньше. И что так, мол, оно и должно быть. И все эти евангельские качества, ранее воспринимавшиеся нами, как неотъемлемые приметы русского бытия, начинают вдруг нас удивлять. А я, как русский человек и как читатель, не хочу удивляться красоте русской души! Хочу воспринимать такую красоту, как нечто должное, само собой разумеющееся. Иначе какая мы Россия?

Но не буду впадать в обличительство. Его ныне предостаточно. Не тому Евгений Семичев учит меня, как поэт. Он учит меня верить в Россию. Вот за это я ему благодарен. За Веру, которую не может поколебать даже нынешнее безвременье.

*Спит народ, как солдат на ходу,
Утомленный в тяжелом походе.
Сплю и я, но с народом иду.
И во сне остаюсь я в народе.
И во сне от него ни на шаг
Никуда я себя не пускаю.
Утираюсь в походный большак,
Мать-землицу ногами толкаю.
Запевалы охрипли. Храпят.
Командиров смирло истомой.
Спит народ, с головы и до пят
Убаюканный чуткою дрёмой.
Эй, взбрыкнувший во мне обормот!
Что кричишь о продажной свободе?
Видишь, спит утомленный народ
На ходу, как солдаты в походе.
Спит служивый в строю человек.
Отдохнуть на ходу рад стараться.
Может, день... Может, год... Может, век...
Боже, дай мужикам отоспаться!
Звезды космос вселенский коптят.
Зорьки в небо всплывают и тают.
Мародеры-шакалы не спят —
Неусытно народ обирают.
Но не рушится воинский строй
И на милость врагам не сдается.
Вот народ — богатырь и герой.
Берегитесь, когда он проснется!*

Цитировать Семичева опасно потому, что невольно увлекаешься цитированием. А потому посоветую читателям без моего посредничества, напрямую обратиться к стихам этого поэта. Кто не читал — прочитайте. Кто читал — перечитайте, вы обязательно при каждом новом прочтении найдете в его стихах что-то новое для себя. И особенно советую обратить внимание на одно из новых стихов Семичева «Богатырская песня». О самарском на-

роде-богатыре. По глубокому моему убеждению оно является гимном — причем не только Самарской области, но и России. В нем широта и мощь русского духа, который во многом родом с Волги. Читаешь и с гордостью осознаешь — так о России мог написать только поэт с Волги! А еще в «Богатырской песне» вера в свой народ — даже спящий, даже усталый. Подуставший после стольких революций, отечественных и гражданских войн, перестроек, «катастроф», репрессий, депрессий, агрессий, модернизаций, глобализаций, конверсий, диверсий, десталинизаций, деноминаций и прочее, прочее, прочее... Все это было на земле русской! Но вера в небесную непобедимость рус-

ского духа, которой пульсируют стихи Семичева, столь жизнеутверждающая, что не совместима с нынешними погребальными плаканиями. Не они ли, болезненные причитания-плакания, под видом русской патриотической поэзии заполонили ныне многие русские литературные журналы? Не потому ли читатели во многом отвернулись от русской поэзии, что она учит их унынию, смирению и умиранию? Вместо того, чтобы говорить о жизни — прекрасной несмотря ни на что, прекрасной настолько, что за нее нельзя не бороться. Об этом, о жизни, и говорит с нами по-настоящему народный поэт всея Руси Евгений Семичев.

Вячеслав Лютый

ЕДИНСТВЕННОСТЬ

Марина Цветаева и ее влияние на современную литературу

Поэзия и судьба Марины Цветаевой оказали почти гипнотическое воздействие на русскую женскую лирику второй половины минувшего столетия и первого десятилетия нового века. Марина Ивановна называла себя «поэтом», отвергая литературно-природное определение

«поэтесса». В этом предпочтении есть отголосок феминизма, однако ширина художественного космоса Цветаевой и степень драматизма коллизий, сотрясающих внутренний мир автора, заставляют нас принять такую характеристику. Понимая, впрочем, что автоматическое перенесение подобной авторской рекомендации в творчество часто может приводить к странным противоречиям в интонации стиха. Ведь то, что может позволить себе произнести мать или сестра, возлюбленная или дочь, есть несомненная прерогатива женщины — иные слова в устах поэта, а не поэтессы могут звучать по меньшей мере неадекватно. Тем не менее, феномен Цветаевой позволяет нам почти естественно принимать ее как поэта.

Современная женская лирика полна чувственных признаний, положенных на лист бумаги сочинительницей порой без оглядки на реальный мир, место которого в стихотворении отдано переливу эмоций. Зримые приметы окружающей действительности связывают читателя и автора в единое творческое звено, способствуя художественному узнаванию и сопереживанию. Однако

здесь они, практически, опущены. Внешним собеседником становится читательница, к которой обращено едва озвученное предложение о женском стоворе: «Ну, ты же понимаешь, подруга...». Течение слов переводится в специальное русло, где литературная взыскательность теряет свои строгие позиции, а главным становится желание поделиться. В нем можно найти и отголоски нелегкой судьбы, и потерянную любовь, и тоску о любимом... Огромное пространство человеческого мира утесняется женским началом и обретает свое женское место.

У Цветаевой эти внутренние стремления присутствуют только частично. Глубина собственного «Я», способность к тяжким решениям, широта взгляда на происходящее вокруг, тонкая сердечная отзывчивость на несправедливость и чужую боль выводят Марину Ивановну за пределы этого корпоративного круга, который в наши дни все более замыкается в себе и не испытывает творческой неловкости от наглядной узости собственных задач.

Особенности поэтического стиля Цветаевой, иной раз препятствующие даже у нее внятному воплощению лирического сюжета, стали некоей визитной карточкой многих современных поэтесс, таким образом решивших утвердиться в качестве художников слова. Напротив, другие сочинительницы, как бы наново переживающие трагедию Марины Ивановны, страдающие от поругания социальной средой самой личности Цветаевой, редко прибегают к имитации стилевых особенностей ее стихотворений. Они естественно сопрягают ее творческий космос с реальной жизнью и бытием, и это становится самым главным в их любви к Цветаевой, в желании постичь сокровенные смыслы ее лирики, в чисто женском движении утешить и согреть хотя бы память о ней.

Стихи современных авторов молодого и среднего поколения, отмеченные цветаевской интонацией, отличаются наглядно аффектированной речью, избыточным количеством восклицательных знаков и тире, безудержным применением синтаксических переносов — анжамбеманов. Кроме того, само художественное сообщение выглядит так, будто текст проредил кто-то невидимый,

оставив ключевые слова и погасив их смысловую взаимную связку.

Как известно, модернистская литературная практика, с одной стороны, напитана авторским эго, настойчивым стремлением к самовыражению любой ценой, а с другой — отличается катастрофическим неумением говорить ясно и касаться вещей наиважнейших для человека и его жизни. Издержки цветаевской языковой «походки» серьезно обогатили формальный инструментарий литераторов этого выморочного творческого цеха. Личность и ее измерение в координатах бессмертия здесь не важны. Перед нами — загнанные в житейский и интеллектуальный тупик физически конечные человеческие существа. И в том — кардинальное отличие опусов модернистских эпигонов Марины Цветаевой от ее поэзии, где каждая деталь свидетельствует об экзистенциальной бесконечности души и художественной воле автора. А также — об открытости художника жестоким ветрам, продувающим земные пределы.

Сегодня чтение в ряду занятий обыкновенного человека значительно утратило прежнюю притягательность и уже не вызывает жадный интерес читателя к сюжетам высокого литературного уровня. Одновременно беллетристика средней руки и пошлые истории с бойкой фабулой приобрели статус значительных произведений. В названных весьма драматичных обстоятельствах особую важность приобретает расстановка приоритетов в творческом наследии писателя или поэта.

Вопросы стиля в наши дни оказываются вещами второстепенными, поскольку упражнения в выбранном стилистическом ключе стали теперь обыденностью. Имитация голоса и языковой мимики весомого автора подается порой как художественное достижение и получает лавры творческого открытия. Десятилетия назад мы с удовольствием повторяли известную европейскую фразу:

«Стиль — это человек». Но сейчас важно понимать, что человек — это не только стиль, но и многое другое, что дает нам основание говорить о личности, тем более — о личности художника. Подобный дискурс в среде модных современных авторов не пользуется популярностью, более весомыми полагаются приметы ремесла. Тут очевидная подмена позиций, а на самом деле — еще один шаг к уничтожению искусства и литературы, которые не зря считаются духовным отображением человека.

Читая и вспоминая стихи Цветаевой, мы с трепетом примеряем на себя ее судьбу и видим черты автора в каждой строке, в каждом возгласе или умолчании. Единственность произведения неотделима от единственности его создателя. Это правило может серьезно помочь нашей литературе в горькие времена подделок и имитаций.

Цветаева — трудный ребенок другой эпохи, однако такой литературный максимализм был бы ей по душе.

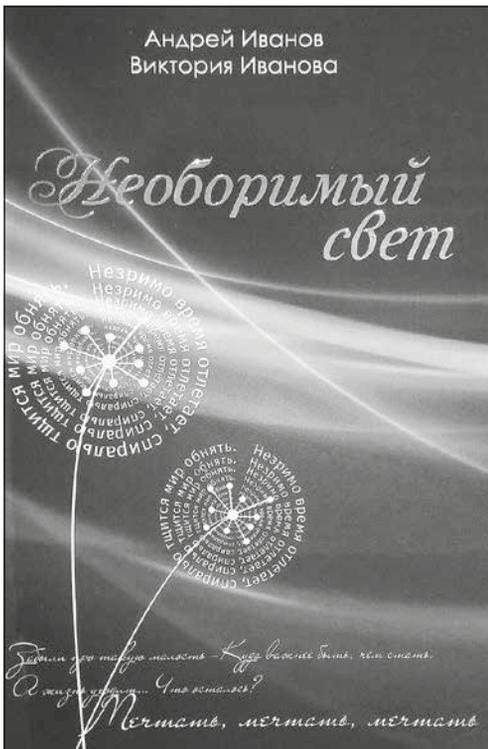
Евгений Семичев

СИЯНИЕ ЧИСТОТЫ

Многие русские писатели, начиная с Тургенева, так или иначе затронули в творчестве непростую для России тему отцов и детей, тему преемственности поколений, как залога стабильности России. Беда наша в том, что каждое последующее поколение почти всегда начинает свой путь в жизнь с того, что отрицает и пытается опровергнуть предыдущее поколение. Все эти разоблачения и ниспровержения привели и к революционным потрясениям начала XX века — о них задолго предупреждал Тургенев, говоря о нигилистах. Нигилистов сменили пламенные революционеры, ниспровергатели монархии. Потом пришли шестидесятники и стали под вывеской Реабилитанса дискредитировать сталинскую империю. Потом явились демократы с комсомольскими билетами и с энтузиазмом, достойным лучшего применения — мол, нам «старички-партократы» не давали ходу! — взялись уничтожать советское прошлое... В общем, приходящие на смену отцам дети не только бунтуют, но и погружают страну в хаос. И уж тут просто дело техники заокеанских

партнёров по части ловли рыбки в помутившейся водиче истории. А ведь многие проблемы России отпали бы сами собой, стоило отцам и детям жить в гармонии, не опровергая, но дополняя и взаимно усиливая друг друга. Но связь времён и поколений нарушена... И разные поколения просто перестают понимать, как они друг в друге нуждаются. В итоге мы имеем хронические сетования «отцов», что не та пошла молодёжь. И встречные усмешки молодых, мол, «предки» отстали от жизни. А ведь старь крепка новизной, а новизна поверяется старью. И тут не в возрасте — в мировоззрении! В этой ситуации правы обе стороны, ибо жизнь не стоит на месте. И не права ни одна сторона, ибо конфликт поколений неизбежно ведёт к ослаблению вверенной нашим попечением во имя потомков державы.

В этом смысле книга, которую вы держите в руках, не только уникальная, но и обнадёживающая. Это талантливый поэтический и межпоколенческий сплав-содружество двух авторов — отца и дочери. Такое

книжное содружество говорит, что проблема отцов и детей не просто преодолима, но со-Тружество их творчески плодотворно. Союз литературный вырос из союза семейного. Андрей Викторович Иванов — офицер запаса. Многие его стихотворения в этой книге настолько проникнуты духом русского офицерства и непреклонных понятий чести,

что говорят об авторе красноречивее рецензентов. Это мужская лирика, сдержанная во внешних проявлениях, но очень определённо заявляющая о приоритете духа над телом.

*В кабаке, меж всякой швали,
Разудалы и хмельны
Офицеры выпивали —
Белой гвардии сыны.
Позабыв про чувство меры,
Приложив наган к виску,
Заглушали офицеры
По Отчизне грусть-тоску.
За Отечество и Веру,
За российского царя
Поднимали офицеры
Тост, о чести говоря.
Свято верили — Россия
К свету вырвется из мглы.
Долго чаемый Мессия
Снимет с русских кандалы.
Ох, уж эта вера в чудо,
Что питала нас всегда!
Так скажите же, откуда
Наша русская хандра?
О, Россия-мать, доколе
Эту боль мы будем пить?..
Нашу честь и нашу волю
Никому не истребить.*

Собственно, и на эти размышления об отцах-детях меня во многом сподвиг Андрей Иванов. Как поэт и как гражданин, как отец большого дружного семейства, он вывел для себя тот кодекс спасительного единения, что помог состояться этой книге, русской судьбе автора и крепкой дружной семье Ивановых. Россия для Иванова одновременно и мать, и дочь. И отношение к ней у Андрея Викторовича одновременно и сыновнее, и отеческое.

*...Страна сильна своим народом,
Народ силён своим царём.
Мы никогда не станем сбродом,
Пока славянами живём.
Из непа воскресать умеем,
Несём достойно русский крест...
Вот жаль, что не всегда мы ценим
То братство, что в славянстве есть.*

Где же черпает Андрей Иванов силушку, помогающую ему не только быть главой большого дружного семейства, но не замыкаться от большого мира в тесном, хоть и уютном, семейном мирке? Видимо, там, где веками-тысячелетиями черпали её русские люди:

*В селе с водичею лечебной
Святых источников не счесть!
Из них попьёшь — и сразу легче
По жизни крест житейский несть.
Седых разломов монолиты —
Нет стороны такой другой.
И россыпь древних симберцитов
Искрится прямо под ногой.
Сегодня здесь лесная чаща.
Морской прибой издревле был.
И допотопный звероящер
Простор безмолвный бороздил.
Однажды море отступило,
А гор громада поднялась,
И Волга русло здесь пробила,
В объятья Каспия стремясь.
И православный люд окрестный
Большую церковь заложил...
Водою волжскую чудесной
Своё безверие лечил.
Пусть православная водича
Хранит Россию от беды,
Ведь никогда нам не напиться
Той чудодейственной воды.*

В этой книге не найти ни одного скорбного стихотворения о «погибели земли русской». Скорбь — один из видов праздности. Андрею Иванову — поэту и человеку, офицеру и гражданину — праздность чужда. Как чужда ему и боязнь жизни, боязнь перемен:

*С небес свершив шальной побег
На землю суетную нашу,
Летит сегодня белый снег
И не боится стать вчерашним!..
...Придёт пора, устанешь ты.
...И невзначай февральским станешь,
Сияньем детской чистоты
Сердца людские вновь обманешь...*

Вы не найдёте у Иванова ни одного стихотворения, «нарисованного» чёрной краской, хотя понятно, что автор отнюдь не жалуется тех, кто ввергает Россию в очередную «чёрную дыру». Ответственностью и любовью к семье, к России, к русскому слову, к русской земле проникнуты все стихи Андрея Викторовича. Неудивительно, что такой отец воспитал замечательную и многогранно талантливую дочь, своего соавтора по этой книге. Виктория — настоящая победа и истинная дочь своего отца. А ещё она — украшение народного литобъединения «Отчий

Дом», что бы она ни делала — читала свои проникновенные стихотворения, исполняла их, как автор-вокалистка, танцевала... Дочернее чистое отношение ко всему, что называется Родиной и семьёй лежит в основе творчества Вики:

*Приехали на санках в старый дом,
А в этом доме пахнет пирожками!
Бабуля ожидает под окном:
«Идём-ка в дом, покушаете с нами»
А в доме пахнет вкусно и свежо.
А за окном снежок, как белый бархат.
И светит ясно солнышко в лицо.
Храм на горе, как белоснежный замок.
А в храме батюшка, на посох опершись,
Молитвы православные читает.
И звон колоколов летит в зенит.
...И Русь нас, словно бабушка, встречает!..*

Дети часто пишут стихи о любви к Родине. И это хорошо. Плохо то, что часто стихи детей о Родине очень похожи, словно написаны под копирку. Понятие Родины там не наполнено личностным содержанием. И в этом отношении стихи Виктории резко и выгодно отличны от километров подобной детской лирики:

*Здесь земляничные поляны,
Необозримые леса.
Здесь ветер, что пропах тимьяном,
Вдали песчаная коса.
Камыш качается, влюблённый
В речушку, где темна вода.
Здесь стройный тополь дружит с клёном
Над гладью нашего пруда*

С родного пруда, где даже тополь дружит с клёном, начинается это чувство единения совсем юной девушки с многовековой историей своей страны.

*Изумрудом поляна облита.
Зелена молодая трава,
И росую рассветной напитан
Ждёт цветок на поляне тепла.
Лепестки его тянутся к свету,
Раскрывается чудный бутон.
Из земли он дотянется к небу —
Это вечный природный закон...
...На поляне, что залита светом,
Не теряет надежды цветок.
Скоро соединится в букете,
Не останется он одинок.
И украсит могилу солдата,
Что когда-то на поле том пал.
Он героически погиб в сорок пятый,
Но победу Отчизне снискал*

Видимо, душа столь многогранна, что рассказывать её Вика пытается не только в стихах и песнях, но и в танце. Но танец для Вики — это не столько тело-движения, сколько движение души:

*Моё послушай сердце.
Трепещет, словно птица.
В крылатом вальсе «Венском»
К тебе оно стремится.
А после в танго страстном
Оно в груди пылает.
Совсем не понапрасну —
Нас танго окрыляет.
Куда от танцев деться?
Ведь танцы всюду с нами.
Квикстэп своим кокетством
Чарует нас и манит.
Ведь сердцу не по вкусу
Любить на тихой ноте,
Рассылет кровь на бусы,
Закружит нас в фокстроте...*

А ещё при всей своей лиричности Вика обладает весьма твёрдым характером, что явствует из этого стихотворения и даёт надежду на успешную литературную карьеру:

*Сверкают озёра-глаза,
И многие в них утопают,
Но волю давать им нельзя —
Ведь души они забирают.
И розовых губ лепестки,
Улыбки доверчивой праздник...
Уйми в своём сердце мечты,
Эй, ты, хулиган-безобразник!
Тебе говорю: «Не судьба!»,
Хотя красотой искушаю.
Любить запрещаю себя.
Влюбляться в себя разрешаю.*

То «сияние детской чистоты», о котором написал Андрей Викторович, с лихвой воплотилось в стихах его дочери. Пока эта чистота пребудет в русских сердцах, Россия не покинет свой зенит.

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРОГО ЗНАЮТ ВСЕ

* * *

Пушкин помнил себя с 4 лет. Он несколько раз рассказывал о том, как однажды на прогулке заметил, как колышется земля и дрожат колонны, а последнее землетрясение в Москве было зафиксировано как раз в 1803 году. И, кстати, примерно, в то же время произошла первая встреча Пушкина с императором — маленький Саша чуть было не попал под копыта коня Александра Первого, который тоже выехал на прогулку. Слава богу, император успел придержать коня, ребенок не пострадал, и единственный, кто перепугался не на шутку — это няня.

* * *

Однажды дом родителей Пушкина посетил русский писатель Иван Дмитриев. Александр был тогда ещё ребёнком, а потому Дмитриев решил подшутить над оригинальной внешностью мальчика и сказал: «Какой арабчик!» Но десятилетний внук Ганнибала не растерялся и вмиг выдал ответ: «Да зато не рябчик!» Присутствующие взрослые были удивлены и жутко смущены, потому что лицо писателя Дмитриева было рябое!

* * *

В бытность свою ещё камер-юнкером Пушкин явился как-то перед высокопоставленным лицом, которое валялось на диване и зевало от скуки. При появлении молодого поэта высокопоставленное лицо даже не подумало сменить позу. Пушкин передал хозяину дома всё, что было нужно, и хотел удалиться, но получил приказание произнести экспромт.

Пушкин выдавил сквозь зубы: «Дети на полу — умный на диване». Особа была разочарована экспромтом: «Ну, что же тут остроумного — дети на полу, умный на диване? Понять не могу... Ждал от тебя большего». Пушкин молчал, а высокопоставленное лицо, повторяя фразу и перемещая слоги, пришло, наконец, к такому результату: «Детина полоумный на диване». Когда до хозяина дошёл смысл экспромта, Пушкин уже покинул дом.

* * *

В период ухаживаний за своей будущей супругой Натальей Пушкин много рассказывал своим друзьям о ней и при этом обычно произносил: «Я восхищен, я очарован, // Короче — я огончарован!»

* * *

А этот забавный случай, произошедший с Пушкиным ещё во время его пребывания в Царском Селе, показывает, насколько остроумен и находчив был молодой поэт. Однажды он задумал удрать из лицея в Петербург погулять. Отправился к губернёру Трико, а тот не пускает, да ещё и пугает, что будет следить за Александром. Но охота пуще неволи — и Пушкин вместе с Кюхельбекером удирает в Питер. За ними последовал и Трико.

К заставе первым подъехал Александр. У него спросили фамилию, и он ответил: «Александр Однако!» Заставный записал фамилию и пропустил его. Следующим подъехал Кюхельбекер. На вопрос, как его фамилия, сообщил: «Григорий Двако!» Заставный записал фамилию и с сомнением покачал головой. Подъезжает, наконец, и губернёр. Ему вопрос: «Ваша фамилия?» Отвечает: «Трико!» «Врёшь, — кричит заставный, — здесь что-то недоброе! Один за другим — Одна-ко, Два-ко, Три-ко! Шалишь, брат, ступай в караулку!» Трико просидел целые сутки под арестом при заставе, а Пушкин с другом спокойно нагулялся в городе.

* * *

Детство маленький Пушкин провёл в Москве. Его первыми учителями были губернёры-французы. А на лето он обычно уезжал к своей бабушке, Марии Алексеевне, в подмосковное село Захарово. Когда ему исполнилось 12 лет, Пушкин поступил в Царское Лицей, закрытое учебное заведение с 30 учениками. В лицее Пушкин серьёзно занимался поэзией, особенно французской, за что его и прозвали «французом».

* * *

В лицей Пушкин попал, что называется, по благу. Лицей основал сам министр Сперанский, набор был невелик — всего 30 человек, но у Пушкина был дядя — весьма известный и талантливый поэт Василий Львович Пушкин, лично знакомый со Сперанским.

* * *

В Лицее выпускался рукописный журнал «Лицейский мудрец». Пушкин писал туда стихи. Однажды написал: «Вильгельм, прочти свои стихи, чтоб я уснул скорее». Оскорблённый Кюхельбекер побежал топиться в пруду. Его успели спасти. Вскоре в «Лицейском мудреце» нарисовали карикатуру: Кюхельбекер топится, а его длинный нос торчит из пруда.

* * *

В 1817 г. состоялся первый выпуск лицеистов. Сдав в течение семнадцати майских дней 15 экзаменов, среди которых — латынь, российская, немецкая и французская словесность, всеобщая история, право, математика, физика, география, Пушкин и его друзья получили аттестаты об окончании Лицея. Поэт оказался по успеваемости

двадцать шестым (из 29 выпускников), показав только «в российской и французской словесности, также в фехтовании превосходные успехи».

* * *

Очень любопытно почитать даже не список его побед, а отзывы о Пушкине разных людей. Его брат, например, говорил, что Пушкин был собою дурён, ростом мал, но женщинам почему-то нравился. Что и подтверждается восторженным письмом Веры Александровны Нащокиной, в которую Пушкин тоже был влюблён: «Пушкин был шатен с сильно вьющимися волосами, голубыми глазами и необыкновенной привлекательности». Впрочем, тот же брат Пушкина признавал, что, когда Пушкина кто-то интересовал, он становился очень заманчив. С другой стороны, когда Пушкину было неинтересно, разговор его был вял, скучен и просто несносен.

* * *

Жандармский чиновник III отделения, Попов, записал о Пушкине: «Он был в полном смысле слова дитя, и, как дитя, никого не боялся». Даже его литературный враг, пресловутый Фаддей Булгарин, покрытый пушкинскими эпиграммами, записал о нём: «Скромнен в суждениях, любезен в обществе и дитя по душе».

* * *

Император Николай Павлович советовал Пушкину бросить карточную игру, говоря:

— Она тебя портит!

— Напротив, Ваше Величество, — отвечал поэт, — карты меня спасают от хандры.

— Но что ж после этого твоя поэзия?

— Она служит мне средством к уплате моих карточных долгов. Ваше Величество.

И действительно, когда Пушкина отягощали карточные долги, он садился за рабочий стол и в одну ночь отработывал их с излишком. Таким образом, например, у него написан «Граф Нулин».

* * *

Живя в Екатеринославе, Пушкин был приглашён на один бал. В этот вечер он был в особенном ударе. Молнии острот слетали с его уст; дамы и девицы наперерыв старались завладеть его вниманием. Два гвардейских офицера, два недавних кумира екатеринославских дам, не зная Пушкина и считая его каким-то, вероятно, учительшкой, порешили, во что бы то ни стало, «переконфузить» его. Подходят они к Пушкину и, расшаркиваясь самым бесподобным образом, обращаются:

— Millepardon... Не имея чести вас знать, но видя в вас образованного человека, позволяем себе обратиться к вам за маленьким разъяснением. Не будете ли вы столь любезны сказать нам, как правильнее выразиться: «Эй, человек, подай стакан воды!» или «Эй, человек, принеси стакан воды!». Пушкин живо понял желание пошутить над ним и, несколько не смутившись, отвечал серьёзно: «Мне кажется, вы можете выразиться прямо: «Эй, человек, гони нас на водопой!»».

* * *

В одном литературном кружке, где собиралось более врагов и менее друзей Пушкина, куда он и сам иногда заглядывал, одним из членов этого кружка был сочинен пасквиль на поэта, в стихах, под заглавием «Послание к поэту». Пушкина ждали в назначенный вечер, и он, по обыкновению опоздав, приехал. Все присутствовавшие были, конечно, в возбуждённом состоянии, а в особенности автор «Послания», не подозревавший, что Александр Сергеевич о его проделке уже предупрежден друзьями. Литературная часть вечера началась чтением именно этого «Послания», и автор его, став посредине комнаты, громко провозгласил: «Послание к поэту!» Затем, обращаясь в сторону, где сидел Пушкин, начал: «Дарю поэта я ослиной головою...». Пушкин быстро перебивает его, обращаясь более в сторону слушателей: «А сам останется с какою?..». Автор смутился: «А я останусь со своею». Пушкин: «Да вы сейчас дарили ему». Последовало общее замешательство. Сражённый автор замолк.

* * *

По подсчётам пушкинистов, столкновение с Дантесом было как минимум двадцать первым вызовом на дуэль в биографии поэта. Он был инициатором пятнадцати дуэлей, из которых состоялись четыре, остальные не состоялись ввиду примирения сторон, в основном стараниями друзей Пушкина; в шести случаях вызов на дуэль исходил не от Пушкина, а от его оппонентов. Первая дуэль Пушкина состоялась ещё в лицее.

* * *

Известно, что Александр Сергеевич очень любил своего лицейского товарища Кюхельбекера, но часто устраивал ему розыгрыши. Кюхельбекер часто навещал поэта Жуковского, донимая его своими стихами. Однажды Жуковский был зван на какой-то товарищеский ужин и не пришёл. Потом его спросили, почему он не был, поэт ответил: «Я ещё накануне расстроил себе желудок, к тому же пришёл Кюхельбекер, и я остался дома...» Пушкин, услышав это, написал эпиграмму: «За ужином объелся я, // Да Яков запер дверь оплошно — // Так было мне, мои друзья, // И кюхельбекерно, и тошно...». Кюхельбекер

был взбешён и потребовал дуэли! Дуэль состоялась. Оба выстрелили. Но пистолеты были заряжены... клюквой, и, конечно же, поединок завершился миром...

* * *

Перед смертью Пушкин, приводя в порядок свои дела, обменивался записками с Императором Николаем Первым. Записки передавали два выдающихся человека: Жуковский — поэт, на тот момент воспитатель наследника престола, будущего императора Александра Второго, и Арендт — лейб-медик императора Николая Первого, врач Пушкина. Поэт просил прощения за нарушение царского запрета на дуэли: «...жду царского слова, чтобы умереть спокойно...». Государь: «Если Бог не велит нам уже свидеться на здешнем свете, посылаю тебе моё прощение и мой последний совет умереть христианином. О жене и детях не беспокойся, я беру их на свои руки». Эту записку передал Пушкину Жуковский.

* * *

Из детей Пушкина только двое оставили потомство — Александр и Наталья. Но потомки поэта живут сейчас по всему земному шару: в Англии, Германии, Бельгии... Порядка пятидесяти потомков Пушкина живёт в России. Особенно интересна Татьяна Ивановна Лукаш. Её прабабушка (внучка Пушкина) была замужем за внучатым племянником Гоголя. Сейчас Татьяна живёт в Клину.

* * *

И — напоследок, наверное, самый забавный факт, который, правда, не имеет отношения к, собственно, биографии Пушкина. В Эфиопии несколько лет назад так поставили памятник Пушкину. На красивом мраморном постаменте высечены слова: «Нашему поэту».

* * *

Пушкин был не только гениальным писателем. Он был гениальным читателем. Давайте перечитаем Его суждения о книгах и их создателях вообще и о поэзии и поэтах в частности.

* * *

«Почитай поэзию — доброй, умной старушкой, к которой можно иногда зайти, чтоб забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милым болтанием и сказками; но влюбиться в нее — безрассудно».

* * *

«Действие человека мгновенно и одно, действие книги множественно и повсеместно».

* * *

«Да, книг, ради бога, книг!.. Стихов, стихов, стихов! Это пища для души».

* * *

«Дружина ученых и писателей, какого б рода они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности».

* * *

«Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная».

* * *

«Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять против всеразрушительного действия типографического снаряда. Уважайте класс писателей...»

ДЕТСКАЯ КОМНАТА

Иван Бардин

«СРАЗУ ПЛАКАТЬ ОТПАЛА ОХОТА...»

Помощница

Целый день, как заводная
Мама трудится родная.
Есть дела и в выходной,
Как же трудно ей одной.
И решила Варя-дочь:
Надо мамочке помочь.
Кукол вместе собрала,
Всем задание дала.
Попросила куклу Юлю
Вымыть грязную кастрюлю.
Предложила кукле Ире
Все цветы полить в квартире.
Кукле Лене постирать,
Кукле Оле пыль убрать.
Только кукла Барби
Помогать не хочет,
В зеркальце глядится,
Пляшет и хохочет.
Вредная такая,
Обижает кукол.
И таких лентяек
Варя ставит в угол.
Куклы вместе с Варей
Принялись за дело.
И работа в доме
Сразу закипела.
Весело старались,
Дружно, как могли.
И убрать в доме
Маме помогли.

Ромка

То не гром грохочет громко,
То не злится ураган.
Просто это брат мой, Ромка
Бьёт в свой новый барабан.
И от грохота такого
И от этого битья,
Никакого нет покоя,
Никакого нет житья.

Плакса

Юля утром просыпается,
Вся слезами обливается.
Говорит ей мамочка:
-Доченька, съешь яблочко.
Подбегает папочка:
-Поиграем, лапочка.
А она от них отворачивается,
Ей слеза на глаза наворачивается.
Даже с куклами не занимается,
Знает, плачет она, заливаясь.
Вот уж целую лужу наплакала.
В этой луже лягушка заквакала.
И сказала лягушка: -Бедняжка.
Раз без сырости так тебе тяжело,
На болото возьму тебя жить.
Будем, Юля, с тобой мы дружить.
На болоте и сырость, и слякоть.
Сколько хочешь можешь там
плакать.
А наплачешься ты, наревёшься,
Снова к папе и маме вернёшься.

Как подумала Юля, что в тине
Ночевать ей придётся отныне...
Как представит она, что подружки
У неё теперь будут лягушки,
Вместо дома родного-болото...
Сразу плакать отпала охота!

Гром

На туче мохнатой
Качается дом.
Живёт в нём мальчишка
По имени Гром.
Есть в доме у Грома
Любые игрушки,
А он всё играет
В одни погремушки...

Наташа

Что совершила Наташа такое,
Что сразу в квартире не стало покоя?
Пляшут от радости мама и папа.
Пляшут на вешалке зонтик и шляпа.
Кружатся в танце ложки и чашки:
-Вот так девчонка! Слава Наташке!
Из зоопарка к ней слон приходил,
Четыре букета цветов приносил.
Он лично Наташу поздравил
И фото на память оставил!
Потом привозили две белки
в тележке

Подарок Наташе-лесные орешки.
А ёж-ежевика. Морковку-зайчонок,
Медведь-золотистого мёду бочонок!
Так что же такое она совершила?
Быть может, планету Наташа
открыла?
А может, она среди ясного дня
Кого-то спасла из воды, из огня?
Нет, не спасала она никого,
И не открыла она ничего.
Просто сегодня Наташа проснулась
И плакать не стала, а улыбнулась!
Сама умывалась прохладной водой
И чашку сама попросила с едой!
Наташа на стульчик свой маленький
села
И в первый раз кашу до доньшка
съела!

Дождик

Разыгралась с солнцем
Тучка,
Старой чёрной тучи
Внучка.
Захотела солнце спрятать-
Обожглась и стала
Плакать.

Паучок

У тропинки на травинке
Беззаботный паучок
Из тончайшей паутинки
Смастерил себе сачок.
И теперь нельзя без смеха
Наблюдать за паучком,
Как в лесу он ловит эхо
Паутиновым сачком.

Елена Зиноватная

«И ПРОПАЖА МЯУКНУЛА РОБКО...»

Порознь, попарно, рядок за рядком!
 В чащу лесную заводит куда-то.
 «Хватит!» — корзинку прикрыв
 лопушком,
 С грустью грибник посмотрел
 на волнушки:
 «Что за красавицы с нежным
 пушком!
 Не во что брать! Оставайтесь,
 подружки!»
 А лесовик, насмеявшись до слёз,
 Сев на пенёк под берёзкой зелёной,
 Думал: «Тот груздь, что грибник-то
 унёс,
 Вкусен, должно быть, когда
 просолёный!
 Всех и не вспомню, кто часто сюда,
 В лес за грибами ко мне приходили...
 Но, к сожалению, никто, никогда
 Груздем солёненьким не угостили!»

Я долго смотрел, я погладил щенка.
 Но мама сказала... купить молока...
 Щенку я погладил пушистый
 бочок —
 Лизнул мою руку его язычок!
 Ходить не умеет —
 такой малышок! —
 Мой ласковый, милый, хороший
 дружок!
 «Щенок подрастёт, будет резвый,
 смешной!» —
 И мне улыбнулся старик с бородой!
 Я шёл и хрустел под ногами снежок.
 За пазухой грел меня тёплый
 Дружок.
 Что скажет, что скажет мне мама
 сейчас?
 Пошёл её сын в магазин в первый
 раз!

* * *

Месяц, жёлтенький, словно утёнок,
 В небе плавает, звёзды «клюёт».
 Где-то бродит несчастный котёнок:
 Он дороги домой не найдёт!
 Бедный Мурзик вчера потерялся:
 Лапкой двери открыл в коридор
 И ушёл; только бантик остался,
 На который наткнулся Трезор.
 Пёс пошёл по горячему следу:
 Бантик, дворик, забор под окном...
 Два квартала бежал, но к обеду,
 Далеко, в переулке одном,
 В старой, брошенной кем-то коробке
 Обнаружил пропавшего пёс!
 И пропажа мяукнула робко,
 И лизнула спасителя в нос!
 Мурзик рад был, что видит Трезора!
 Вместе ели из миски потом!
 ...Дверь мы заперли на три запора:
 Больше кот не покинет наш дом!

* * *

С полной корзиной счастливый
 старик!
 Место грибное оставить — нет мочи!
 Видно, смеётся над ним лесовик,
 Видно, за кустиком где-то хохочет!
 И посылает грибок за грибком:
 Груздь, подосиновик, рыжик,
 маслята;

* * *

В нашей речке так приятно
 Искупаться в летний зной!
 Что с Трезоркой? Не понятно:
 Он не плавает со мной!
 Нос весёлый чуть намочит
 Отряхнётся, жадно пьёт!
 Прыгнуть в речку очень хочет!
 Я зову — он не идёт!
 Неужели пёс боится?!
 «Ну, смелей! Ко мне! Не трусь!
 Быть трусишкой не годится!»
 Я расстроен, я сержусь!
 В этом нужно разобраться!
 Лето, тёплая вода,
 Все бегут к реке купаться!
 Пёс не хочет. Вот беда!
 «Знай: собаки не трусишки! —
 Лаает он на берегу. —
 На песке твои штанишки!
 Я их верно стерегу!»

* * *

Мне мама сказала: «Сходи в магазин.
 Ты мальчик большой. Ты сумеешь
 один!»
 Мне мама велела купить молока.
 И вот, я пошёл и увидел щенка.
 В коробке картонной он сонно зевал.
 Старик бородатый щенка продавал.

* * *

Торчит из-за пазухи ухо Дружка.
 Я снова пойду, я куплю молока!

Я шагаю сквозь метель
 По заснеженной аллее.
 Этим утром мой портфель
 Стал, как будто, тяжелее!
 (Больше, чем на полкило!)
 Почему такой тяжёлый?
 Уф! Ступеньки занесло
 На крылечке перед школой!
 Что в портфеле? Карандаш,
 Две тетрадки и сосиска,
 Да ещё... котёнок наш!
 Как в портфель попала киска?
 «Кот в портфеле! Караул!» —
 Я сердился и смеялся:
 Нет сосиски! Кот зевнул:
 Он нисколько не боялся!
 Мой котёнок — озорник!
 Дружно первый класс хохочет:
 Мурзик — новый ученик —
 Лучше всех учиться хочет!

КТО ЭТОТ МАЛЬЧИК УШАСТЫЙ?

Наша традиционная рубрика «Кто этот мальчик ушастый?» предлагает узнать в детях повзрослевших авторов очередного номера альманаха «Отчий Дом».

И как всегда, подсказками служат строчки авторов.

*Давай сольёмся в вихре
вальса*

Снится волжская вода

Я ушёл в рассвет

Не зная любви и пощады

Прости меня Вадим

Я вернусь по весне

ЛИТЕРАТУРНАЯ КУХНЯ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ! КУШАТЬ ПОДАНО!

Или чем кормили Пушкина в имени семьи Гончаровых

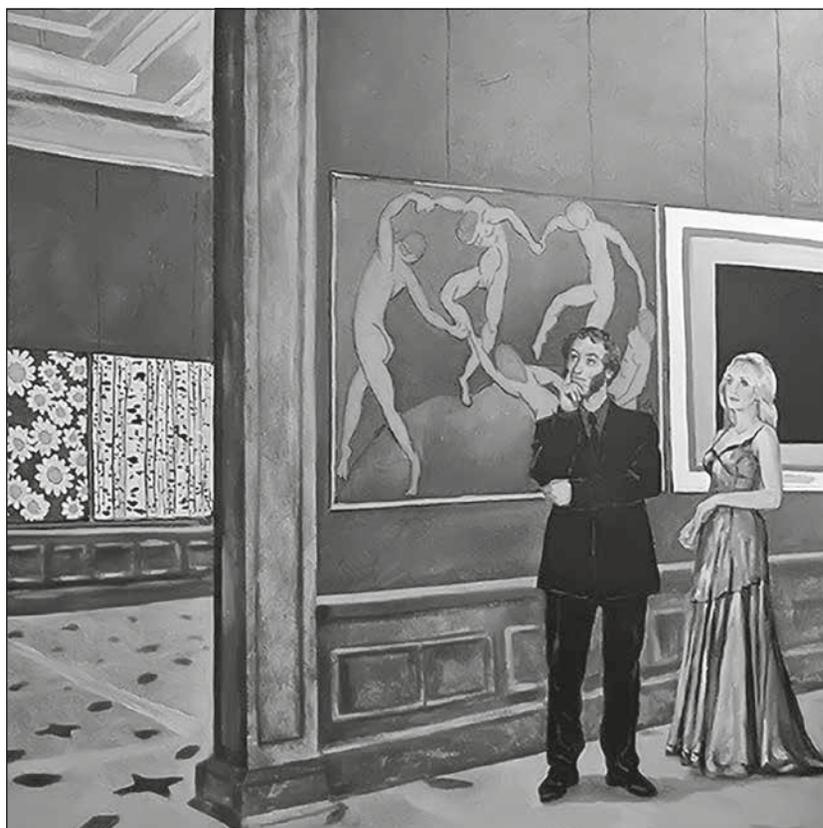
Среди писателей Пушкин не особо славится гурманом. Вы особо не найдёте в его произведениях живописаний блюд и секретов их приготовления — всего того, чем так славятся произведения Гоголя. Блюда, обычно приписываемые Пушкину, как его любимые, просты. Тем не менее хотелось бы узнать о Пушкине побольше и с гастрономической точки зрения, ибо без этого «портрет» нашего гения будет неполон. И стоит поговорить о том, чем угощали Александра Сергеевича во время его «жениховства» и ухаживания за Натальей Гончаровой. Чем потчевала будущего зятя тёща, попозже озвученному другим нашим писателю принципу: «Ездил в дом? Обедал? Значит — женись!». Поездки поэта в имение родителей Натальи Гончаровой — Полотняный Завод приходились соответственно на 1830 и 1834 годы.

Давайте предпримем попытку столь модной сегодня реконструкции кулинарных пристрастий семейства Гончаровых, дабы представить, чем потчевали поэта его будущие родственники. Начнём с того, что учёт материальных ценностей, в т.ч. продуктов, в семействе Гончаровых был серьёзен. Учёту подлежало буквально все: парусина и валенки для дворовых людей, свежая рыба и семена для канареек, грибы и свечи, французское вино и старое платье, зернистая икра и медвежьи шкуры, вакса и дробь «для стрельяния ворон». Отдельное внимание представляют книги учёта провизии, поставляемой к барскому столу кре-

постными крестьянами. Существовал даже поимённый список рыбаков, фиксировался улов, пойманная рыба. Речка Суходрев, протекавшая по землям Гончаровых, была богата рыбой. Хорошие уловы давали и окрестные пруды. Щука и шереспер, голавли и налимы, окуни, лещи, язи и караси в изобилии попадали на господский стол.

Варка варенья в Полотняном Заводе, как и во многих барских усадьбах, была почти священнодействием. На стол Гончаровых подавалось не менее двенадцати сортов варенья: клубничное, из малины белой и малины красной, вишнёвое, из красной, чёрной и белой смородины, грушевое, сливовое, из крыжовника, персиков, абрикосов и ананаса. В Полотняном Заводе была оранжерея, до наших дней не сохранившаяся, где выращивались ананасы, абрикосы, виноград, лимоны и персики, подававшиеся на стол и отправлявшиеся на варку варенья. Только за май-июнь 1839 г. в оранжерее созрело 65 ананасов! За эти же два месяца с деревьев в оранжерее Гончаровых было снято 243 персика и около пятисот слив, которые подлежали тщательному учёту.

Выдающийся писатель-пушкинист, хранитель пушкинского заповедника «Михайловское», Семён Гейченко в своей книге «У Лукоморья» цитировал слова близкого друга Пушкина Вяземского о кулинарных пристрастиях

поэта: «Он вовсе не был лакомка, он даже, думаю, не ценил и не хорошо постигал тайн поваренного искусства; но на иные вещи был он ужасный прожора. Помню, как в дороге съел он почти одним духом двадцать персиков, купленных в Торжке. Моченым яблокам также доставалось от него нередко». Можно с уверенностью утверждать, что и в мае 1830 г., и в августе 1834-го поэта в Полотняном Заводе ожидали его любимые фрукты, и в изрядном количестве.

Особо ценилось во времена Пушкина варенье, сваренное на сахаре, а не на меду. Сахар был редкостью и стоил дорого, а мёд был дешёв, поскольку почти в каждом помещицком хозяйстве держали пчелиные улья. Александра Осиповна Смирнова-Россет, фрейлина русского Императорского двора, друг и собеседник А.С. Пушкина, вспоминая детство и молодость, писала о своей бабушке, которая с осуждением отзывалась о соседке-помещице, ставя той в вину, что «варенье у неё на меду, и она не стыдится им подносить». Угощать гостей «вареньем на меду» считалось дурным тоном. Хозяйка гончаровского имения к своим гостям относились уважительно, и варенья на меду им не подавали, да и сами предпочитали варить это лакомство исключительно на сахаре, который составлял весьма заметную статью хозяйственных расходов.

Самым любимым деревенским вареньем Пушкина было крыжовенное: «На большом круглом столе, перед диваном, находились бумаги и тетради, часто несшитые, простая чернильница и перья; на столике графин с водой, лед и банка с кружовниковым вареньем, его любимым».

Варка крыжовенного варенья была делом сложным. Вот как об этом говорит рецепт тогдашней «сельской энциклопедии»: «Очищенный от семечек, сполосканный, зелёный, неспелый крыжовник, собранный между 10 и 15 июня, сложить в муравленый горшок, перекладывая рядами вишневыми листьями и немного щавелем и шпинатом. Залить крепкою водкою, закрыть крышкой, обмазать оную тестом, вставить на несколько часов в печь, столь жаркую, как она бывает после вынутия из нее хлеба». После этого крыжовник ожидали другие многочисленные операции, в результате которых он должен был превратиться в «пушкинское» варенье. Но есть ли у нас какие-либо основания считать, что в имении Гончаровых поэт мог попробовать свое любимое лакомство? Да, есть. «Записка клюшника» точно указывает, что использовался именно этот рецепт: специально для варки крыжовенного варенья из погреба выдавалась крепкая водка.

Большой скотный двор Полотняного Завода обеспечивал все семейство мясом и молоком. Скотник, судя по источнику, был человеком творческим. Каждая корова и каждый бык в его хозяйстве имели особые приметы, по которым и проводился учёт. Так, в описи значились быки: буро-пёстрый, пёстро-белый, рыже-пёстрый, рыже-лысый. Но тем, что выращивалось на подворье, Гончаровы не довольствовались. Часто на рынок в Калуге от-

правлялись люди для закупки недостающих продуктов. Приобреталась дорогая рыба для господского стола: судак, белуга, навага, сардины, осетрина, черная и паюсная икра и обязательно много соленой рыбы и солонины для «дворовых людей». Закупались швейцарский сыр, чай, кофе, масло, миндаль, пряности.

Какие же блюда готовились на кухне Полотняного Завода? Ответ на этот вопрос дает кухмистерская книга. Вопреки ожиданиям эти вкусы оказались весьма скромными. Вот несколько наиболее типичных обеденных меню:

18 февраля. Уха горячая, пироги, холодный винегрет, осетрина под соусом, на горячее — лещ, десерт — сладкий пирог.

19 февраля. Щи горячие, пироги, холодная белуга, ботвинья, соус, котлеты, жареный лещ, на сладкое — левашники (маленькие пирожки с ягодой, жареные в масле).

20 февраля. Постное: щи, пироги, холодная белуга, соус соте, оладьи постные, кашка молочная. Скоромное: суп казацкий, холодная осетрина под соусом, макароны, на сладкое — миндальный торт.

11 апреля. Щи кислые, пирожки с рыбой, холодный язык, соус зелёный, жареная говядина, хлеб, заварные кольца.

Никаких экзотических импортных продуктов, вычурных рецептов, иноязычных названий блюд! Единственным исключением за месяц стало блюдо, названное поваром «суп канцыме» (консоле — светлый бульон из курицы или говядины). Готовились кислые щи и уха, весной — щи из крапивы; вторые блюда обычно состояли из жареной рыбы, холодного мяса, котлет, макарон. Всё это подавалось на стол под различными соусами. На десерт повар пёк пирожки с самой разной начинкой, плетёнки, торты, делал крем и мороженое. Начали входить в дворянскую гастрономическую моду макароны. Привозили их в то время из Италии: особенно славилась неаполитанские, которые подавались с пармезаном. Пушкин в письме к своему другу, библиофилу и библиографу Сергею Соболевскому писал:

*«У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармезаном макарони
Да яшниццу сvari...»*

Современники утверждали, что варить хорошо макароны — великое искусство. Вот какой рецепт могли прочитать хозяйки в 1826 г.: «Отвари макароны в бульоне с солью, перцем и тёртым мускатным орехом, и коль скоро они будут свободно подаваться под пальцами, вынь их и переложь в кастрюлю с коровьим маслом, наскобленным сыром пармезаном, крупно толченым перцем и малою долею сметаны. Когда сыр распустится, положи макароны, обсыпав их тертым мякишем белого хлеба, смешанным с тертым же сыром; облей растопленным коровьим маслом и дай зарумяниться в печи под разогретым противнем, или вода над макаронами железной раскаленною лопаткою».

Любимыми винами семьи Гончаровых были гравес, мадера, Сен-Жульен, ром, шампанское. Вино, названное ключником «гравес», на самом деле называлось Graves (грав) по названию региона французской провинции Бордо — ключник не был силён во французском наречии и записывал в книгу учёта то, что видел на этикетке. Иногда он именовал это вино «графским». Оттуда же, из Бордо, было родом и вино Сен-Жульен. Считается, что Пушкин, в молодости предпочитавший шампанское, в зрелые годы «изменил» шампанскому с бордо.

Изучение винного погреба Полотняного Завода в 1830 г. приводит нас к любопытной гипотезе. Что же было подано к столу в мае 1830 г., когда поэт приехал в семью своей невесты? Обычно в месяц для семьи и гостей к столу подавалось от 30 до 50 бутылок вина. Но если внимательно подсчитать, сколько вина было взято со склада именно в мае 1830 г., то окажется, что за этот месяц было подано к столу 86 бутылок, что значительно превышает обычное количество! И наибольшее количество вина было подано именно сорта «бордо». Вполне возможно, что в мае 1830 г. в Полотняном Заводе было торжество, приуроченное к визиту Пушкина, почти совпавшим с днём его рождения.

Обыденная, повседневная жизнь Полотняного Завода была похожа на жизнь любой русской помещичьей усадьбы той поры. Крепкое хозяйство обеспечивало семью всем необходимым. И если бы не безрассудство деда Натальи Николаевны, хозяйство приносило бы доход и служило надёжным пристанищем. «Боже мой, — писал Пушкин жене в июне 1834 г., — кабы Заводы были мои, так меня в Петербург не заманили бы и московским калачом. Жил бы себе баринком... Ух, кабы мне удрать на чистый воздух...». Это был спокойный, тёплый, домашний мир российской провинции, мир, к которому Пушкин стремился все свои зрелые годы, но так и не смог его достичь.

*По материалам российской прессы
Картины художника Александра Сергиенко*

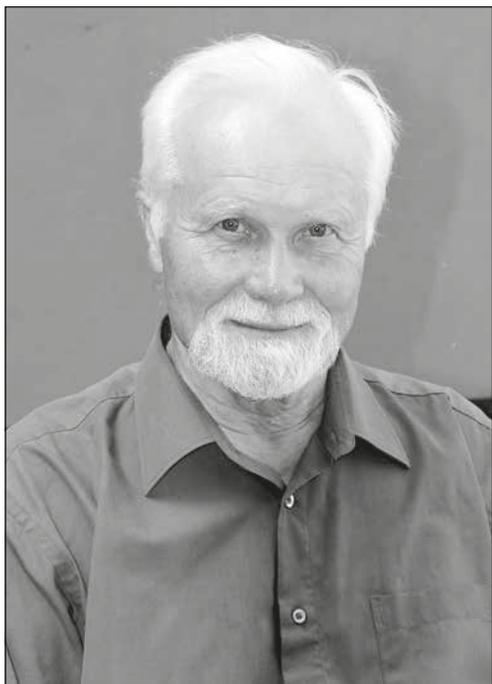

ВО САДУ ЛИ, В ОГОРОДЕ

Юрий Полуэктов

ЗОЛОТИСТЫЕ ЩУРКИ — КРАСУЛИ БАЛАГАННЫЕ

Эссе

На подъезде к саду, примерно триста метров, дорога тянется вдоль оврага, который огибает невысокий степной холм. Когда-то мой внук назвал это место каменной рекой. Вешние воды за долгие годы вынесли грунт с каменистых берегов, обнажили и совместно с ветрами причудливо вымыли, вылепили из коричневого песчаника крутые

обрывы, террасы, выемки — заманчивый скалодром для пятилетнего альпиниста. Внук вырос, высоченные опасные утёсы утратили ореол непреодолимости, но название прижилось как память о детском увлечении.

Каменная река — самый настоящий природный заповедник, крошечный, можно сказать, местного значения. Среди валунов и выше по склону холма можно встретить золотистые ромашки адониса и жёлтые звёздочки птичьего лука, ажурные кочки кермека (перекати— поле) и низенькие бугорки камнеломки, фиолетовые свечки шалфея и бархатистые ладошки тысячелистника. Весной в ложбинках на верху холма сначала розовеют невысокие кустики — степной миндаль (русская сакура). Потом, на смену ему жёлтым цветом с медвяным ароматом покрывается чилижник. Я не удержался и перенёс в сад несколько кустика миндаля, и теперь у меня на солнечную опушку вишарника, пусть мимолётно, набегают собственное завораживающее розовое облачко. На ближнем к дороге берегу в начале мая зацветает тёмно-фиолетовыми колокольчатыми цветами русский рябчик. Растение, занесённое в Красную Книгу.

Неподалёку, на мысочке, расположенном перед подъездом к холму, когда-то располагалась большая колония анемоны — ветреницы. Весной здесь накрывалась нарядная скатерть из крупных белых цветов. Ветреница — нетребовательное растение, легко размножается делением корневищ. Я выкопал несколько цветков и рассадил их у себя в саду. А материнская делянка, к сожалению, погибла. Причина — степной пожар. Большинство таких

пожаров — следствие специальных поджогов. Много ещё бродит по земле выродков, любителей подпустить огонька. Горит степь, выгорают худосочные, обиженные безжалостным засушливым климатом узенькие лесополосы, заботливо посаженные вдоль дорог добрыми людьми, гибнут мелкие животные, насекомые. Сколько раз я останавливал машину, доставал из багажника штыковую лопату, которую всегда вожу с собой, и тушил — перекапывал змейку горячей травы, спасая такие лесополосы... Считается, что пиромания — это болезнь. Мне представляется, что среди поджигателей по-настоящему больных — доли процента, а в основном это морально и интеллектуально ущербные люди, губящие природу без всякой мотивации.

На склоне холма из небольшой расселины в песчанике растёт деревце карагача — мелколистного вяза, широко распространённого в сухих южных степях. Недостаток питания и влаги довёл несчастное растение до состояния, которое можно обозначить как естественный бонсай. На вершинке этого корявого низкорослого прояпонского чуда сидели две ярко раскрашенные птицы. Тельце у пичуг длинное, примерно как у скворца, лапки короткие, на веточках они расположились строго вертикально, как гимнаст на перекладине. Голубоватую манишку венчал ослепительный жёлтый шарфик с чёрной каймой по нижней кромке, которая выразительно разделяла голубое и жёлтое. Фрак со спины — каштановый, пониже «плеч» переходящий в жёлтый. Фалды-крылья — смешанные из голубого, коричневого и зелёного. Хвост определённо предназначен смягчить буффонадное впечатление, привнеся некоторое благородство в птичий облик строгостью сине-зелёного.

Пернатая диковинка называется золотистая щурка, или пчелоедка, и считается одной из самых красивых птиц в мире. Благодаря своей вызывающей приметности они пробуждают особый к себе интерес. У меня было несколько встреч с ними, несколько историй.

По мне, облик пчелоедки неоднозначен. Весёлая клоунская раскраска тела соседствует с грозным, я бы даже рискнул сказать, янычарским оформлением головы. И виной всему длинный-предлинный клюв, который защищает её от укусов жалящих насекомых (осы и пчёлы), входящих в рацион пчелоедки. Прежде чем проглотить добычу, щурки пережимают её клювом и надёжно убивают. Но спуску пернатым их жертвы не дают. Расставаясь с жизнью, некоторые умудряются-таки вонзить ядовитое шильце в птичий язык. По исследованиям орнитологов, в мелком язычишке щурок всегда торчит множество колючих обломков. Происходит так потому, что охотится щурка на лету, на большой скорости, а это, сами понимаете, не за столом вилочкой ковырять.

В детстве я часто встречал этих разноцветных красоток во время велосипедных блужданий со сверстниками по пойменным лугам и рошицам, лежащим вдоль Сакмары и Урала. Между нами они назывались золотыми петушками.

Много лет «петушки» не попадались мне на глаза и вот неожиданно украсили мрачноватый бонсай. Сфотографировав пришельцев из окна машины, я сделал попытку сблизиться с ними для более тесного фотообщения, но не получилось. Немного дальше по оврагу скалистый берег превращался в глинистый обрыв, где были нарты птичьих пещерки. Я хотел было определить, в какой же из них обитает распрекрасная пара, но птицы были настороже. Моя «Нива» определённо им надоела, к обрыву так ни разу и не подлетели, и мне приходилось убираться во-свояси. Я, конечно, сам виноват: не было времени ждать, настаивать на своём, терпеть.

Живут пчелоедки стайками, пещерки в обрывах роют порой недалеко друг от друга. Почему эта парочка поселилась на отшибе? Кто они вольнолюбивые отшельники или невезучие изгой? Все последующие приезды в сад сопровождалась новыми свиданиями. Я подруливал к самой кромке оврага и через окно фотографировал птиц. С машиной они мирились, но любая моя попытка выбраться из неё мгновенно пресекалась: щурки улетали. Потом на деревце осталась одна птичка, значит, вторая села на яйца. Больше месяца меня встречал сидящий на карагаче одинокий дозорный. Один раз он попал в фокус моего фотика с крупной стрекозой в клюве. Торчащий поперёк головы стрекозий хвост, словно разбойничий ус, придал ещё большую свирепость грубоватому птичьему лику.

Однажды сторожа на месте не оказалось. Я остановился напротив дерева, чтобы подождать его. Обычно в таких случаях он появлялся очень скоро — проследить, не придёт ли мне в голову какая неприличная шкода. Птица не появлялась. Это было странно, по времени птенцы ещё должны были находиться в гнезде. Разочарованный,

я поехал дальше и вскоре нашёл разгадку. В изрытой пещерками земляной стенке зияла огромная дыра. Я вышел из машины и подошёл к обрыву. Какой-то зверь оказался хитрее и терпеливее меня: выследил птичье гнездовье и разрыл его. Отверстие было достаточно большое — сантиметров тридцать в диаметре. Несчастливые щурки поселились совсем низко над землёй, и охотнику не составило большого труда добраться до птичьего домика. На обед хищнику достался почти выросший выводок и, возможно, кто-то из родителей. Наружу он выбрался метрах в двух от входа. Оставалось только выразить соболезнование потерпевшим.

* * *

В середине августа мне понадобился речной песок, чтобы приготовить землю для выращивания рассады. Я поехал на Сакмару и, добравшись до первых растений неглубокого пойменного леса, неожиданно попал в царство щурок. Видимо, неподалёку находился их родимый обрыв. Птицы летали весело, то и дело меня направление полёта. На лету издавали громкие мелодичные, но немногосложные крики. Разгонялись несколькими сильными взмахами крыльев и дальше летели, как выпущенная из лука стрела. На такой скорости поймать нерасторопное насекомое и вправду нетрудно. Птенцы уже облетались, в воздухе держались уверенно, ничем не выделяясь из стаи. Отдыхали на высоких кустах, растущих в ложбинке, вдоль которой и тащилась луговая дорога. Обилие молодых непуганых птиц подарило мне хорошую фотоохоту.

Птицы часто попадали в кадр парами — молодая со взрослой. В это время родители ещё продолжали докармливать своих отпрысков. У молодежи оперение более блеклое, более однотонное, много сероватых оттенков, нет чёрной полоски между грудкой и шеей.

Через несколько дней стайка прилетела в сады. Правда, сфотографировать удалось только пролетающих птиц: никто из них у меня на участке, к сожалению, не задержался. А было бы хорошо, если б они немного сократили поголовье докучливых ос. Щурок, знакомых мне по каменной реке, здесь, в предотлётном хороводе, скорее всего, не было. Проезжая в сад, я иногда видел одинокую пчелоедку, сидевшую на том самом «японистом» карагаче. Тоска потери дорогих существ неодолимо тянула её на место ужасной драмы. Моё предположение оправдалось: вместе с подростками охотник поймал и взрослую птицу.

Печальные события на каменной реке должны были отвратить от её обрывистого берега золотистых щурок. Но жизнь предпочла другой сценарий.

К моему удивлению, на следующий год я нашёл здесь целую птичью колонию. Знать, их прежнее стойбище по неведомой причине сильно пострадало, если вся стая заселила тесноватый обрыв. Птиц было так много, что неуместившиеся пары вырыли себе пристанища в боковом притоке оврага глубиной не более одного метра. С точки зрения безопасности — полное безрассудство. Многие на Руси надеются на авось, и щурки не исключение.

Наученный неудачным опытом общения с ними в прошлом году, я не стал светиться около оврага аж до конца июня, когда подрастающие птенцы наиболее про-

жорливы, а их предки, соответственно, менее осторожны и более терпимы к любопытным фотоаппаратам.

Всё получилось в лучшем виде. Увидев «Ниву», бесцеремонно припаркованную прямо напротив своих жилищ, птицы, а прилетели они сразу всей стаей, опешили. Полетали немного в сторонку, да делать нечего — не морить же голодом дорогое потомство — начали присаживаться на висящие по склону корешки и веточки, осматриваться. У каждой щурки в клюве по стрекозе или по кузнечнику, а детки голодные, ждут не дождутся аппетитных букашек. «Нива» признаков жизни не подавала — вот и стали кормильцы по одному нырять в отверстия своих жилищ. Я проследил три ходки стаи за добычей. Летали недалеко, потому что возвращались быстро, я и заскучать-то не успевал.

* * *

Щуркам понравился обрывистый берег каменной реки. На следующий год птицы заселились в нём практически в прежнем составе, и я устроил себе ещё одну занимательную фотосессию с ними, навестив их в пору, когда они тоже пренебрегают осторожностью, но совсем по другим причинам. Случилось это 8 июня, в самый разгар птичьих романтических отношений. Я подошёл машину вплотную к кромке оврага, замаскировал себя тёмной тряпицей, чтобы птицы не видели человека внутри салона, — выставил наружу только объектив камеры и замер.

Вскоре я заметил, что из одной норки частенько высывается жёлто-коричневая голова. Появление авто, похоже, её совсем не смутило. Как выяснилось в дальнейшем, она и стала главной героиней фоторепортажа, «лицом фотосессии».

Щурки прилетели, как и обычно, стайкой, но, увидев машину, расселись в сторонку оценить последствия неожиданного визита. Постепенно птицы осмелели, стали пролетать низко над оврагом, издавая резкие односложные свисты: «Есть! Есть! Есть!..» Первой отреагировала подмеченная мной пчелоедка. Высунувшись из отверстия пещерки, она что было мочи завопила, но уже двусложно: «Давай! Давай!..» На такой решительный призыв нельзя было не среагировать — одна из прилетевших птиц села у кромки норы и покормила хозяйку дома. Всё сразу прояснилось: в норке самка, уже сидящая на яйцах, а кормящий гость — это самец, можно сказать, её суженый.

Самец улетел за следующей обеденной порцией, самка на какое-то время скрылась в норе, но потом высунулась наружу и завела своё двуступище: «Давай! Давай!..» Вернувшийся самец уже без раздумий устремился к ней, покормил и снова отвалил на поиски корма. Так повторилось несколько раз, после чего самка, заморив червячка, вылетела на верхнюю кромку обрыва и приняла позу, недвусмысленно обозначающую готовность принимать не только пищу физическую, но и изъявление чувств нежных. Я появился вовремя: количество яиц в гнезде явно не доросло до среднестатистического, и самка горела желанием восстановить статус-кво. Прилетевший в очередной раз самец покормил, конечно, любимую, но на дальнейшие действия никак не отваживался. Интим всё-таки. А тут совсем посторонний автомобиль. Но, как в таких случаях говорится, не устоял.

Остальные птицы в стае вели себя более скрытно. Самцы подлетали к норкам, кормили подруг где-то внутри и по-быстрому ретировались, не задерживаясь в районе гнезда. И только одна птичья пара последовала примеру моих героев, решила сделать своё очередное яйцо.

Вот так на пользу фотографу сработали то ли базальный инстинкт продолжения рода, то ли безумная любовная страсть. Кому какой термин больше нравится. Результатом стала сотня снимков, сделанных в раскалённом на солнце автомобиле под хорошо сохраняющим тепло покрывалом.

* * *

Мой небольшой опыт фотографирования птиц показал, что съёмка золотистых щурок преинтересное и полное неожиданностей занятие. Два года счастливо плодились и размножались мои знакомые на берегу каменной реки, но на третий в обрыве снова появились фатальные тридцатисантиметровые норы неопознанного подземного врага пчелоедок, и уже было прилетевшие и начавшие обустройство пещерок птички (я представляю в каком ужасе) покинули ставший вдруг негостеприимным крутояр.

Я бросился на поиски исчезнувших красоток и однажды, в день, когда у меня получилась интересная фотосъёмка каменок плясуний, высмотрел примерные места гнездования золотистых щурок. На просматриваемом участке оврага, длиной метров двести жили примерно три пары. Одна из них совсем рядом с норкой каменок: моя «Нива» насторожила щурок, и они долго сидели на табличке-определителе подземного кабеля, не решаясь нырнуть в овраг к своему жилищу.

Вскоре я решил проверить мои предположения: подъехал прямо к табличке-наесту и на противоположном обрыве увидел входное отверстие в птичьих апартаменты. Единственные на голой красноватой круче. Щурки несравнимо осторожнее каменок, я накинул между подголовником сиденья и рулём маскирующую тряпицу и под ней затаился.

Утро было прохладным и безветренным. Окно машины смотрело на запад, фотографировать было удобно. Над степью почти бездвижно, строго на одинаковой высоте висели редкие облака. Их нижняя поверхность каза-

лась плоской и плотной. Верхушки облаков, ослепительно белые в лучах восходящего солнца, грудились на серое серьёзное основание беспорядочно и легковесно. Широкие голубые пустыни яркого летнего небосвода между курчавыми нагромождениями располагали к самым романтическим ожиданиям.

Удаляясь от машины, воздушные сугробы сгущались, образуя над степью почти сплошную, ровную поверхность сферической формы. Ещё одно свидетельство того, что земля круглая, для наблюдательного ума очевидное.

Вскоре на камень, лежащий на дне оврага, присела желанная золотистая щурка. Птица недоверчиво осматривалась, оценивая ландшафтные изменения, внесённые моей «Нивой». К норке подлетать не решилась, сделала несколько пролётов вдоль оврага. Я ждал, и птица наконец залетела в так притягивающее отверстие. Око моей камеры зафиксировалось на птичьей пещерке, затвор был взведён, и в момент вылета птички наружу я получил то, что желал — снимок самолёта-птицы с широко раскрытыми крыльями. Самцы и самки золотистых щурок очень похожи друг на друга, но самки окрашены немного бледнее. Вылетела самка.

Следующего кадра пришлось ожидать долго. Тело моё постепенно затекало. Пространство под пологом медленно, но удручающе нагревалось. В голове зародились мысли (неожиданные в складывающейся обстановке), осуждающие разного рода догматиков, утверждавших вопреки здравому смыслу, что земля всё-таки плоская.

Наконец самка вернулась к норке и присела около входа. Как она держалась на отвесном обрыве, было непонятно. В отверстии жилища показалась более тёмная голова самца. Подозрительно осмотревшись, он устремился на поиски своего насекомого, а самка залетела в пещерку. Я рьяно фотографировал. Кровь чудесным образом разбежалась по жилам, жара забылась, раздражённые мысли о скудоумии сторонников гипотезы плоской земли покинули перегретые мозги.

Похоже, что сладкая пора спаривания закончилась, парочка накопила необходимое количество яиц. Самец

больше не приносил подружке вкуснейших насекомых, «супруги» кормились самостоятельно, на гнезде сидели по очереди. Такова жизнь щурок: недолго кавалеры прогибаются перед слабым полом. Кончилась музыка любви, и — гоняйтесь, барышня, за стрекозками на собственных крыльях.

Различие в окраске позволяло судить, что обе птички ответственно выполняли свои родительские обязанности и добросовестно отсиживали на яйцах положенное время.

К норке подлетел неожиданный гость — элегантный сероспинный самец каменки обыкновенной. Заглядывал в отверстие, прислушивался, даже пытался пробраться внутрь. Каменки уже вывели и выкормили своё первое в это лето потомство и теперь подыскивали местечко для второго гнезда. Рыть новую пещерку не хотелось, авось найдётся пусть старенькая, но свободная. Разведчик достаточно быстро разобрался, что эта дырочка освободится ещё не скоро, и без скандала покинул территорию чужого владения.

Щурки привыкли к авто, менялись на гнезде не часто, но регулярно. Я на всякий случай отснял ещё несколько таких пересменок, поблагодарил птичек за сотрудничество и отбыл в сад на поиск следующих занятных кадров.

Сад встретил меня очередными цветочными откровениями. Обронила лепестки робиния, народное название — белая акация. Им на смену забелели зонтики цветов бузины чёрной, и многочисленные насекомые, тут же сменив приоритеты, уже охаживали душистые четырёхлучевые звёздочки. А как хороши ирисы бородачье: кажется, нет такого цвета в цветочном круге, который не принесли бы они в сад! Как торжественны и строги стандарты — доли, смотрящие вверх, и как беспечно нежны отогнутые вниз фолсы! Сортов много, цветут они по очереди, один сорт сменяет другой, создавая ощущение продолжительности процесса, хотя на самом деле ирис цветёт недолго. Им на смену придут лилейники, и тоже будет казаться, что цветут они всё лето, и также благодаря большому разнообразию сортов. И так с ранней весны до поздней осени растения открываются навстречу человеку. Это и есть самое простое и самое желанное чудо, которое дарит мне сад.

ДОМАШНЯЯ АПТЕКА

МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ?

Экономичные аналоги дорогих лекарственных брендов

- *Нурофен (120 руб.) и Ибупрофен (10 руб.)
- Мезим (300 руб.) и Панкреатин (30 руб.)
- Но-шпа (150 руб.) и Дротаверина гидрохлорид (30 руб.)
- Панадол (50 руб.) и Парацетамол (5 руб.)
- Белосалик (380 руб.) и Акридерм СК (40 руб.)
- Бепантен (250 руб.) и Декспантенол (100 руб.)
- Бетасерк (600 руб.) и Бетагистин (250 руб.)
- Быструмгель (180 руб.) и Кетопрофен (60 руб.)
- Вольтарен (300 руб.) и Диклофенак (40 руб.)
- Гастрозол (120 руб.) и Омепразол (50 руб.)
- Детралекс (580 руб.) и Венарус (300 руб.)
- Дифлюкан (400 руб.) и Флуконазол (30 руб.)
- Длянос (100 руб.) и Риностоп (30 руб.)
- Зантак (280 руб.) и Ранитидин (30 руб.)
- Зиртек (220 руб.) и Цетиринакс (80 руб.)
- Зовиракс (240 руб.) и Ацикловир (40 руб.)
- Иммунал (200 руб.) и Эхинацеи экстракт (50 руб.)
- Имодаиум (300 руб.) и Лоперамид (20 руб.)
- Йодомарин (220 руб.) и Калия йодид (100 руб.)
- Кавинтон (580 руб.) и Винпоцетин (200 руб.)
- Кларитин (180 руб.) и Лорагексал (60 руб.)
- Клацид (600 руб.) и Кларитромицин (180 руб.)
- Лазолван (320 руб.) и Амброксол (20 руб.)
- Ламизил (400 руб.) и Тербинафин (100 руб.)
- Лиотон-1000 (350 руб.) и Гепарин—акригель 1000 (120 руб.)
- Ломилан (150 руб.) и Лорагексал (50 руб.)
- Максидекс (120 руб.) и Дексаметазон (40 руб.)
- Мидриацил (360 руб.) и Тропикамид (120 руб.)
- Мирамистин (200 руб.) и Хлоргексидин (10 руб.)
- Мовалис (410 руб.) и Мелоксикам (80 руб.)
- Нейромультивит (250 руб.) и Пентовит (50 руб.)
- Нормодипин (620 руб.) и Амлодипин (40 руб.)
- Омес (180 руб.) и Омепразол (50 руб.)
- Панангин (140 руб.) и Аспаркам (10 руб.)
- Пантогам (350 руб.) и Пантокальцин (230 руб.)
- Рионорм (50 руб.) и Риностоп (20 руб.)
- Сумаamed (450 руб.) и Азитромицин (90 руб.)
- Трентал (200 руб.) и Пентоксифиллин (50 руб.)
- Трихопол (90 руб.) и Метронидазол (10 руб.)
- Троксевазин (220 руб.) и Троксеутин (110 руб.)
- Ультоп (270 руб.) и Омепразол (50 руб.)
- Фастум—гель (250 руб.) и Кетопрофен (70 руб.)
- Финлепсин (280 руб.) и Карбамазепин (50 руб.)
- Флюкостат (200 руб.) и Флуконазол (20 руб.)
- Фурамаг (380 руб.) и Фурагин (40 руб.)
- Хемомицин (300 руб.) и Азитромицин (100 руб.)
- Энап (150 руб.) и Эналаприл (70 руб.)
- Эрсефурил (400 руб.) и Фуразолидон (40 руб.)

СОДЕРЖАНИЕ

20 ЛЕТ ЛИТЕРАТУРНОМУ ОБЪЕДИНЕНИЮ

Надежда Забараускас. «Здравствуй, милый «Отчий дом!» 2

ЗНАЙ НАШИХ

Наталья Мельникова. Памятный знак авторам «Отчего Дома» 5	Александр Шишкин. «Ах, этот выюгой вязанный платок...» 8
Анастасия Устинова. Поэты на «Русском Парнасе» 6	Диана Кан. Эдуард Анашкин — лауреат премии «Традиция» 9
Александр Шишкин. Диана Кан — лауреат международной Цветаевской премии 7	

ГОРНИЦА

Евгений Семичев. «Когда клубятся волжские туманы...» 10	Александр Чулков. «Давай сольёмся в вихре вальса...» 35
Диана Кан. «Я вернусь по весне...» 12	Илья Павлов. «Роща пышная смотрит молодо...» 36
Анастасия Устинова. «Ах листья, листья, что огнём горите?...» 14	Валентина Соколова. «И радуги подкова зажжётся поутру...» 37
Александр Малиновский. Голоса на обочине 17	Пётр Злобин. «Смех из детской — наша награда...» 38
Андрей Иванов. «Нашу честь и нашу волю...» 22	Лилия Егорова. «Разожгу одуванчики в травах...» 39
Виктория Иванова. «Кошка встречается нынче с луною...» 23	Неля Христовова. Придорожная трава 40
Татьяна Коковина. «Я любовь, как песню, отыграла...» 26	Людмила Корсунова. «Я в эту осень больше не вернусь...» 41
Ольга Полухина. «Я по жизни иду в полный рост...» 27	Александр Мишарин. «Я ушёл в рассвет, судьбу пытая...» 42
Надежда Забараускас. «Из-под пера бежит строка...» 29	Тамара Сакс. «Замерзая алмазами слёз...» 43
Леонид Котов. «Снится волжская вода...» 30	Евгения Вахонина. «Как ты с русской бабой совладать не смог?...» 43
Наталья Мельникова. Рассказы 31	
Вера Беляева. «Положенье, статусность, богатство...» 33	

НОВОКУЙБЫШЕВСК ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Татьяна Коковина. Как живёшь ты, «Отчий дом»? 44	Вера Беляева. Свет лугов и облаков 50
Надежда Забараускас. Стихи под шёпот снегопада 45	Валентина Соколова. Бал — это тоже креатив! 52
Диана Кан. Необоримый свет семьи Ивановых 47	Диана Кан. «Берегиня» в «Отчем Доме» 53
Диана Кан. Судьбу запрягающий в санки 47	Татьяна Коковина. «Вместо красок — ноты...» 54
Татьяна Коковина. «Рапсодия любви» 48	Вера Беляева. ...А превратились в девять журавлей 55
Ольга Полухина, Валентина Соклова. Самоцветные слова 49	Валентина Соколова. Возложить стихи и песни 56
	Наталья Мельникова. Мы рождены для вдохновения 57

ГОСТИНАЯ

Виталий Молчанов. «Поверх чужих побед...» 58	Джабраил Яхъяев. «Еду кланяться отчему дому...» 67
Виктор Мельников. «Закончился последний смертный бой...» 60	Наталья Борисова. «И не надо судьбы другой...» 68
Елизавета Мартынова. «Нежного снега милость выпала навсегда...» 62	Александр Мишенков. «О, Волга! Разве можно не влюбиться...» 69
Василий Попов. «Гори, гори, гори, моя весна...» 63	Надежда Блинкова. «Не зная любви и пощады...» 70
Надежда Чванова. «Слава Богу, есть свет и земля...» 65	Эвелина Глазкова. «Стоит под Андреевским флагом и ныне...» 71
Галина Елисеева. «Я, сбросив свою лягушачью одежду...» 66	Виолетта Куделина. «Голос его — голос блудного ветра...» 72

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Евгений Семичев. Реанимация редакции 74	Евгений Семичев. Сиянье чистоты 78
Эдуард Анашкин. «Если не сдохну с голоду, то стану большим поэтом...» 75	Малоизвестные факты из жизни человека, которого знают все 81
Вячеслав Лютый. Единственность 77	

ДЕТСКАЯ КОМНАТА

Иван Бардин. «Сразу плакать отпала охота...» 84

Елена Зиноватная. «И пропажа мяукнула робко...» 85

КТО ЭТОТ МАЛЬЧИК УШАСТЫЙ?

ЛИТЕРАТУРНАЯ КУХНЯ

Александр Сергеевич! Кушать подано! 87

ВО САДУ ЛИ, В ОГОРОДЕ

Юрий Полуэктов. Золотистые щурки — красули балаганные 90

ДОМАШНЯЯ АПТЕКА

Мы за ценой не постоим? 94

ОТЧИЙ ДОМ

Выпуск № 7 (2017 год)

*Литературно-художественный и культурно-просветительский альманах
для семейного чтения*

Выпускается Народным литературным объединением «Отчий Дом»
(Новокуйбышевск-Самара).

Руководитель — член Союза писателей России Анастасия Устинова

Главный редактор альманаха Кан Диана Елисеевна
kan.diana-kan@yandex.ru

***Проект издания альманаха осуществляется при финансовой поддержке
Городского округа Новокуйбышевск (Глава округа Сергей Марков)
и ТД «Автограф» (Генеральный директор Андрей Иванов)***

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Мы вступаем в переписку только с авторами, чьи тексты одобрены для публикации.

Мы не всегда разделяем мнение авторов, но уважаем их право на свободу слова.

Ответственность за точность излагаемых сведений несут авторы.

*Оказываем профессиональную помощь
в предпечатной подготовке рукописей для издания книг
(отбор, редактирование, структурирование, рецензирование,
компьютерная вёрстка, дизайн обложки и др.).*

**446200, Самарская область, г. Новокуйбышевск,
Дворец культуры, каб. 96, Народное литобъединение «Отчий Дом»**

Издание подготовлено творческим объединением «Русское эхо» Самарской областной писательской организации.
Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179, тел. (846) 333-48-01
Подписано в печать 23.04.2017. Формат издания 60x90/8. Объём 16,0 п.л. Гарнитура Petersburg. Печать офсетная. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Медиа-Книга»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82, e-mail: izdatkniga@yandex.ru